

АСЯ ЛАВРИНОВИЧ
ПОЦЕЛУЙ
ПОД ОТЕЛОЙ

Annotation

Переехать из маленького городка в Санкт-Петербург и перевестись в новую школу накануне Нового года – у кого угодно голова пойдет кругом. А неожиданная популярность среди одноклассников только добавила Оле Воробьевой проблем. И все бы ничего, но надо же было такому случиться: Оля влюбилась в Женю, которого, кажется, не переносит вся школа. Завоевать сердце парня и не стать изгоем – невозможная задача. Но какие чудеса только не случаются под Новый год.

- [Ася Лавринович](#)
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
-

Ася Лавринович

Поцелуй под омелой

© Ася Лавринович, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Глава первая

Опубликовано в 16:59

Про ложь

«Я не боюсь перемен и правды. С первым я сталкиваюсь слишком часто, а второе от меня обычно тщательно скрывают. Думают, что ничего вокруг не замечаю. Маленькая еще, глупая, наивная, да и вообще... По мнению взрослых, сладкая ложь куда лучше горькой правды. И вот ты уже подстраиваешься под правила чужой игры.

Вся эта ситуация напоминает некрасивый колючий свитер, который связала дорогая бабушка. Он серый, неприглядный, немодный, нелюбимый. От него чешутся руки и спина. Не хочу! Не нравится! Но свитер снять нельзя, ведь бабуля обидится. Так и носишь его на себе. И миришься с этой ложью. Такой сладенькой и приторной, что аж зубы сводит...»

Kitsune (K): Сайонарочка моя, ты тут? Что за мрачные мысли?

Sayonara (S): Сколько раз я просила не называть меня так?))

(K): А как мне тебя называть? Ты скрываешь свое настоящее имя...

(S): А тебе оно интересно?

(K): Мне интересно все, что связано с тобой. Твое имя, твой цвет волос, твой голос.

...

(K): Молчишь?

(S): Думаю, когда-нибудь ты узнаешь обо мне все;)

(K): Когда же?

(S): Ты слишком нетерпелив, Кицунэ!

(K): Ок. И все-таки, что у тебя случилось? Хочу помочь.

(S): Не бери в голову. Просто устала. За окном все время темно. Целыми днями дождь лупит по крыше. От утреннего тумана болит голова. Еще и школа угнетает...

(K): Ты учишься в школе?

(S): Кажется, я тебе об этом уже говорила:)

(K): Так, за время нашего общения мы выяснили, что живем в одном городе. Может, еще и в одной школе учимся? Меня моя тоже угнетает...

(S): Все может быть;)

(K): Интересно, встречались ли мы в реальной жизни?

(S): Даже если не встречались, то обязательно встретимся...

(K): Иногда мне кажется, что я тебя уже люблю!

(S): А я люблю в кофе чайную ложку пломбира добавлять!

(K): Спокойной ночи! Не грусти, моя Сайонарочка!)))

(S): Издеваешься?) Ладно, сдаюсь! Можешь называть меня Олей...

* * *

Оля долго стояла у кабинета биологии, не решаясь войти. Слышала, как за дверью шумят ее будущие одноклассники. Девушка тяжело вздохнула и посмотрела на аккуратные наручные часы. До звонка оставалось десять минут.

В конце длинного коридора появилась высокая блондинка. Звонко стуча каблучками, она направлялась к этому самому кабинету. Подойдя ближе, блондинка притормозила и с ног до головы оглядела Олю.

- Привет! - дружелюбно проговорила она, не скрывая интереса. Отметила про себя симпатичную блузку и модные сапожки на девчонке. Внешний вид незнакомки ей понравился. Что ж, вкус определенно есть... Это уже хорошо.

- Привет, - осторожно отозвалась Оля.

- Ты сюда?

- Да, наверное. Тут десятый?

- Ага, десятый «А»! - кивнула блондинка. - Неужели ты новенькая?

- Ну да...

- И перевелась к нам в ноябре?

- Так получилось, - почему-то смутилась Оля.

В этот момент к кабинету подошли два парня. Один из них, высокий блондин, мазнув по девчонкам равнодушным взглядом, распахнул дверь и вальяжно прошествовал в класс. Гомон стал громче. Второй, невысокий коренастый шатен, притормозил возле блондинки и поинтересовался:

- Катюха, это кто? Твоя подруга? Познакомишь?

- Мы и сами еще незнакомы, - призналась блондинка.

- Меня зовут Оля. Оля Воробьева! - поспешно представилась новенькая.

- Воробьева? - обрадовалась блондинка. - А я - Синицына!

- Пернатое царство, - хмыкнул коренастый. - А я - Игнат!

- А я - томат, - передразнила шатена блондинка, оскорбившись на «пернатое царство».

Оля не удержалась от смешка.

- Ой, да ну вас! - покраснел Игнат, теперь действительно, напомнив помидор. - Уже спелись!

Когда Игнат вошел в класс вслед за блондином, Синицына повернулась к новой знакомой.

– Между прочим, мой бывший сосед по парте, – кивнула в сторону парня Сеницына. – Только я от него недавно отсела. Достал меня!

– Ммм, – промычала Оля. – А-а-а... тот блондин кто? Сеницына обернулась в сторону распахнутой двери.

– Егор? Он тебе понравился?

Оля, почувствовав, что краснеет, уставилась в окно, за которым сплошной стеной лил дождь.

– Просто хочу всех узнать, – наконец пролепетала она.

– Ой, он на нас даже не посмотрит, – огорченно покачала головой Сеницына. – Такой пижон!

– Ну и ладно! – рассмеялась Оля. – А ты, значит, Катя?

Оля припомнила, что Игнат назвал блондинку «Катюхой».

– Вообще-то мне больше нравится, когда меня называют Риной. Но это для близких...

– А мне тебя... – начала Оля.

– Называй Риной, – разрешила Сеницына.

Девчонки улыбнулись друг другу.

«Все оказалось не так страшно!» – подумала Оля. Перемены – это волнующе, но не смертельно. Вот Сеницына, кажется, отличная девчонка. Такая доброжелательная...

Рина, заметив, что Оля смущенно топчется у порога, схватила новую знакомую под локоть и повела в кабинет, где что-то бурно обсуждали десятиклассники. Одни, заметив вошедших, примолкли и с интересом уставились на девчонок. Другие не обратили на Олю и Рину никакого внимания.

– Моя парта – четвертая в первом ряду, – проинструктировала Сеницына. – Тебе повезло: как раз одна сию. Только чур я у окна!

Оля слабо улыбнулась. Она чувствовала на себе внимательные взгляды одноклассников, от волнения

ноги стали ватными, щеки горели. Нет, все-таки первый день в новой школе – это очень страшно!

Оля села за четвертую парту и осторожно достала из сумки смартфон, тетрадь, яркий пухлый пенал...

– Пенал? – удивилась Рина. – Не думала, что ты такая зануда!

– Ну да, – смутилась Оля. – Пенал. А как еще? У меня тут и ручки по цветам разложены, два ластика с банановым и клубничным ароматом.

– Два ластика? Цветные ручки? – громко засмеялась Рина, привлекая к себе внимание остальных одноклассников.

Оля почувствовала, что снова краснеет.

– Игнатик! – обернулась к коренастому Рина. Парень сидел за пятой партой. – У тебя есть запасная ручка?

– Чего? – опешил Игнат.

– Ручка, говорю, запасная в наличии? Ты вообще андестенд меня?

Игнат озадаченно почесал широкую переносицу.

– Стержень где-то завалялся... погоди!

Игнат полез в рюкзак и долго в нем копался, пока не выудил на свет стержень, чернила в котором уже почти закончились.

– Держи! – протянул он его Синицыной.

– Фу! Убери! Обгрызенный какой-то! – Рина пренебрежительно фыркнула и отвернулась. – Вот, видишь! А ты по цветам ручки раскладываешь. Больно собранная!

Оля растерянно пожала плечами.

– Еще с начальной школы привыкла, – в свое оправдание произнесла она.

– С начальной школы? Девочка моя, взрослей! Это старшие классы.

Рина снова расхохоталась. Игнат, заинтересовавшись, что происходит у девчонок, ткнул Синицыну пальцем в спину:

– Что там у вас? Катюха, расскажи!
– Отвалиссимо! – буркнула Рина. Затем наклонилась к Оле и прошептала ей на ухо: – Если хочешь стать популярной, лучше с Игнатом не общайся!
– Это еще почему? – озадачилась новенькая.
– Его не слишком уважают в классе, он – лошара! Учится хуже всех. Это уж я с ним так, по-соседски.

Оля осторожно обернулась и украдкой посмотрела на Игната. Парень в это время с самым презабавным выражением лица играл в телефон, высунув кончик языка. Вот так делить людей на достойных и не достойных общения... Крест на человеке ставить? Глупости!

– И с кем же мне еще не советуешь общаться? – осторожно поинтересовалась Оля у Рины, разумеется, не собираясь следовать ее советам.

– Так-так-так! – Синицына оглядела класс. – Игошина за первой партой – просто жу-у-уткая зануда! В секунде одевается. Носит старомодные шерстяные юбки, и туфли у нее забавные. Тупоносые такие, с пряжкой, как у Маркиза Карабаса. – Рина снова засмеялась.

Оля внимательно разглядывала Игошину. Серая водолазка, тугая темная коса до пояса. Оля тоже носит длинные волосы и часто заплетает их. А если и ее вдруг сочтут жуткой занудой? Вон же, за любовь к цветным ручкам высмеяли.

– Вон тот – Ромка Плетнев. Ага, косоглазый. Он с Игнатом дружит. В третьем классе кто-то спалил, что он козявки на уроках жует, с тех пор его у нас тоже не жалуют. А еще вот та, Вероника... У нее...

– Хорошо! – не выдержала Оля. Рина Синицына уже не казалась ей такой славной, как в самом начале их знакомства. Но Оля села с ней за одну парту, скоро прозвенит звонок, куда уж отступать... – А с кем мне можно общаться?

Этот вопрос она задала с сарказмом, но Сеницына его не уловила и охотно продолжила:

– Например, я – крепкий середнячок!

Рина произнесла это так гордо, будто она, по крайней мере, серебряный призер чемпионата Европы по какому-нибудь виду спорта.

– Учусь нормально, авторитет в коллективе какой-никакой имею. Конечно, высший класс – это с Егором Власовым замутить, но, говорю ж, он на тебя даже не посмотрит!

Рина мечтательно вздохнула. Оля отыскивала глазами блондина. Парень сидел в третьем ряду. В этот момент Егор, вальяжно откинувшись на спинку стула, с обаятельной улыбкой что-то рассказывал соседу по парте.

– Даже не пялся в его сторону, – предупредила Рина, перехватив взгляд своей новой знакомой. – Это дохлый номер.

– Он мне и не нужен! – Стараясь скрыть смущение, Оля пренебрежительно усмехнулась. – У меня вообще-то парень есть.

– Да-а? – оживилась Рина. – А вот это уже интересно! Студент? Или ровесник? Только не говори, что младше. Тогда это вообще отстой!..

Оля и слова не могла вставить в болтовню Рины Сеницыной.

– Потом расскажу, – наконец угрюмо отозвалась она, поглядывая на настенные часы. С минуты на минуту должен был раздаться звонок на урок.

– А почему ты перевелась к нам аж после осенних каникул? – поинтересовалась Рина, распутывая наушники. Из чего Оля сделала вывод, что слушать учителя Сеницына не собирается. Как же она тогда получает хорошие оценки?

– Мы жили в Тосно. Потом папа получил хорошую должность – и вот, переехали, – сообщила Оля.

- А кто он у тебя?
- Лингвист.
- Неинтересно! - вздохнула Рина.

Воробьева пожала плечами и отвернулась от Синицыной. А что ей было бы интересно? Если б отцом Оли оказался Леонардо Ди Каприо?..

От нечего делать снова принялась рассматривать одноклассников. Скользнула взглядом по Игошиной, чуть дольше положенного наблюдала за Егором. Нет, пусть он и симпатичный, но самовлюбленные снобы совсем не в Олином вкусе!

И тут в дверном проеме показалась высокая хрупкая девушка с густыми темными волосами до лопаток. Оля, неожиданно для себя, загляделась на вошедшую одноклассницу. Брюнетка будто плыла по классу, бережно прижимая к груди большой блокнот, из которого торчали яркие неоновые закладки. Дошла до третьего ряда и, ни на кого не обращая внимания и ни с кем не здороваясь, села за вторую парту. Оля тут же взглянула на Егора. Как чувствовала, что он тоже будет наблюдать за брюнеткой.

Девушка села на свое место как раз в тот момент, когда раздалась трель школьного звонка. Не вынимая из ушей беспроводные наушники, аккуратно разложила на парте вещи.

- Кстати, о популярности! - снова склонилась к уху Оли Рина. - Если хочешь добиться успеха в нашей школе, попробуй подружиться с ней! Пока это никому не удавалось.

- И кто она? - спросила Оля, не отрывая взгляда от темноволосой девчонки. Та, в свою очередь, раскрыла один из учебников и, плавным движением заправив за ухо темную прядь, склонилась над книгой.

- Это Цветолина! - ответила Синицына. - Самая популярная девочка в параллели.

– Цветолина? – переспросила Оля. – Интересное имя. Впервые слышу!

– Угу! Вроде болгарское! – хмыкнула Рина. – Интересное. Она и сама не простая. Перевелась к нам в девятом классе. Никто так и не понял, как к ней подобраться.

– Но почему же она тогда популярна? – удивилась Оля.

– Мы с бабами прозвали это явление «феномен Цветолины»! – хихикнула Рина. – Все негласно хотят быть похожими на Цвету, а почему – фиг знает. Давай порассуждаем?

Оля кивнула. Почему бы и не порассуждать? Тем более учитель биологии задерживается.

– Будем объективны: Цвета красивая. И учится хорошо. При этом не занудливая заучка, вроде той же Игошиной. А еще Цветолина круто одевается. В конце прошлого учебного года стала носить белые «Мартинсы» со светлой подошвой. Угадай, кто с этой осени носит точно такие же?

– Кто? – спросила Оля.

– Да все старшеклассницы!

– Но почему?

Рина только пожала плечами:

– Говорю же: «эффект Цветолины» в действии.

Тут в класс вошел учитель, и девчонкам пришлось замолчать.

Весь урок Оля, то и дело отвлекаясь от лекции, мыслями возвращалась к загадочной Цветолине. Интересно, почему эта девочка ни с кем не дружит? Оля снова посмотрела в сторону одноклассницы, а затем перевела взгляд на Егора. Тот ничего не записывал, только гипнотизировал спину Цветы. «Ага! Власов точно к ней неравнодушен!» – отметила про себя Оля. И это открытие ее почему-то обрадовало. Всего лишь первый урок в новой школе, а она уже в курсе кое-каких

местных сплетен. Она, толком не зная этих ребят, успела их раскусить! Мысли Оли перебил строгий голос учителя:

– А у нас внезапно появилась новая ученица? Я сразу и не заметил. Представьтесь, пожалуйста!

Растерянная Оля поднялась с места. Тут же к ней обернулись все одноклассники. В том числе и Цветолина. Девочка совсем смутилась.

– Здравствуйте! Я – Оля Воробьева!

– Очень приятно, Оля Воробьева, – улыбнулся пожилой учитель биологии. – В какой школе вы учились до этого?

– Мы с семьей переехали из Тосно. Совсем недавно, – откашлявшись, проговорила Оля.

Ребята не спускали с новенькой внимательных глаз. Только Цвета с равнодушным видом отвернулась и снова обратилась к книге. Оле почему-то стало обидно.

К счастью, учитель не стал подробно расспрашивать новую ученицу о предыдущей школе. Оле и без того было неуютно стоять перед ребятами, изучающими ее с ног до головы.

Оставшуюся часть урока ей некогда было разглядывать новых одноклассников. Оля едва успевала вести конспект, подчеркивая важное цветными ручками.

После звонка Цветолина одной из первых покинула класс. Оля так долго собирала вещи, что Рина начала в нетерпении подпрыгивать на месте.

– Пока все свои ручки в пенал сложишь, – проворчала Синицына. – Перемена после первого урока, между прочим, всего пять минут!

– Я готова! – пропыхтела Оля, закидывая за спину рюкзак. – Бежим!

У доски они столкнулись с Игошиной, которая сосредоточенно изучала плакат «Строение мышц человека».

- Иго-гоша, ты чего подвисла? - хмыкнула Сеницына. - Юль, оглохла, что ли?

Тут же за спиной Оли и Рины возник Егор.

- Она впервые мужика голого рассматривает, - подал голос Власов. - Не мешай!

Сеницына снова громко расхохоталась, а Егор продолжил:

- Игошина, тебя какая мышца тут особенно заинтересовала? Большая ягодичная?

Юля от громкого смеха Рины словно очнулась, подскочила на месте и уставилась на одноклассников.

- Это для моей научно-исследовательской работы, - залепетала она, - по анатомии.

- По анатомии? - тут же откликнулся сосед Власова по парте - невысокий подкачанный шатен. Оля на уроке даже его рассматривать не стала. С поставленными на щеках, губастый и с неприятной улыбкой, похожей на оскал. А самомнения, кажется, хоть отбавляй. - Иго-гоша, строение мышц ты можешь и на мне изучить!

С этими словами парень схватил Юлю за руку и приложил ее ладонь к своему сердцу.

- Слышишь, как отчаянно стучит? - заглядывая в глаза однокласснице, усмехнулся он. - Это все из-за тебя!

Егор и Рина снова негромко рассмеялись. Юля Игошина покраснела до кончиков ушей. А Оля с недоумением переводила взгляд с Сеницыной на Власова. Они серьезно? По их мнению, это смешно? Одноклассники откровенно веселились над Игошиной. Оля думала сказать что-нибудь в защиту бедной смущенной девчонки, но смолчала. Не хотелось в первый учебный день лезть в чужой монастырь со своим уставом.

- Сейчас сердце из груди выскочит, вот, потрогай еще раз! - прохрипел друг Егора Власова, пытаясь затолкать ладонь Игошиной под свою футболку. Юля

резко отдернула руку, слово уколовшись о шипы, и пулей выскочила из опустевшего класса, громко хлопнув дверью.

– Вадик, офигеть, ты ее смутил! – смеялся Егор.

– Я думала, она головой дверь выломает! – веселилась рядом Рина.

Оля неуверенным движением подтянула широкие лямки рюкзака на плечах. Вадик, самодовольно улыбаясь, обратил внимание на новенькую. С интересом осмотрев ее, проговорил:

– Добро пожаловать в наш класс, Оленька Воробьева!

– Спасибо! – отозвалась девочка, внутренне поежившись от «Оленьки».

– Идем на алгебру, – потянула Олю за рукав нарядной блузки Синицына.

Выйдя в коридор, Рина протянула:

– Ну-у, все с вами понятно, голубки!

– Голубки? – растерянно отозвалась Оля, оглядываясь.

– Между тобой и Вадиком явно искра пробежала! – довольным голосом проговорила Рина. – Он так откровенно на тебя пялился! Думала, сожрет взглядом.

– Что? – задохнулась от возмущения Оля. – Нет же! Неправда!

Человека неприятней, чем этот болван Вадик, Оля Воробьева в ту минуту и назвать не могла. Так насмехаться над бедной Игошиной...

– Не такая уж ты недотепа, как я сначала подумала. Молодец, выбрала правильную тактику! – подмигнула новенькой Рина. – Не сможешь подобраться к Егору, замути с его лучшим другом.

– Фу, не хочу я ни с кем мутить! – искренне воскликнула Оля. Кажется, чересчур громко, на весь коридор. Встретившись с удивленным взглядом незнакомой женщины, смутилась.

– Наша математичка! – шепнула Рина. Оля только вздохнула. Час от часу не легче. – Но почему ты не хочешь замутить с Вадиком? Классный, подкачанный, с чувством юмора. Кожа проблемная, ну так и пофиг! Популярность того стоит!

Оля не могла поверить, что об этом можно говорить всерьез.

– Ах да! У тебя же есть парень, – внезапно помрачнела Синицына. – Я уж думала благодаря тебе вольемся в их тусовку. Слушай! – Лицо Рины снова просияло. – А вы долго встречаетесь? Может, ты его бросишь? Ради Вадика.

Оля только головой покачала. Вообще она этого парня только сегодня выдумала, чтобы Синицына не приставала с разговорами по поводу Егора. А теперь вот и Вадика записали в потенциальные ухажеры.

– Понимаю, сейчас ты не готова обсуждать это, – продолжала воодушевленная Рина. – Вернемся к разговору после уроков. Хватит такого срока?

Оля только укоризненно взглянула на одноклассницу.

– Что? Мало? День? Неделя?

Воробьева молчала.

– Блин, Оля, думай быстрее! Вадик может к тебе остыть.

– Вот жалость-то будет! – буркнула Оля, заходя в класс математики.

На следующих уроках Рина то и дело снова пыталась завести подобный разговор, но Оля преимущественно отмалчивалась. К концу занятий Синицына сделала вид, что смертельно обиделась на новенькую, и больше с ней не разговаривала.

Несмотря на то что первый учебный день обернулся для Оли настоящим стрессом, домой девочка возвращалась в приподнятом настроении. Ноябрь в этом году выдался теплым. С утра шел сильный дождь,

а сейчас – ни намека на непогоду. В прозрачных лужах отражаются нарядные фасады домов, огромное небо с бесформенными облаками и тусклое осеннее солнце. По дороге Оля зашла в магазин и купила плитку молочного шоколада, чтобы за ужином разделить ее на три равные части. Одну ей, вторую маме, третью папе. Вдали от родного дома и привычной жизни нельзя забывать про семейные ритуалы.

Вечером Оля сделала уроки, перепроверив ответы несколько раз. И все параграфы по устным предметам заучила, чтобы не ударить в грязь лицом перед незнакомыми учителями. И так утром раскричалась по поводу Вадика на весь коридор. Оле не хотелось, чтобы математичка сочла ее ветреной и глупой.

Расправившись с уроками, Оля подошла к зеркалу и критически осмотрела себя. И хотя на нее обратил внимание популярный Вадик, в этот вечер она показалась себе очень уж посредственной. Низкий рост, парочка лишних килограммов и эти ненавистные веснушки! Оля приподнялась на носочки. Вот стать бы такой же высокой, длинноногой, как Цветолина... Оля узнала фамилию одноклассницы – Константинова. Сегодня Цвету вызвали к доске на уроке литературы, и Оля с удовольствием прослушала ее анализ стихотворения Тютчева. А как выразительно Константинова читала наизусть!

Я встретил вас – и все былое
В отжившем сердце ожило;
Я вспомнил время золотое –
И сердцу стало так тепло...
Как поздней осени порою
Бывают дни, бывает час,
Когда повеет вдруг весною
И что-то вострепнется в нас...

Во время ответа Цветолины все взгляды были прикованы к ней. Но всех мечтательней на девушку смотрел красавчик Егор Власов.

«Почему на некоторых любят, затаив дыхание, а другим достается непозволительно много веснушек на лице? – с тоской подумала Оля. – Хотя мама говорит, что они меня совсем не портят!»

Девочка снова покрутилась перед зеркалом. Единственное, что ей, несомненно, нравилось в себе – это длинные волосы. Они были такими густыми и тяжелыми, что чаще всего Оля носила их распущенными. Чтобы не лезли в глаза – натягивала ободок. Заплетать тугую косу, как у Игошиной, почему-то больше не хотелось. Подумав об этом, Оля нахмурилась. С каких это пор ее стало волновать общественное мнение?

В комнату заглянула Ксения Борисовна, мама Оли.

– Что ты делаешь? – улыбнулась она, глядя, как дочь стоит на носочках перед зеркалом и придирчиво осматривает себя.

– Мне надо похудеть! – капризно отозвалась Оля.

– Глупости! – поморщилась мама. – Куда худеть? Хочешь совсем исчезнуть?

– У меня большие бока! – упрямо проговорила Оля. – И ляжки толстые!

Мама негромко рассмеялась.

– Вижу, первый день в новой школе прошел плодотворно. Тебе понравился какой-то мальчик?

Первым делом Оле на ум пришел симпатичный Егор Власов. Потом она вспомнила про противного Вадика и поморщилась. Даже фамилию его не запомнила. Но на желание измениться скорее повлияла Цветолина. Вот бы про нее, Олю, кто-то рассказывал с таким восхищением!

– Нет, мамочка, мне никто не понравился! – покачала головой Оля.

– Тогда к чему эти стенания? – удивилась женщина.
Оля присела на край кровати вместе с мамой.

– Как тебе новый класс?

– Не знаю, – честно сказала девочка. – В моем прежнем классе такого не было. Все дружные и доброжелательные. А тут... деления какие-то! Этот популярный, тот изгой... Не могу понять, с кем мне дружить. Голова кругом!

Ксения Борисовна подавленно молчала. Затем проговорила:

– Что ты хочешь, большой город.

– Папе об этом, разумеется, не стоит говорить? – спросила Оля.

– Он так переживает из-за того, что нам пришлось оставить прежнюю жизнь, – вздохнула мама. – У тебя новая школа, я пока не могу найти работу. Боюсь, папа еще больше расстроится, если узнает, что ты ни с кем не можешь подружиться.

– Почему это не могу? – улыбнулась Оля. – Очень даже могу! Уже подружилась. С Катей... Синицыной!

– Хорошая девочка? – спросила Ксения Борисовна.

Оля вспомнила, как Рина злорадно хохотала над бедной заклеванной Игошиной и неуверенно кивнула.

– Хорошая, – сказала она, чтобы не расстраивать маму. – Они все хорошие. Не переживай! Это был только первый день. Разберусь!

Когда мама вышла из комнаты, Оля легла на кровать и уставилась на высокий белый потолок. Ее новая комната в квартире, которую сняли родители, казалась девочке неудобной. Но больше всего пугал подъезд. Темный, мрачный, с огромными лестницами и облупившейся старой краской. Хотя вид из окна Оле нравился: небольшой сквер с парой скамеек и старыми могучими липами. У родителей окна выходили на двор с помойными баками. Унылое зрелище.

Оля, вздохнув, потянулась к ноутбуку, который лежал на кровати...

Глава вторая

Опубликовано в 20:15

Про популярность

«Как думаешь, что такое популярность? Помню, в детском саду на новогоднем утреннике у меня была самая красивая диадема. Тогда все девочки мечтали о такой же, а все мальчики хотели со мной танцевать и даже дружить. Диадема потерялась в тот же день. И волшебство рассеялось. Я сразу перестала быть самой популярной...»

Как думаешь, чего мне хочется сейчас больше всего? Популярности? Скорее уж, потеряться, как та самая диадема...»

(К): Оля, ты снова грустишь?

(S): Немножко.

(К): Кто обидел? Скажи.

(S): Ты не должен обо мне беспокоиться. Кто мы друг другу? Просто посторонние люди.

...

(S): Теперь ты молчишь? Не дуйся! Не хотела тебя задеть.

...

(S): Ау! Ну, ты что? Не молчи, пожалуйста!

(К): Не молчу! В толчок ходил)))

(S): Ты невозможный человек!

(К): Простите. В клозет!

(S:)))

(S): Просто иногда это так мучительно... Ждать ответ от того самого человека.

(К): Так что там у нас про популярность?

(S): Ты ею пользуешься?

(K): Скорее, это она использует меня на полную. Ты хочешь стать популярной?

(S): Глупости. У меня просто снова внезапный приступ одиночества.

(K): Знакомо. Улыбнись, любовь моя! Ты даже не подозреваешь, насколько я рядом.

* * *

Шкряб. Шкряб. Шкряб.

– У меня по физике ответы в домашке не сходятся! – причмокнув, проговорила Рина.

И снова заскребла чайной ложечкой по полупустой баночке с клубничным йогуртом: шкряб, шкряб, шкряб...

– У кого-нибудь есть еще такая фигня?

Девочки продолжили молча обедать. Лишь одна из них, Яна Пучкова, пожала плечами:

– Я вообще физику не делала. Вчера поздно домой вернулась, с Никитой гуляла.

– О-о-о! – протянула любопытная Синицына, облизывая ложку. – И как? Поцеловал наконец?

– Ой, да ни фиги! – поморщилась Яна. – Даже не обнял. Просто довел до подъезда, по плечу похлопал, будто я братан его. Уже две недели, как два детсадовца на прогулке, за ручку ходим. Бесит!

– Первая его поцелуй, – посоветовала Рина.

– Вот еще! – дернула плечиком Пучкова. – Перетопчется! Вот в субботу в кино позвал, говорит, билеты взял на «love seats».

– Это что такое? – спросила Оля.

– Сдвоенные кресла, – пояснила Синицына. – Ну-ну, и что дальше?

– Ну что «что»? – вспыхнула Яна. – Надеюсь, поцелует. Правда, на какой-то ужастик идем. Я их

терпеть не могу! В последний раз так взвизгнула от страха, мужик рядом со мной ведро попкорна на пол уронил. Думала, шею мне там от злости в темноте свернет. Лучше б Никитка на мультфильм позвал!

Девчонки дружно рассмеялись. Оля тоже улыбалась, пока не встретилась с внимательным взглядом Сеницыной. Рина отодвинула в сторону пустую баночку из-под йогурта.

- Ну, а у тебя как? - спросила она у Оли.

- Что «как»? - Оля едва не поперхнулась куском пиццы.

- Как с Вадиком? - хитро прищурившись, поинтересовалась Сеницына.

- А что у вас с Вадиком? - тут же встрепнулись остальные девчонки.

- Есть маза к ним в компанию попасть, - счастливо известила одноклассниц Рина.

- Нет у нас ничего с Вадиком! - Оля с раздражением закатила глаза. - И быть не может.

Девчонки вразнойбой стали доставать Воробьеву вопросами:

- Он на тебя запал?

- Тебе не нравится Филимонов? А кто нравится?

- С ума сошла? Это круто и почетно - быть девчонкой Вадика!

Оля только смущенно опускала глаза. Ну, Рина! Надо же так подвести!

- У нее просто вроде как уже парень есть, - снова встряла Сеницына. - Слушай, да брось ты своего малолетку!

- Почему это он малолетка? - оскорбилась Оля за своего выдуманного парня.

- Ну, сколько ему лет? - не унималась Сеницына.

- Шестьдесят! - буркнула Оля.

- Ха-ха! Шутница!

Оле не хотелось ссориться с девчонками, но и разговоры про Вадика жутко раздражали. Тем более Филимонов продолжал оказывать внимание. То дверь в классе придержит, то комплимент отвесит, при этом ехидно ухмыляясь. Даже в друзья добавился, но Оля так и не подтвердила дружбу, оставив Вадика в подписчиках.

– Ладно, не дуйся! – примирительно сказала Рина. – Просто такой шанс... Там, где Власов с Филимоновым, всегда веселье. Они такие тусы устраивают, но вход для избранных.

Оля только пожала плечами. Мол, простите, девочки, но ничем не могу помочь. Ну, если не нравится человек, насильно заставлять себя общаться с ним ради популярности и вечеринок? Глупости!

Синицына быстро переключилась на другую тему.

– Янка, пока ты там со своим детсадовцем гуляла на выходных, смотрите, что я сделала! – Рина приподняла длинные светлые пряди волос, оголив уши. – Трагус!

– Чего-чего? – начали приглядываться к Рине девочки. – Пирсинг, что ль?

– «Чево-чево»! – передразнила подруг Синицына. – Село! Прокол козелка! Как у Цветолины.

Оля только тихо вздохнула. Всего за три дня, что она учится в новой школе, Воробьева уже успела заметить, что десятиклассницы просто помешаны на Константиновой.

– Разве у нее есть такое? – удивилась Яна.

– Ага, колечко серебряное! Никто не обращал внимания?

Девчонки покачали головами, а Оля с тоской уставилась в ту сторону, где в одиночестве сидела Цветолина Константинова. Сегодня Оля с Цветой стояли рядом в очереди в столовой, и Оля отметила, что на обед «кумир десятиклассниц» поставила на поднос лишь рис с овощами и чай. А вот Оля потянулась сразу

за двумя кусками пиццы. Как тут избавишься от ненавистных лишних килограммов, когда никакой силы воли? Вон та же Синицына насмотрелась на Цветолину и одни йогурты на обед лопают. Хотя ей и худеть не надо. Такая же длинная и тощая, как Цвета. Только блондинка.

Цветолина сидела у столика возле окна в наушниках и что-то смотрела в телефоне. К рису даже не притронулась. Оля снова вздохнула и отодвинула от себя тарелку с недоеденным куском пиццы. Нет, все-таки нужно начать худеть.

Оля перевела взгляд на столик, за которым сидели другие ее одноклассники. Быстро отыскала глазами Егора Власова. Парень, отпивая чай, то и дело поглядывал в сторону Цветы.

– Кого высматриваешь? – под села к Оле Рина. – Вадика?

«Вот же наблюдательная!» – с раздражением подумала Воробьева.

– Власову нравится Цветолина? – спросила Оля.

– Ха! Спрашиваешь! – воскликнула Синицына. – Они вроде как даже мутят.

– Ничего себе! – удивилась Оля. Цвета стала встречаться с таким, как Власов? Даже странно... Конечно, Воробьева не успела пообщаться с Егором, но пока создавалось впечатление, что он ничего из себя не представляет. «Нельзя судить о людях, не познакомившись с ними ближе!» – одернула себя Оля. Цветолина же что-то в нем нашла. А она показалась Воробьевой интересной девушкой.

– Ага, – продолжила Рина, радуясь возможности лишний раз посплетничать. – Говорят, они на свиданку пару раз ходили. Видели их в «Шоколаднице»! Хотя, может, Цветик ему от ворот поворот уже дала, потому что в школе ни намека нет на то, что они вместе.

– Это точно, – с задумчивым видом согласилась Оля. За все время обеда Цвета, кажется, и не взглянула на Власова.

А потом в столовой появились одиннадцатиклассники, которых задержали на каком-то мероприятии для будущих выпускников.

– Ох, Лисин! – выдохнула Рина. – Я так и болтаюсь у него в заявках в друзья. Бабье, он кого-нибудь одобрил или нет с той субботы?

Девчонки только удрученно покачали головами.

– В первых числах ноября пересеклись с Лисиным в одной компании, – начала негромко наговаривать Оле на ухо Рина. – Потом мы с бабами его в соцсетях нашли. Он даже не знал, что мы в одной школе учимся, прикинь? Ну, или просто выпендрился! Вот как человеку на всех до фонаря. Умеет же цену себе набить!

Пока Синицына болтала, Оля определила, кто из вошедших тот самый Лисин. Высокий, русоволосый, с пронзительными серыми глазами и напускным равнодушием. Оля уже по привычке бросила взгляд на Цвету и с удивлением обнаружила, что Константинова глаз не сводит с Лисина.

– Как его зовут? – машинально спросила Оля у Рины.

– И этот понравился? – лукаво посмотрела в сторону новоиспеченной подруги Синицына. – Губа-то не дура. Как твой шестидесятилетний парень отреагирует на это? – Рина расхохоталась. – Ладно! Его зовут Глеб. Красивый?

– Красивый! – согласилась Оля. Зачем скрывать очевидное? Красивый и взрослый. По сравнению со статным Глебом Егор Власов – просто смазливый юнец.

– Смотришь на него, и время будто останавливается! – мечтательно проговорила Рина.

Судя по всему, Лисин встретился взглядом с Цветой, потому как девушка тут же нахмурилась и опустила голову, снова уткнувшись в телефон.

– Видели? Бабы, видели? – зашипела Рина. – Блин, разрази меня гром, если между ними ничего нет!

– Между кем? – озадачилась Оля. – А как же Егор?

Синицына только отмахнулась от Воробьевой, как от надоедливой мухи.

Оля же восхищенно взглянула на Цветолину. Ну, Константинова! Вот тебе и «никто не разобрался, как к ней подобраться»! Самые популярные старшеклассники очень даже нашли подход.

– Почему ты думаешь, что между ними что-то есть? – заинтересовалась Оля. На всю эту ситуацию она смотрела, словно на сериал. Нет, в ее прошлой школе таких интриг не было. Конечно, в их классе тоже были love story, но там ничего интересного. Например, Лена Иванова встречалась с Васей Потаповым с четырнадцати лет. И что? Скучища. Никаких интриг! Оба правильные до зубовного скрежета. А тут, кажется, рисуется что-то интересное...

Рина не ответила, продолжая следить взглядом за Глебом. Лисин с подносом в руках направился к своим друзьям. Дойдя до места, где сидела Цветолина, молча задвинул ногой под стол ее черный школьный рюкзак, оставив на нем пыльный след от подошвы кроссовки. Цвета подняла голову и отправила Глебу выразительный гневный взгляд. Лисин усмехнулся и прошел дальше к столику, за которым сидели одиннадцатиклассники.

– Ай! – опять подала голос Синицына. – Бабье, вы видели? Видели это?

Девчонки закивали. И Оля в том числе.

– Блин-ин! – протянула восторженно Рина. – Как интересно, что между ними происходит! Обычно делают вид, что друг с другом совсем незнакомы, а тут... Я с ума от любопытства сойду, если все не выведаю. Ладно, скоро урок начнется. Девки, собираемся! Олька, я учителя предупрежу.

Воробьева сегодня была дежурной. После звонка собрала чашки и тарелки, отнесла их на кухню, схватила с подоконника рюкзак и направилась прочь из столовой. Быстро она со всем управилась, можно на урок особо не спешить. Синицына уже успела проинструктировать, что у них дежурство в столовой – причина очень уважительная для опоздания. Ругать не будут.

Оля поднималась на второй этаж, когда услышала непонятный шорох. Выглянула в пролет и обнаружила под лестницей Константинову и Лисина. Ребята стояли друг напротив друга. Оля видела только русоволосую макушку Глеба и напряженное лицо Цветы, которая, скрестив руки на груди, не сводила с парня рассерженного взгляда.

– В следующий раз помни, что за тобой могут идти люди, – наконец проговорила Цветолина. – Ты, Лисин, пещерный человек, что ли?

И Оля замерла на месте. Ого, какая слышимость! Если она сейчас начнет подниматься по лестнице, ее точно заметят. Еще решат, что подслушивает. Хотя этим Воробьева в ту минуту и занималась.

– Мог бы придержать дверь! – проворчала Цвета.

– Пальчик прищемила? – усмехнулся Лисин. – Дай подую.

Цветолина продемонстрировала Глебу неприличный жест. Парень негромко рассмеялся и все-таки дунул на средний палец Константиновой, разметав темные пряди по лицу девчонки. Цвета на мгновение зажмурилась, а затем открыла глаза, шумно вздохнула и зло произнесла:

– Ненавижу тебя еще больше!

Оля после такого признания затаила дыхание.

– Это из-за чего же? – с издевкой изумился Глеб.

– Будто ты не знаешь, из-за чего...

Лисин наклонился к Цветолине и внимательно посмотрел ей в глаза:

- Ты в порядке? Головка не бо-бо?
- Иди ты, - поморщилась Цвета, выдержав взгляд парня. - У кого с головой проблемы, так это у тебя!
- Считаешь, я пришел к вам в дом, взял за ручку папаню и как маленького привел к своей матери?
- Не называй моего отца папаней! - сердилась Цвета.

- Папулей? - невинно спросил Глеб.
- Нет!
- Папенькой? Папочкой? Батяней? Батюшкой?..
- Замолчи! - не выдержала Цветолина. - Для тебя он Георгий Иванович! Вот за это я тебя и ненавижу! Потому что тебе ситуация кажется комичной, и ты не упустишь момента пошутить на эту тему. А мне было больно. И сейчас больно! До сих пор. Папа ушел, сильно ранив, а ты мне словно соль сыплешь на разодранную душу!

Глеб молчал. И Цвета молчала. Гневно сверлила Лисина взглядом. Оля вытянула шею, чтобы получше рассмотреть ребят. Ее впечатлила речь Цветы. Даже сердце болезненно екнуло. Нет, Оля и представить себя не могла на месте Цветолины. После такого Глеб должен обязательно Константинову пожалеть! Притянуть к себе, обнять, осторожно погладить по волосам...

- Как считаешь, может, мне фамилию сменить? - вместо этого спросил Лисин.

- Что? - опешила Цветолина.
- Раз уж мы теперь одна дружная семья. Тебе повезло, ты с отцом шестнадцать лет прожила. А я своего даже не видел ни разу, так на фига мне сдалась его фамилия? А тут... Глеб Константинов. Звучит? Пасынок доктора наук Глеба Ивановича Конастанти...

Цвета влепила Лисину звонкую пощечину. Оля даже непроизвольно схватилась холодными ладонями за лицо.

Глеб продолжал стоять как ни в чем не бывало, засунув руки в карманы брюк. Некоторое время он молчал, а потом с насмешкой проговорил:

- А про нас с тобой тогда будут говорить: ах, посмотрите, кто идет! Это же Константиновы! Хорошенькие какие, они не двойняшки? - Глеб расхохотался.

- Ты отвратителен! - выкрикнула Цветолина, схватив с пола школьный рюкзак.

- Систер, ну ты чего? - продолжал веселиться Лисин.

- Не называй меня так! - вскипела Цвета.

Внезапно Глеб стал серьезным:

- Думаешь, я прощу тебе то, что ты влезла в мои отношения с девушкой?

Цвета пожала плечами:

- Подумаешь, избавила бедняжку от лишней головной боли. Просто рассказала девчонке, какой ты гад на самом деле. И что от тебя нужно держаться подальше...

- Чего и тебе советую, Семицветик! - согласился Глеб.

Цвета так резко развернулась и направилась прочь от Лисина, что Оля растерялась. Сейчас-то ее заметят! Девочка вбежала на несколько ступеней вверх. Как раз в этот момент к лестнице подошли шумные младшеклассники, которых во время урока отправили в медкабинет. Они едва не сбили Олю с ног. Рассерженная Цветолина вышла из-под лестницы. Сразу заметила Воробьеву. К щекам Оли прилил жар. «Она знает, что я все слышала!» - с ужасом подумала про себя Воробьева, в то время как мимо нее, толкаясь, пробегали галдящие дети.

- Привет, - неуверенно улыбнулась Оля, глядя на Цвету.

Константинова, подтянув на плече лямку рюкзака, молча прошла мимо. Оля подняла голову, провожая взглядом Цвету на второй этаж. Да, неудобно получилось! Тут же из-под лестницы выбежал Глеб.

- Привет! - сказал он девочке, стоявшей на его пути.

- Привет! - помедлив, проговорила Воробьева. Растерялась. Не ожидала, что Глеб соизволит с ней поздороваться.

Парень усмехнулся, а затем с интересом оглядел Олю, да так внимательно, что Воробьева разволновалась. Когда на нее пялился Вадик Филимонов, ей было абсолютно все равно.

Глеб, точно так же, как Цвета минуту назад, прошел мимо Оли. До Воробьевой донесся едва различимый аромат мужского парфюма.

Когда лестница опустела, Оля подошла к окну, села на подоконник и прижалась лбом к холодному стеклу. На улице ветер гонял грязные кленовые листья по школьному двору.

Совершенно очевидно, что Цвета осталась не в восторге от того, что Оля подслушивала ее разговор с Лисиным. Наверное, о дружбе с этой девочкой теперь можно забыть. А Оля надеялась на это? Совершенно ясно, что Цветолина ни с кем в школе тесно не общается, так почему нужно делать исключение для Оли? Хотя поначалу Воробьевой показалось, что между ними есть общее. Хотя бы то, что они обе новенькие в этой школе. Белые вороны. И пусть Цвета пришла сюда на целый год раньше, но совершенно очевидно, что чувствует она себя здесь чужачкой.

Оля вдруг подумала: что бы выбрала она? Как Цветолина, ни с кем не общаться или дружить с той же шумной и любопытной Риной, с которой у Оли, кажется, так мало общего? Нет, совсем без поддержки и общения

Оля точно не смогла бы. А стремление Синицыной стать популярной... Что ж, каждый имеет право на тараканов в голове. У Оли вот, например, странная привычка – есть мороженое на улице зимой. Сколько раз мама ее отчитывала за это. Однажды Воробьева даже слегла с сильной ангиной. Но избавиться от желания слопать пломбир на морозе так и не могла. Оля вспомнила приятное чувство, когда после холодного мороженого режет горло, и усмехнулась. Вот это странность так странность... Мазохизм! А она еще о Синицыной плохо думала!

Ветер за окном все сильнее клонил к земле деревья, свирепо трепал оставшиеся на деревьях листья. Оля спрыгнула с подоконника и взбежала на пролет выше. Хватит думать о глупостях! И так прогуляла почти половину урока.

* * *

Ксения Борисовна поставила на стол кофейник. Оля вдохнула аромат кофе и счастливого воскресного утра.

– Отметим окончание первой учебной недели Ольги в новой школе! – весело проговорила мама, усаживаясь за стол.

– А шоколад? – спросила Оля. – Сегодня воскресенье. Папина очередь!

Юрий Михайлович, отец Оли, молча смотрел в одну точку, чересчур долго размешивая сахар. Оля с мамой с любопытством уставились на него. Он долго не отвечал, и Оля обеспокоенно произнесла:

– Пап, все в порядке?

Мужчина очнулся:

– Да, да... Вполне, вполне. Все замечательно!

Оля и мама переглянулись. Ксения Борисовна широко улыбнулась. И губы Оли неуверенно дрогнули в

натянутую улыбку. Если маму такая рассеянность Юрия Михайловича веселила, то дочь уже всерьез беспокоилась за отца. Когда они только переехали в большой город, он был таким счастливым... А теперь с каждым днем становится все отстраненнее. Может, на работе какие-то неприятности? Или до сих пор переживает из-за того, что им пришлось оставить прошлую жизнь?

– О чем вы щебетали, пташки? – виновато улыбнулся Юрий Михайлович.

– Твоя очередь покупать шоколад, – напомнила Оля. – Я покупала в понедельник, мама – в четверг... Сегодня воскресенье!

– Ах, шоколад! – Юрий Михайлович ударил себя ладонью по лбу. – Прости, птенчик, совсем из головы вылетело.

Оля растерялась. Чтобы папа забыл о традиции, которую сам придумал? Уже третий год они втроем пьют чай с плиткой молочного шоколада, которую делят на три равные части...

– Папа, ты не болен? – осторожно спросила Оля.

– Чем? – усмехнулся Юрий Михайлович. – Склерозом?

– Ты в последнее время очень странный, – продолжила Оля. – Что-то случилось?

– Что у меня могло случиться? – Юрий Михайлович попытался придать себе самый равнодушный вид, но Оля видела, как нервно он комкает край скатерти. Отец проследил за ее взглядом и поспешно отпустил мятый кусок ткани.

– Ольга, можно тебя на минуту? – позвала мама, первой выходя из кухни в коридор.

Оля тут же поднялась из-за стола и отправилась следом за мамой.

– Мы ведь с тобой говорили на эту тему! – нахмурилась Ксения Борисовна. – Оленька, папа до сих

пор не может привыкнуть к новому месту. Он думал, все это будет проходить намного легче.

– Мам! Да на нем же лица уже больше недели нет! – зашептала Оля. – Разве ты не видишь: что-то случилось. Он никогда таким не был!

Ксения Борисовна только опустила глаза.

– Ты что-то знаешь? – насторожилась Оля. И тут же девочку обожгло обидой. У родителей никогда не было от нее секретов! По крайней мере, Оле так казалось... А тут разыграли какой-то спектакль! Внезапно девочку осенило: – Мама, у него появилась здесь другая женщина?

От такого открытия даже руки задрожали. Оле сразу вспомнился монолог Цветолины под школьной лестницей. Нет, такое нельзя представить даже в самом жутком кошмаре. Воображение нарисовало страшное: отец уходит в семью уже ненавистного противного Вадика Филимонова. Кажется, теперь Оля понимала чувства Константиновой...

– Что ты такое говоришь! – испугалась мама. – Нет, конечно! Как тебе такое в голову вообще пришло?

В коридор выглянул Юрий Михайлович:

– Пташки мои, вы что, ругаетесь?

Он подошел к жене и чмокнул ее в макушку.

– Кофе идем пить?

Оля теперь смотрела на отца настороженно, словно впервые видела. «Нет, глупости! У меня просто паранойя!» – подумала она.

– Оля беспокоится за тебя, – проговорила Ксения Борисовна. – Говорит, ты сам не свой.

Отец посмотрел в глаза дочери, и Оля совершенно отчетливо разглядела в них отчаяние.

– Глупости! – Юрий Михайлович тихо рассмеялся. – Из-за того, что я забыл купить шоколад? В этом вся трагедия, птенчик?

- При чем тут шоколад? - воскликнула Оля. Родители только переглянулись. Они считают Ольгу за идиотку?

- Не делай из мухи слона! - вздохнул отец.

- Это ты ведешь себя странно, - присоединилась к нему мама. - В школе неприятности? Как оценки?

Оля не на шутку рассердилась. Схватила с вешалки короткий пуховик, вытянула из рукава шапку с большим помпоном.

- Куда ты, птенчик? - растерялся Юрий Михайлович.

- За шоколадкой! - буркнула Оля, уже зашнуровывая ботинки.

- Оставь ее! - покачала головой Ксения Борисовна. - Ты же знаешь, как могут вести себя девочки в таком возрасте.

Дочь подняла голову и, поправив съехавшую на глаза шапку, сердито посмотрела на маму. Оля искренне считала, что ее так и не коснулись проблемы переходного возраста, и сейчас родительница просто переводит стрелки.

Ксения Борисовна негромко продолжила:

- На днях жаловалась, что ей худеть надо. Представляешь? Что за разговоры? Может, дело в каком-нибудь мальчике?

- Я тебя слышу! - громко проговорила Оля, отворачиваясь к двери.

- Птенчик, там, кажется, дождь собирается! - неуверенно проговорил Юрий Михайлович, пока дочь сердито брякала замками. Но Оля в ответ только демонстративно хлопнула дверью. Вот это да! Она впервые поссорилась с родителями. И было бы из-за чего! Неужели так сложно поговорить начистоту и сказать, что случилось? Она ведь взрослая. Полноценный член семьи! А теперь Оля будет накручивать себя и предполагать самое страшное...

Не успела Оля выйти со двора, как начал накрапывать дождь. Не возвращаться же, в самом деле? «Поморосит и пройдет!» – подумала Оля. Но как только она выбралась на широкий проспект, дождь пошел сильнее, а затем и вовсе превратился в ледяной ливень. Холодные капли заливали лицо, торчащие из-под шапки длинные волосы и мех на куртке тут же намокли. Оля долго петляла по улицам, даже не думая укрыться во время непогоды в каком-нибудь кафе. «Вот заболею, будут знать, как меня обманывать!» – раздосадованно думала девочка.

Однако спустя двадцать минут Оля уже стучала зубами от холода. К тому же обнаружила, что заблудилась. Остановилась посреди пустой незнакомой улицы и начала растерянно оглядываться. В лицо ударил такой сильный порыв ветра с дождем, что Оля охнула и закрыла глаза руками. Внезапно рядом раздался мужской голос:

– Иди же сюда! Ты насквозь промокла!

Затем кто-то бесцеремонно схватил Олю за влажный рукав куртки и потянул в сторону арки.

Глава третья

Воробьева с интересом разглядывала незнакомого парня, который решил спрятать ее от дождя. На вид Олин ровесник. Невысокий, стройный, септум в носу. И с веснушками, совсем как у Воробьевой. Только девочку на себе они жутко раздражали, а этому пареньку веснушки очень даже шли. Незнакомец стянул с головы капюшон, продемонстрировав необычную прическу: медно-рыжие волосы были подстрижены «под горшок». «Неординарный парнишка!» – подумала Оля, пытаясь отвести взгляд от своего спасителя. Неприлично же так пялиться! Но в парне было что-то такое, что тут же приковывало взгляд.

Ливень шел стеной, а здесь, в арке, было тихо и сухо. Тогда Оля сняла с головы потяжелевшую от дождя шерстяную шапку. Девочка тут же представила себе, как примялись от головного убора волосы, а намокшие пряди, что торчали из-под шапки, со стороны наверняка напоминают сосульки. Но Олю это не особо расстроило. Вот если б перед ней стоял Глеб Лисин или хотя бы Егор Власов, вот тогда б она жутко смутилась из-за своего непрезентабельного внешнего вида. А тут какой-то незнакомый щуплый парнишка, которого она видит в первый и, вероятнее всего, последний раз. Как-нибудь этот позор переживет!

– Ты заблудилась? – спросил незнакомец.

– Нет! – покачала головой Оля, слизнув с губ холодные дождевые капли.

– Тогда почему ты мокнешь под ливнем? – озадачился парень.

– Специально!

Парень с удивлением посмотрел на Воробьеву:

– Спе-ци-аль-но?

- Ну да... - Оля все-таки смутилась. - Я люблю гулять под дождем.

- В ноябре? Что ж, романтично!

Олю тут же передернуло от холода. И зубы снова застучали друг о дружку. Рыжеволосый парень с сожалением смотрел на дрожащую девчонку.

- Далеко отсюда живешь? - спросил он.

- Достаточно, - вздохнула Оля. Она так долго плутала по улицам, что сейчас могла только примерно предположить, в какой стороне находится дом.

- И я! - улыбнулся парень, и Оля отметила, что у него очень обаятельная улыбка. Надо же, какие милые ямочки на щеках! И когда так широко улыбается, его колечко в носу задевает верхнюю губу... - Но я не так сильно промок, как ты. Сразу спрятался.

Оля продолжала дрожать.

- Снимай мокрую куртку! - приказал парень.

- С ума сошел! - ужаснулась Воробьева.

- Давай-давай! - поморщился рыжеволосый, попутно расстегивая свою черную парку.

«Он хочет поменяться куртками?» - озадаченно подумала Оля, уже представляя, как парнишка забавно будет смотреться в ее коротеньком девчачьем пуховике. Под верхней одеждой у Оли был глупый домашний свитшот с феей Динь-Динь. «Ладно, позориться, так на полную!» - решила Воробьева.

Но парень и не думал снимать с себя куртку. Расстегнув ее до конца, распахнул парку.

- Можешь погреться, - смущенно проговорил он.

- Шутишь? - воскликнула Оля. Ее звонкий голос эхом разлетелся по арке.

Парень, покраснев, покачал головой. Воробьева тоже отметила, что, несмотря на холод, щеки ее горят.

- Все, что происходит в арке, останется в арке, - пошутил парень, припомнив фильм «Мальчишник в Вегасе».

Оля вздохнула и сделала неуверенный шаг в сторону рыжеволосого. Потом еще один. Парень тоже шагнул навстречу и, крепко обняв Олю, бережно укутал в свою куртку. Воробьева слышала, как гулко стучит у него в груди. Оля и сама разволновалась. Сердце девочки радостно встрепенулось. Воробьева чувствовала в районе макушки горячее дыхание парня. А еще от незнакомца приятно пахло поросшими травой дюнами и морем. Рыжеволосый казался Оле таким необычным, неординарным, интересным... Такие ребята сразу выделяются в толпе. А вот Воробьевой даже выделиться нечем. Оля вдруг почувствовала себя самой пресной на свете.

– Меня зовут Женя, – наконец представился парень.

– Цветолина! – брякнула Оля и зажмурилась от страха. Зачем она назвалась чужим именем? Захотелось выделиться хоть как-то.

– Цветолина? – Голос Жени прозвучал глухо и, как вдруг показалось Оле, насмешливо.

– Ну да! – Воробьева подняла глаза на нового знакомого и нахмурилась. – Вообще-то имя такое есть. Болгарское!

– Очень интересно! – усмехнулся Женя. Оле тут же захотелось от него отпрянуть, но парень, будто это почувствовав, прижал ее к себе крепче.

Дождь продолжал идти, и со двора-колодца до ребят доносилось звонкое бренчание железных карнизов.

– Необычно, – наконец проговорил Женя.

– Знаю, – кивнула Оля, продолжая жаться к малознакомому парню. Может, хоть из-за редкого имени ее запомнит. Это лучше, чем по дурацкому свитшоту с Динь-Динь.

Когда дождь прекратился, Оля с удивлением подумала, что могла бы простоять, обнявшись с Женей, целую вечность. Да и парень как-то нехотя расцепил

руки. Оля быстро натянула влажную куртку. Вдвоем они вышли на промокшую улицу.

– Ты любишь горячий шоколад? – спросил Женя.

– Люблю, – закивала Оля, почувствовав, что снова краснеет. Неужели ей понравился Женя? Он, безусловно, интересный, но такие неформальные ребята никогда не были в ее вкусе.

– Здорово! – обрадовался парень. – Тут за поворотом есть отличная кофейня, там работает мой друг. Он мне как раз бабки должен. Угостит нас за счет заведения. И ты до конца согреешься.

Оля снова кивнула, и ребята пошли вдоль пустой улицы. В уютной теплой кофейне Воробьева вновь посетовала про себя на то, что выбежала из дома чуть ли не в пижаме. Кто ж знал, что ее пригласят в кафе.

К ребятам тут же подошел светловолосый улыбчивый парень в белой рубашке и с яркой бабочкой на шее:

– Приветствую! – протянул он руку Жене. – Как здоровье?

– Уже лучше! – отозвался рыжеволосый. – Знакомься, это... – Женя замешкался. – Это Цветолина.

– Цветолина? – поднял брови Женин приятель. Парни переглянулись.

Оля снова залилась краской. Угораздило же ее назваться чужим именем!

– Ага, – кивнула девочка. – Женя, ты сказал, тут вкусный шоколад?

Парни продолжали с подозрением разглядывать Олю. Воробьева совсем растерялась.

– Да! – наконец проговорил Женя. – Толян, принеси нам два шоколада.

– О'кей! Помню, что тебе должен, – проговорил светловолосый, зачем-то подмигнув при этом Оле. Девочка интуитивно прикрыла длинными волосами глупую Динь-Динь на груди.

Получив долгожданный шоколад, Оля и Женя некоторое время молчали. Нужно начать с чего-то разговор... Воробьева, обхватив чашку замерзшими пальцами, смущенно опустила глаза. Тогда Женя проговорил:

– В школе учишься?

– Ага, в десятом классе, – отозвалась Оля, попробовав сладкий напиток. Сейчас он ей показался самым вкусным из всего, что она пробовала в жизни.

– И как тебе? – спросил Женя.

– Что? – удивилась Оля. – В школе?

– Ага!

– А как вообще может быть в школе? – скривилась Оля.

– Ну да, ты права! – засмеялся Женя, снова продемонстрировав ямочки на щеках.

Оля с тоской вспомнила свой прошлый класс. Все подруги остались в другом городе. В этой же школе одни сплошные соревнования на тему: «Кто круче?»...

– И зачем в воскресенье говорить об учебе? – пожала плечами Оля.

– Действительно, – снова согласился Женя. – Маразм! Может, тебе десерт какой заказать?

Оля покачала головой.

– Нет, спасибо! Слишком много сладкого... Лучше расскажи о себе! Что ты любишь?

– Аниме, – не задумываясь, ответил парень.

– Правда? – обрадовалась Оля. – А я дорамы! Люблю грозы, облепиховое варенье и запах роз. Ой, а еще шоколад и конфеты... Особенно «Птичье молоко».

Ребята проболтали около часа, находя все новые общие интересы.

– А на сноуборде катаешься? – обаятельно улыбаясь, спросил Женя.

– Нет, к сожалению, – расстроилась Оля. – Только на «ватрушках».

– Я тебя обязательно научу. Скоро сезон начнется, мы с друзьями поедem в Коробицыно. Возьму тебя с собой... – Внезапно Женя смутился. – Если ты, конечно, хочешь. И оставишь мне свой номер телефона.

Он шутит? Ну, конечно, Оля хочет! И номер телефона обязательно оставит. Девочке даже не верилось, что она понравилась Жене вот такой – случайно выскочившей из дома после ссоры с родителями. Ненакрашенной, промокшей до нитки, еще и в домашней пижамной кофте. Даже если между ними не будет романа, Женя – очень интересный парень. С таким хочется дружить. За эти пару часов, что они вместе, Оля получила в несколько раз больше положительных эмоций, чем за неделю общения с Синицыной и ее свитой.

Когда ребята вышли из кафе, Женя посмотрел на спортивные наручные часы и вздохнул:

– Прости, не могу проводить тебя до дома, Цветолина.

– Мы ведь обменялись номерами телефонов, – промямлила Оля, еще не решив, как в будущем объяснить смену своего имени. Нелогично! «Вообще-то я Ольга, но для друзей – Цветолина!»

– А как тебя сокращенно-то называть? – улыбнулся Женя.

– Как хочешь, – отозвалась Воробьева, подумав, что лучше всего – Олей.

– Буду называть Цветочком, – засмеялся Женя. Оля обратила внимание, что, когда дело касается «ее» имени, парень реагирует слишком уж бурно. Тяжело, наверное, Цвете живется...

– Называй Цветочком, – согласилась Оля. – Да хоть клумбой!

А затем девочка внезапно протянула руку и дотронулась до Жениного колечка в носу.

- Надеюсь, ты не хочешь за него дернуть? - поинтересовался Женя.

- Нет, просто... - смутилась Оля. - Больно было?

- Не больше, чем ломать ногу в прошлом году, - ответил парень.

- На сноуборде? - напряглась Оля.

- Нет, со стремянки упал, - снова рассмеялся Женя. - Лампочку вкручивал.

Парень не отводил от Воробьевой взгляда, а та так и стояла перед Женей с вытянутой рукой. Ее указательный палец скользнул вниз и дотронулся до верхней губы парня. Оля, смутившись, быстро одернула руку. В этот момент мимо них по мутной луже пронеслась машина, едва не обдав ребят веером грязных брызг.

- Ладно, будем прощаться, - вздохнула Оля. - Пока, Женя!

- Пока, Цветолина! - улыбнулся рыжеволосый. - Я тебе напишу!

Оля первой развернулась и быстрым шагом направилась вдоль по улице. По пути достала из кармана куртки телефон, но пропущенных вызовов не было. Родители не звонили. Оля нахмурилась. Ничего себе! Дочь пропадает под диким дождем, а они даже не волнуются. А может, решили, что ей лучше побыть одной?

Оля выбралась на нужную улицу только с помощью навигатора на телефоне. Вот была бы забава, если б Женя отправился ее провожать... Иди туда, не знаю куда. За три недели уже можно выучить весь район вдоль и поперек, но Оля редко бродила по улицам, чаще всего гуляя одним путем - от школы до дома.

В квартире было тихо. Оля не нашла родителей ни в одной из комнат. Только записку на столе: «Уехали покупать новую микроволновку. Не сердись! Любим! Ма и па». И плитка молочного шоколада рядом. Оля

улыбнулась. Может, она правда накручивает себя по пустякам?

* * *

В понедельник Олю встретила воодушевленная Рина.

– Ой, что на выходных было-о! – протянула Синицына, наблюдая, как одноклассница выкладывает из сумки тетради и учебник.

– Что? – без особого энтузиазма отозвалась Воробьева.

– Мы с бабами пошли в гости, а там... Угадай, кто?

– Кто? Иван Ургант?

– Ага, и Митя Хрусталеv! – недовольным голосом отозвалась Рина. – Ха-ха! Нет, конечно! Там были Власов и Филимонов.

– Вот счастье-то!

Оля уселась на свое место и кулаком подперла щеку, приготовившись слушать болтовню новой подруги.

– Янка только на вписку Никитку своего притащила неадекватного, а тот ее к Егору приревновал, прикинь? Хотя вообще поводов не было, клянусь! Власов на нее и не глядел особо, так, когда на кухню все ушли курить и Янка за всеми поплелась, они перекинулись парочкой слов. Там, о моде, о погоде...

В этот момент Игнат ткнул Олю в спину линейкой. Воробьева вздрогнула и быстро развернулась.

– Ольга, ты задачи решила?

– Решила, – кивнула Оля.

– Дай списать.

– Игнатик, ну, тут как бы совсем не до тебя! – зашипела Рина, тоже развернувшись к однокласснику. – Не видишь, две женщины ведут взрослую беседу?

– Чего? – опешил Игнат.

– Короче! – Рина схватила Олю за руку. – Слушай дальше. Филимонов там только про тебя весь вечер и спрашивал. Ты его приворожила, что ли? Нам с бабьем от него спасу не было. «Где Ольга?» да «где Ольга?» Вот же заладил!.. Моя, говорит, Рапунцель! А ты, кстати, где была на выходных?

Оля пожала плечами:

– В кафе ходила... С парнем!

– Это которому шестьдесят?

– Ага, – улыбнулась Оля. – День рождения отмечали, ему как раз шестьдесят один стукнуло!

Рина звонко расхохоталась:

– Ой, Олька, обожаю тебя! Ты такая забавная.

– Ну, Синица! Воробей! Дайте списать! – снова зашипел Игнат.

– Так! – рассердилась Рина, снова поворачиваясь к парню всем корпусом. – Послушай сюда, дятел мой любимый!.. Ты думаешь, я до ночи в обнимку с задачником сидела, чтобы тебе, любезному, с утра дать все сдуть? Вот еще! Тем более Алла Кирилловна говорила, у кого совпадет вариант...

Оля не дослушала гневную речь Синицыной. Внезапно дыхание перехватило. В класс зашел Женя. Тот самый ее Женя с колечком в носу! Встретившись с тревожным взглядом Оли, рыжеволосый лишь улыбнулся уголком губ. И кажется, в отличие от Воробьевой, для него не стало шоком, что Оля – его одноклассница.

– Ты чего подвисла? – толкнула локтем Воробьеву Рина. – А, Потупчик явился! Принесла нелегкая. Как слег с бронхитом еще до каникул, так и...

– Он учится в нашем классе? – растерянно вполголоса спросила Оля.

– А то как же! – Синицына склонилась к уху новоиспеченной подруги и начала быстро говорить: –

Помнишь, ты спрашивала, с кем лучше не общаться?..

Оля не сводила с парня немигающего взгляда. Женя, развернувшись, тоже внимательно смотрел на Воробьеву, в то время как Рина продолжала шептать:

– Так вот! Если не хочешь ставить крест на своей уже сформировавшейся хорошей репутации, даже не думай начать с ним разговаривать. После того, что произошло в прошлом году, Женька – изгой в нашем классе!

– Изгой? – растерянно спросила Оля. Как такой замечательный и интересный парень может быть изгоем?

– И чего он так на нас пялится? – нахмурилась Рина. Затем замахала рукой, словно отгоняя от себя муху. Зашипела: – Потупчик, отвернись! Шею сломаешь!

Женя усмехнулся и послушно отвернулся от девчонок. Подперев голову рукой, уставился в раскрытую тетрадь.

– Всегда знала, что он ко мне неровно дышит, – хмыкнула Синицына. – Видала, как уставился?

– Угу, – промычала в ответ Оля.

– Думает, ему что-то со мной светит? – не унималась Рина.

– По-моему, он на Ольгу смотрел! – подавшись вперед к одноклассникам, сообщил Игнат.

Рина нахмурилась.

– На Ольгу? – Блондинка внимательно оглядела лицо Воробьевой. У Оли тут же поалели щеки. – Игнатик, ты отстанешь от нас сегодня или нет?

– Если вы мне дадите списать задачи... – снова начал Игнат.

– Господи! – взвыла Синицына, бросая на парту одноклассника тетрадь по физике. – На! На! На! Вот прицепился. Репейник!

Игнат довольно потер ладони и принялся списывать домашнее задание, а Рина тут же повернулась к Оле.

Воробьева молчала.

– Правда, Женька на тебя смотрел, что ли? – немного обиженно произнесла блондинка.

– Не знаю, не заметила! – Оля постаралась произнести это как можно равнодушнее, так и не решив, как теперь быть в сложившейся ситуации. – А почему этот парень изгой в вашем... в нашем классе?

– Дела давно минувших дней, – пожала плечами Рина. – Мы из-за Потупчика выпускного лишились в девятом классе. Он – предатель.

Оля подавленно молчала, изредка поглядывая на спину Жени. Парень что-то быстро записывал в тетради. Когда в классе появились Власов и Филимонов, Женя даже голову не поднял. Зато парни, заметив Потупчика, оживились.

– Опана! – громко проговорил Вадик. – Смотрите, кто выздоровел!

Оля с напряжением следила за ребятами, от волнения теребя провода наушников. Егор, оглядевшись по сторонам, закрыл дверь в класс, что тоже не очень понравилось Воробьевой. Остальные притихли и следили за двумя лидерами.

– Чем болел, Затупчик? – усмехнувшись, спросил Филимонов.

Женя поднял голову и выдержал тяжелый взгляд одноклассника.

– Ты ко мне обращаешься? – спросил он у Вадика.

– К кому ж еще? – снова хмыкнул Филимонов.

– Ты перепутал. У меня другая фамилия.

Дверную ручку кто-то дернул. Затем раздался настойчивый стук.

– Кто там стучит? – насмешливо выкрикнул Вадик.

– У нас тут один стукач! – кивнул на Женю Егор.

– Ребят, открывайте, не смешно! – подала голос Рина. – Это Алла Кирилловна. Сейчас звонок уже будет!

Егор еще раз сердито взглянул на Женю и открыл дверь. В класс быстрым шагом вошла раздосадованная физичка.

– Что это еще за шутки? А, Власов? Прямо перед моим носом закрываться!

– Простите, Алла Кирилловна! – буркнул Власов. – Я вас не заметил.

Егор вместе со звонком на урок уже было двинулся к своей парте, как физичка его остановила.

– Власов, куда? Раз уж ты у доски, с тебя и начнем. Параграф учил? Закон сохранения механической энергии.

Егор остался топтаться на месте, посылая злобные взгляды Жене. Но рыжеволосый сидел с самым невозмутимым видом и крутил в руках карандаш.

– Ох, попал Потупчик! – прошептала Рина, покачав головой.

– Почему? – испугалась Оля. – К доске ж вызвали Егора.

– Я не об этом! В прошлом году от действий Женьки Власов больше всех пострадал.

– А что случилось-то? – не выдержала Оля.

Алла Кирилловна постучала кулаком по столу и выразительно посмотрела на девочек.

– Потом! – поморщилась Синицына, не сводя взгляда с учительницы. – Я параграф не учила.

Оля вздохнула и снова уставилась в спину Потупчика. Но за весь урок Женя к ней так и не повернулся.

Опубликовано в 22:44

Про невыносимую легкость бытия

«Это ужасно, когда ты не можешь быть с человеком, который тебе искренне нравится. Ты поняла, что он тебе нужен больше всех на свете, в вашу первую встречу. Именно тогда, при знакомстве с ним так сильно сжало грудную клетку... Сошла с ума с первого взгляда.

Как хочется наплевать на все правила и предрассудки и просто быть всегда рядом.

От этой любви одни проблемы! Рыдаю, как дурочка.

Глубокий вдох и выдох. Все проходит, как утренняя изморозь на коре».

(К): Если хочешь быть с человеком, просто будь с ним! В чем проблема?

(S): Ты так считаешь?

(К): Конечно! Забей на всех! Смотрела «Клинику»? «Кому какая разница, что думают другие? Загляни в свое сердце и делай то, что поможет стать счастливее».

(S): Спасибо! Я подумаю.

(К): Только знай: я в это время тут буду мучиться, страдать, ревновать...

(S): Бедняга)))

...

(S): Почему молчишь?

(К): Искал перчатки...

(S): Это правильно. С завтрашнего дня обещают похолодание.

(К):...чтобы вызвать его на дуэль!

(S): Шутник))

(К): Я не шучу! Серьезно. Может, все-таки увидимся, и ты поймешь, что и я могу сводить с ума с первого взгляда?

...

(К): Ты где?

(S): Теперь я искала перчатки) Говорю ж, на улице холодно. Как я без них завтра в школу пойду?

(K): Своим равнодушием тырываешь мое сердце на куски((

(S): Перестань! Ты знаешь, как я к тебе отношусь. После твоих слов мне становится теплее.

(K): Правда? И перчатки не нужны?) А теперь представь, что я смотрю на тебя, держу крепко за руку и нежно напеваю: «All my loving»^[1]...

(S): Звучит очень уютно!:)

(K): Оля, я тот, кто всегда с тобой.

Глава четвертая

На следующий день Женя Потупчик не пришел на первые два урока. И Олю все это время разъедала тоска. На первом уроке она прослушала новый материал, и в конце занятий, когда все перешли к практике, не решив ни одной задачи, сдала на проверку пустой лист. На втором уроке снова погрузилась в мрачные мысли, нагрубила Синицыной... Соседка по парте смертельно обиделась и ушла в столовую без Оли. Но ссора с Риной мало взволновала Воробьеву. Больше беспокоило отсутствие Жени на уроках. Ведь он только выздоровел. Может, не пришел в школу из-за Оли? Зря она вчера его избегала весь день. Нарочно на переменах была все время рядом с Синицыной, чтобы Женя не мог к ней подойти, а после уроков первой бросилась в гардероб и из школы убегала, на ходу наматывая шарф...

А если Женя решит, что Оля не общается с ним из-за того, что наплела Рина? А что, разве дело не в этом? «Глупости! Плевать, что думают о Жене остальные, – внушала себе Оля. – Я избегала парня, потому что глупо вышло с этим выдуманным именем... Что он обо мне теперь думает? Что я девочка с кучей комплексов? Не нужно было называться Цветолиной!»

После второго урока Оля сидела в столовой одна, лениво ковыряя вилкой разваренные макароны. Рина расположилась за соседним столом и что-то бурно обсуждала с Яной Пучковой. В сторону Воробьевой даже не смотрела. Оля только тяжело вздохнула. Дурацкий день! Еще и на улице это обещанное похолодание. Небо серое, сильный ветер с дождем с самого утра. Вот и сейчас за окном поливает. Девочка почувствовала себя такой одинокой среди этих гудящих веселых

подростков, которые знают друг друга с первого учебного дня.

– Привет! – раздалось над самым ухом.

Оля растерянно подняла голову.

– Привет, Женя! – пролепетала она.

– Сяду с тобой? – спросил парень.

– Да, конечно! – смущенно отозвалась Оля.

Женя поставил на стол свой поднос. Воробьева машинально взглянула в сторону Синицыной и тут же встретила с ее укоризненным взглядом. Рина нахмурила брови, показывая всем своим видом недовольство. Потом заладит: «Я же тебе говорила!»

Женя сел рядом и как ни в чем не бывало принялся есть. Оля только искоса на него поглядывала. Потом решила задать вопрос:

– Ты не был на первых двух уроках, потому что...

– Ага, – прожевав, кивнул Женя. – Проспал!

– Проспал? – немного разочарованно откликнулась Воробьева.

– Ну да, – пожал плечами Женя. – А что?

– Да ничего...

Женя внимательно посмотрел на Олю, а потом улыбнулся. И верхняя губа снова коснулась металлического колечка в носу. Оля как замороженная смотрела на его улыбку.

– А ты решила, что я из-за тебя в школу не пришел?

– Нет! Нет! – запротестовала Оля, покраснев. Вот же какой проникательный!

– Я – сова, – пояснил Женя. – Вообще не могу поднять себя к первому уроку.

– Понятно.

Ребята замолчали.

– Слушай, Женя... Я тебя вчера избегала не потому, что... – Оля снова примолкла, а Женя нахмурился.

– Что про меня наплела Синицына?

– Ничего, – пискнула Оля. Хотя она сама прекрасно слышала, как с Женей разговаривают Власов с Филимоновым.

Парень, будто прочитав ее мысли, сказал:

– На тех двух клоунов внимания не обращай. Они с чего-то решили, что все должны воспринимать их всерьез и считать за главных. Бред!

Женя усмехнулся и потянулся за хлебом. Оля осторожно огляделась по сторонам. На них с Потупчиком уже поглядывали многие десятиклассники. Может, для начала стоит узнать, что натворил Женя, попав во всеобщую немилость? Но не разговаривать же об этом с самим парнем. Неудобно. Воробьева набрала побольше воздуха в легкие и выдала:

– Я не общалась вчера с тобой, потому что мне ужасно стыдно, ведь я представилась Цветолиной!

– Кстати, а зачем ты это сделала? – снова улыбнулся Женя той улыбкой, от которой у Оли сердце чуть из груди не выпрыгнуло. Это колдовство какое-то!

– Потому что дура! – призналась Оля.

– Самокритично! – рассмеялся Женя.

– Правда! Я думала, мы с тобой больше никогда не увидимся, ну и брякнула зачем-то... Удивить хотела.

– Удивила, – согласился Женя.

– А потом ты номер телефона попросил... – продолжила оправдываться Оля.

– Ладно тебе, забей! – усмехнулся парень. – Даже не парься по этому поводу. Надеюсь, сноуборд еще в силе?

Оля с облегчением выдохнула, а затем снова наткнулась на недовольный взгляд Синицыной.

– Ага, в силе. Начнем все сначала? Я, кстати, – Оля!

– А я – Августин! – улыбнулся Женя.

– Ну тебя! – негромко засмеялась Оля. – Хотя славная парочка вышла бы...

Оля проговорила это вслух, а потом прикусила язык. Щеки вспыхнули, стало жарко. А потом резко холодно.

Сейчас Женя точно поймет, что она на него запала.

– А ты хочешь, чтобы мы были парой? – тут же нашелся парень.

– У тебя борщ остыл, – кивнула Оля.

– Я люблю холодный, – проговорил Женя, заглядывая Оле в глаза.

Воробьева смутилась и первой отвернулась от одноклассника. Чтобы снова не наткнуться на Рину, сначала уставилась в свою тарелку с макаронами, а затем, почувствовав на себе чей-то внимательный прожигающий взгляд, обернулась. Через пару столов от Синицыной и ее свиты перед раскрытым ноутбуком сидел Егор Власов.

* * *

– Демидов тебе как?

– Сдурела? Он девятиклассник!

– И что? Выглядит лет на двадцать. В спортзал ходит...

– Да ну...

– Тогда Ершова себе забирай!

Дружный девичий смех.

– Ага, сейчас! Бегу, и волосы назад.

– Зато одиннадцатиклассник!

– И в пупок мне дышит. Соплей перешибить можно!

– Тебе не угодишь! Иди одна тогда!

– Нетушки! Все с парнями, а я одна?

– Ну там кого-нибудь и подцепишь.

– Бабы, а вы с чего вообще решили, что Глеб нас пригласит?

Оля со скучающим видом потянула через трубочку остатки молочного коктейля, издав громкий характерный звук. Девчонки тут же уставились на Воробьеву.

- Ну, а ты? – кивнула Оле Рина.
- Что я? – растерялась Воробьева.
- Решила, с кем к Глебу пойдешь? Со своим шестидесятилеткой или с Филимоновым?
- Или с Потупчиком? – лукаво улыбнувшись, спросила Яна Пучкова.
- Ой нет, даже не напоминай мне про Потупчика! – тут же поморщилась Синицына. – Тусу века обломал! Я, между прочим, такое классное платье на выпускной сшила! С новогодних каникул на примерку таскалась.
- Надень его на выпускной в конце одиннадцатого, – пожалала плечами Оля.
- Ага, через полтора года? – возмутилась Рина. – Оно уже устареет. А если меня разнесет и я в него не влезу? Ой, бабы, перед экзаменами точно разнесет! Я когда волнуюсь, ем, как слон.
- Четыреста кило растительности в день? – решила уточнить Оля.
- Девчонки снова рассмеялись, а возмущенная Рина кинула в Воробьеву смятую салфетку, но тоже не могла сдержать улыбку. Оля ловко увернулась. Не получалось у Синицыной долго обижаться на новую подругу. Да, сегодня утром они немного повздорили на уроке, но к концу занятий уже помирились. И Рина после уроков пригласила Олю вместе с остальными девчонками в кофейню.
- А серьезно, что от тебя Потупчик хотел? – не унималась Яна.
- Просто поболтали, – неуверенно проговорила Оля. Одноклассницы внимательно вглядывались в лицо Воробьевой.
- Поболтали? – скептически отозвалась Рина. – О чем это, интересно?
- О всяком! – буркнула Оля.
- Не думай его к Глебу на тусу звать! – предупредила Синицына. – Тогда нам вход в

нормальное общество точно закрыт. Хватило позора с Янкиным Никиткой.

– А что Никитка-то сразу? – подала неуверенный голос Пучкова. – И вообще нас к Глебу даже еще никто не приглашал.

– А кто определяет эти рамки «нормальности»? – рассердилась Оля. – И может, вы наконец мне расскажете, почему Женя изгой? – Девочка тут же вспомнила, как Егор не сводил с них озлобленного взгляда в столовой. – Что у них за отношения с Власовым?

– Романтические! – огрызнулась в ответ Синицына.

– У Власова родители в Испанию свалили на ПМЖ, и его хотели с собой взять, чтобы он там доучился, а потом в университет в Европе поступил... – начала рассказ Яна. – А потом в конце года, когда случилась эта некрасивая история, предки так разозлились, что решили наказать сына и уехали без него. Егора в России оставили еще на два года вместе с бабушкой.

– А что за некрасивая история? – спросила Оля.

– Тебе Потупчик не рассказал?

– Нет.

– Они с Филимоновым в мае пробрались вечером в школу и сожгли пачку тетрадей с итоговыми сочинениями всей параллели, дотла. Замок в кабинете русского языка сломали. Это Вадик придумал! А досталось больше всего Егору... Ну не отбитые ли на всю голову?

– Да уж, – пробормотала Оля.

– Такой скандал был! – продолжала охотно рассказывать Яна. – На весь район. Это же взлом, статья, между прочим! А нам что? Переписывать итоговые сочинения?

– Ну, а Женя тут при чем? – не понимала Воробьева. Скорее уж остальным нужно сердиться на Власова с Филимоновым... Такое придумать!

- Так Женя в тот вечер в школе оставался, - принялась объяснять Пучкова. - И...

- Бабы, ну мы что, собрались здесь предателя Потупчика обсуждать? - внезапно перебила ее Рина. - Надоело! Мы вроде мне парня выбираем.

Синицына посмотрела на Олю:

- А я тебе еще раз настоятельно рекомендую с таким, как Женя, не общаться! Поняла?

Ее голос прозвучал так требовательно и отчаянно, что Оля совсем растерялась. Будто Женя, рассказав взрослым о случившемся, выдал Синицыну, а не Власова...

Воробьева ничего на это не ответила, только молча отодвинула от себя пустой стаканчик из-под молочного коктейля и демонстративно уставилась в панорамное окно.

- Ладно, - примирительно улыбнулась Рина. - Девчонки, кто там у нас еще остался?

- Маркин?

- Слишком лопоухий!

- Селиванов?

- Он с Надей встречался в восьмом классе. Я с бывшими подруг не гуляю.

- Господи, Синицына! Может, тебе уже кого-нибудь из соседней школы присмотреть?

Оля, подперев щеку рукой, с задумчивым видом смотрела в окно на прохожих. Ей надоело слушать о недостатках каких-то мифических парней, которых она ни разу в глаза не видела.

И почему некоторые люди считают, что они вправе диктовать, кому и с кем общаться? Будто жизнь - дурацкая настольная игра с придуманными кем-то правилами. Нет, Оля - не фишка, которую можно двигать по своему усмотрению, а в случае ошибки вернуть на пару ходов назад. Ты можешь потерпеть неудачу хоть сотню раз, но при этом продолжать идти

вперед, имея право исправить свои ошибки. Сам, без чьей-либо помощи. В этом и есть вся прелесть настоящей жизни.

Опубликовано в 20:01

Про общественное мнение

А НЕ ПОЙТИ ЛИ ВАМ ВСЕМ?..

(K): Ух, ты сегодня сердитая, Сайонарочка моя?

(S): Где был? Весь вечер тебя жду в сети.

(K): Прости! Дела. Но мне приятно, что ты ждешь:)

Не сердись!

(S): Сержусь!

(K): Агрессивное поведение меня возбуждает))

(S): Дурак!

...

(K): Ты поговорила со своим обожаемым парнем?

(S): Нет. Струсила.

(K): Тогда у меня еще есть возможность понравиться тебе?

(S): Ты мне и так нравишься:)

(K): Но я не хочу тебя ни с кем делить, Оля! Посмотрим, как ты устоишь от моих комплиментов.

(S): Заинтригована;)

(K): Мне кажется, что твой голос слаще клевера.

(S): На самом деле он всегда простуженный.

(K): Я сегодня шел по Невскому и вглядывался в каждое постороннее лицо, желая отгадать, где же ты...

(S): Отгадал?

(K): Нет, все эти лица были недостаточно красивы для тебя:)

...

(K): Кажется, если я вживую увижу твою улыбку, у меня тут же пропадет пульс.

...

(K): Вот так жил спокойно, а потом меня придавило любовью, словно гранитной плитой. Только о тебе думаю. Все время.

...

(S): Кицуунэ))) Все! Хватит!

(K): Тебе смешно?

(S): Немножко!

(K): Сайонара, тогда ответишь на один очень сокровенный и важный для меня вопрос?

(S): Конечно.

(K): Какой у тебя размер груди?

...

(S): Еще раз пишу: дурак! Заблокирую тебя...

(K): Нет! В нашей стране запрещена эвтаназия! А ведь я безнадежно болен любовью. Хотя, если я тебе надоел... Не мучай. Блокируй. Зачем мне жить в мире, в котором рядом нет тебя?

* * *

Юрий Михайлович торжественно положил на стол плитку молочного шоколада.

– Пожалуйста! – довольным голосом проговорил он. – В это воскресенье не забыл.

– Пап, но ты уже задолжал две шоколадки! – рассмеявшись, проговорила Оля.

– От сладкого зубы портятся. И кожа! – проговорила Ксения Борисовна, расставляя на столе чашки.

«И в боках разносит» – с досадой подумала Оля. Которую неделю она не могла начать ограничивать себя в сладостях и выпечке. Уж такой пример перед глазами! Стройная Цвета в облегающей спортивной форме, на

которую пускают слюни все парни-десятиклассники на уроке физкультуры.

– Ладно, ограничимся одной плиткой, – вздохнула Оля.

– Ну как прошла очередная неделя в школе, птенчик? – обратился к дочери Юрий Михайлович. – Я столько времени пропадаю на новой работе. Когда возвращаюсь, ты уже, поужинав, торчишь целыми вечерами в своей комнате.

– Все с кем-то переписывается, – поддакнула Ксения Борисовна.

– Переписываться законодательством не запрещено! – покраснев, в свое оправдание воскликнула Оля.

– Ты бы столько времени урокам уделяла, – покачала головой Ксения Борисовна. – Представляешь, Юр, на неделе за самостоятельную работу по алгебре двойку получила! Сдала пустой листок на проверку.

– Это был новый материал, и я его не сразу поняла, – принялась объяснять отцу Оля. – Но уже во всем разобралась. И переписала работу. Это случилось еще во вторник...

В тот день Оле было совсем не до алгебры. Как и в последующие дни, когда она в школе практически не общалась с Женей. Рина, словно нарочно, вцепилась в нее и следовала всюду тенью, боясь, что Потупчик окажется рядом. Олю это напрягало. Воробьева не могла взять в толк, почему Рина так ревностно относится к Жене. Неужели все дело в том, что общение с ним так испортит репутацию? А что, если она правда ревнует? Вдруг между ними что-то было? Слишком яро Синицына реагирует на любые разговоры о рыжеволосом неформале...

– О чем же ты думаешь на уроках? – всплеснула руками Ксения Борисовна. – Одна любовь на уме.

Оля посмотрела на папу, который внезапно снова помрачнел.

– Что плохого в любви? – спросила она, не сводя взгляда с отца. – Когда она нечаянно нагрянет.

Отец закашлялся. Нет, с ним точно что-то не то!

– У нас есть в школе одна девочка, – начала Оля, – ее зовут Цветолина.

– Как? – растерянно переспросил Юрий Михайлович.

– Цветолина! – повторила Оля. – Так вот, ее отец ушел в другую семью, к маме одиннадцатиклассника, с которым у Цветы вражда...

– Как в кино, – пробормотала мама.

Отец же снова нервно схватился за край скатерти. Тогда Оля продолжила:

– Если бы наш папа ушел к другой женщине...

Тут Ксения Борисовна не выдержала и так громко стукнула кулаком по столу, что вздрогнули все чашки с ложками. И Оля от неожиданности подскочила на стуле.

– Господи, Ольга, что с тобой? Вторые выходные подряд заводишь какие-то бредовые разговоры! Это новая школа так на тебя влияет?

Оля не знала, что сказать. Да, кажется, она переборщила. Но видела ведь, что папа что-то скрывает! Почему мама его выгораживает? Как прекратить это вранье?

В дверь позвонили. Ксения Борисовна первой выскочила из-за стола.

– Это мама! Нортон привезла.

Оля засеменила вслед за Ксенией Борисовной.

– Бабушка! – выкрикнула девочка, когда мама распахнула дверь и впустила в прихожую гостей. – Нортон!

Голландская овчарка с тигровым окрасом уже бросилась в Олины объятия.

– На Московском шоссе страшная авария, – снимая шляпку, пожаловалась бабушка Оли, Тамара

Васильевна. – Три машины столкнулись, мы полтора часа простояли. Вы же знаете, как Нортон относится к пробкам.

Пес, услышав слова хозяйки, жалобно заскулил. В коридор вышел Олин папа.

– Здравствуйте, Тамара Васильевна.

– Здравствуй, Юрочка! – Пожилая женщина чмокнула в щеку зятя. – Ну, как твоя работа?

– Кипит! – проговорил Юрий Михайлович.

– Он там днями и вечерами пропадает, – покачала головой Ксения Борисовна.

Оля в этот раз промолчала, чтобы снова не попасть в немилость матери.

– Надолго вы нам оставляете своего обормота? – ласково потрепав Нортон по загривку, спросил Юрий Михайлович.

– На неделю, – ответила Тамара Васильевна. – В следующий понедельник у меня с утра самолет. В Кемере сейчас плюс семнадцать!

– Хорошо! – вздохнула Оля.

– Неплохо, – согласилась Тамара Васильевна. – У меня от затянутого серого неба снова мигрень. Оленька, тебя оставляю за главную. Я сменила корм, прошлый Нортон не ел, только растаскивал по квартире и прятал по углам. А вот его подушка!

Оля с готовностью протянула руки к подушке.

– Положу ее в своей комнате. Нортон будет спать у меня. Пойдем, мой хороший, покажу тебе твое пристанище на ближайшую неделю.

Пес, завиляв хвостом, направился вслед за девочкой.

– Даже не переживает, что его в отпуск с собой не берут, – покачала головой Тамара Васильевна.

– Он же любит Ольгу, чего ему переживать? – засмеялась Ксения Борисовна. – Мама, проходи на кухню, мы как раз кофе пьем.

Зайдя в комнату, Оля тут же бросила взгляд на раскрытый ноутбук, где на экране мигало непрочитанное сообщение. Обняв подушку Нортон, девочка присела на край кровати и придвинула к себе ноут. Щелкнула по тачпаду. В сообщении говорилось: *«Сегодня в два часа. На Воскресенской набережной. Ты готова встретиться?»*

От волнения даже руки задрожали и сердце забилося учащенно. Нортон положил подбородок на колени девочки, и Оля заглянула в его черные преданные глаза.

- Что, мой хороший? - спросила она у пса. - Прогуляемся?

Глава пятая

Мокрые острые снежинки летели в лицо, с Невы дул ледяной ветер. Нортон, поджав уши, трусил впереди, периодически оборачиваясь и проверяя, идет ли Оля следом. Девочка куталась в большой клетчатый шарф и выглядывала парня, пригласившего ее на встречу. Заметив его, прибавила шаг.

Женя поджидал Олю у бронзовых сфинксов, помещенных на гранитные постаменты.

– Привет! – выдохнула Воробьева. Она так боялась не успеть к двум часам, что от быстрой ходьбы у нее закололо в боку.

– Привет! – улыбнулся Женя. – Вау, какой пес! Это твой?

– Мой! – гордо кивнула Оля. Конечно, фактически он бабушкин. Но Олю любит наравне с Тамарой Васильевной.

Девочка с радостью отметила про себя, как воодушевленно отреагировал на Нортон Женя. Присев на корточки, парень ласково начал чесать пса за ухом. Нортон же, счастливо поскуливая, скакал вокруг нового знакомого, едва не уронив Женю на потемневший мокрый асфальт.

– Как его зовут? – рассмеявшись, спросил парень.

– Нортон.

– В честь Эдварда Нортон?

– Я не знаю Эдварда Нортон, – смутилась Оля.

– Ты не смотрела «Бойцовский клуб»? – удивился Женя. – «Американская история Х»? «Бёрдмэн»?

Оля только качала головой.

– Я не люблю кино, – призналась она, в страхе разочаровать парня. – Люблю дорамы. Про любовь. Я же тебе говорила!

Женя широко улыбнулся:

– Точно! Извини, я забыл.

Оля тоже присела на корточки и за ошейник потянула Нортон к себе.

– Его так зовут по паспорту! И извини, он слишком дружелюбный пес.

Женя снова рассмеялся, а затем поднялся на ноги. Помог встать Оле. Нортон, радостно виляя хвостом, крутился под ногами.

– Ты была здесь раньше? – спросил парень, оглядываясь.

– Нет, – снова покачала головой Оля, сетуя на то, что нужно чаще гулять по городу. Ветер опять бросил в лицо колющие снежинки. Тут, пожалуй, нагуляешься с такой погодой. Пока дороги до школы за глаза хватает. – Я видела похожих сфинксов на Университетской набережной...

Оля шагнула вперед, но, разглядев мемориал, ойкнула и отпрянула.

– Жуть! – проговорила девочка, рассматривая необычную скульптуру. Только теперь Оля обратила внимание, что половина лица бронзовой девушки была изъедена до черепа. Худое туловище, обтянутые бронзовой кожей выступающие ребра. Идентичные истощенные сфинксы сидели на расстоянии пары метров друг от друга.

– Это памятник жертвам политических репрессий, – объяснил Женя. – Милый женский профиль обращен к жилым домам, а вторая, страшная сторона лица, – к «Крестам».

Парень кивнул на противоположный берег, где находился известный следственный изолятор.

Оля, медленно обходя памятник, внимательно читала надписи на медных табличках. На них были выгравированы строчки из стихотворений поэтов, многих из которых коснулись репрессии...

– «Петербург! У меня еще есть адреса, по которым найду мертвецов голоса...» Осип Мандельштам! – прочитала девочка.

– Я вернулся в мой город, знакомый до слез,
До прожилок, до детских припухлых желез.
Ты вернулся сюда, так глотай же скорей
Рыбий жир ленинградских речных фонарей, –

процитировал наизусть Женя.

Оля подняла на парня удивленные глаза. Стихи Воробьева не любила. Просто не понимала их. А чтобы еще и заучивать...

– Я на лестнице черной живу, и в висок
Ударяет мне вырванный с мясом звонок,
И всю ночь напролет жду гостей дорогих,
Шевеля кандалами цепочек дверных, –

закончил парень.

Оля поежилась от холода.

– Ты ничего такого не подумай, я стихи почему-то быстро запоминаю. Стоит только пару раз прочитать... – начал оправдываться Женя. – А по Мандельштаму работу научную писал в прошлом году.

А Оля ничего такого и не подумала. Разве что вспомнила, как и Игошина собиралась писать научную работу, только по анатомии. А вот Оле бы в жизни не пришло в голову таким заниматься, ей и домашних заданий хватает...

А что, если Женя посчитает ее неинтересной собеседницей? Решит, что она недостаточно умна для него. Может, удел Оли – как раз выяснять вместе с

Риной степень лопухости какого-то неизвестного одиннадцатиклассника Маркина.

– Оля? – позвал задумавшуюся девочку Женя.

– Работу по Мандельштаму? – растерянно переспросила Воробьева.

– Ну, да! – отозвался Женя. – Ты знала, что Осип Эмильевич умер в ссылке от тифа, из-за морозов тело поэта вместе с остальными умершими от эпидемии целый месяц пролежало возле больницы.

– Зачем ты мне это рассказываешь? – поежилась Оля, пряча замерзший нос в шарф.

– Мне нравится бывать в этом месте, – проговорил Женя, глядя на ворчащую от ветра Неву. На темную воду опускались белые снежинки, которые тут же таяли. – Здесь понимаешь, как одновременно жесток, несправедлив и гениален мир. Ты только подумай, что тем людям пришлось пережить и выстрадать!

Оля молчала, поглядывая на противоположный берег.

– А вообще, ты права, – негромко рассмеялся Женя. – Что я несу? Теперь ты сочтешь меня самым странным на свете и больше не будешь общаться. У меня всегда плохо обстоят дела со свиданиями.

В то время как Оля переживала, что Женя решит, будто она глупа для него, парень боялся показаться занудным.

– Так это свидание? – вспыхнула девочка.

– Вообще, тут неподалеку есть классная кофейня, но ты пришла с собакой... Прости, Нортон! – Женя улыбнулся заскучавшему сидеть на месте псу. – Но у меня есть с собой горячий шоколад в термокружке. Как знал, что понадобится.

Ребята спустились к воде. Молча уставились на реку, в которую продолжал падать сырой осенний снег.

– Если бы я узнала, что кто-то сжег сочинения, тоже бы рассказала о случившемся учителям, – негромко

проговорила Оля.

– Вот как? – с интересом покосился на Воробьеву Женя.

– Да! Я – за честность! – высокопарно произнесла Оля, шмыгнув носом. – Хулиганы должны понести наказание.

– И ты не считаешь это стукачеством?

Оля дернула плечом.

– Н-нет!

– А если ты с этими людьми учишься с первого класса и вы считаетесь лучшими друзьями?

– Ты дружил с Вадиком? – ахнула Оля. Вот уж кто точно не подходил на роль друга Евгения Потупчика.

– С Егором, – глухо отозвался Женя. – С детского сада.

– Ой! – произнесла Оля.

Нортон, почуяв замешательство хозяйки, обеспокоенно заелозил.

– Откуда ты узнала об этой истории? – спросил Женя.

– Девчонки рассказали, – призналась Оля. – Я и у Рины спрашивала...

– У Рины, значит, – кивнул Женя. Как показалось Оле, голос парня тут же изменился. Неужели Воробьевой не чудится и между ребятами правда что-то было? Или есть? Оля непроизвольно нахмурила брови.

– Прогуляемся? Холодно стоять у реки, – быстро проговорил Женя.

«Ага! Переводит тему, как речь коснулась Рины...» – с досадой подумала Оля.

– Прогуляемся! – кивнула Воробьева и первой взяла Женю за руку. Парень улыбнулся.

Шли вдоль Невы, касаясь друг друга плечами и ежась от пронизывающего ветра. На Литейном проспекте, на одном из светофоров. Женя внезапно притянул к губам Олину руку.

– Замерзла? – спросил парень.

Девочка только растерянно кивнула. Тогда Женя решил согреть теплым дыханием мерзнувшие пальцы Оли. Светофор уже переключился с красного на зеленый, толпа двинулась через дорогу, а парень с девушкой так и продолжали стоять на месте. Нортон тоже дернулся было вперед, но, подняв глаза на молодую хозяйку, вздохнул и уселся ребятам в ноги.

– Хочу мороженое! – внезапно сказала Оля.

– С ума сошла! – проговорил Женя, не выпуская руки одноклассницы. – Я бы уже из рюкзака какао достал, честно говоря.

– Люблю в холод мороженое есть, – пожала плечами Оля, боясь признаться, что от касаний Жени ей стало жарко. Теперь Воробьевой было все равно, что холодно и от ветра выступили слезы. И так приятно просто стоять и смотреть друг на друга. – Закаляю горло.

– Я недавно бронхитом переболел, поэтому, пожалуй, воздержусь, – засмеялся Женя.

– Завтра отсыду от девчонок, и мы будем в столовой обедать за одним столом, – твердо сказала Оля, наблюдая, как мелкие снежинки тают на темно-коричневых ресницах парня. – Всегда!

– Ого, – проговорил Женя. – И тебе плевать, что скажут остальные? А если и с тобой не будут общаться... Не слабо?

– Не слабо! – замотала головой Оля, решив первой поцеловать парня. Привстала на цыпочки и осторожно коснулась губами Жениных губ, обняв одноклассника за шею. Парень тут же охотно ответил на поцелуй, а его руки крепче прижали Олю к себе. И в этот миг мир будто перевернулся. Под ускоренное биение двух сердец накренился Литейный проспект вместе с разводным мостом, узкими тротуарами, многочисленными машинами и нарядными фасадами домов...

Вечером на оживленном проспекте было не протолкнуться. Из заведений гремела ритмичная музыка, слышалась иностранная речь. Оля шла вдоль домов, крепко держа в обеих руках поводок. Нортон вприпрыжку трусил рядом.

Еще издалека Воробьева услышала громкие раздраженные голоса. Прищурившись, в сумерках разглядела компанию, где один из парней схватил за рукав куртки высокую стройную девушку. Она тут же выдернула руку и со злостью выкрикнула ему что-то в лицо. Прохожие шли мимо, равнодушно пряча лица в воротники курток.

Компанию освещали украшенные гирляндами витрины да яркий сигнал светофора. Подойдя чуть ближе, Оля без труда узнала в девушке Цветолину и прибавила шаг.

– Нортон, быстрее! – торопила собаку Оля. – Нужна твоя помощь.

– Думаешь, свалила из школы, так мы тебя не найдем? – наклонившись близко к лицу Цветы, зло проговорил парень.

– Плюнуть бы тебе в рожу, Большов, – негромко проговорила Цветолина, но Оле удалось расслышать эту фразу. Она подошла совсем близко к этим ребятам, и сердце с тревогой замерло. Но Воробьеву никто не замечал. Цвета продолжила: – Почти два года прошло, а ты все забыть не можешь.

– Да вот встретил тебя на улице, и былые чувства вспыхнули. С новой страстью... А ты рискни, Цветик! Плюнь! – загоготал Большов. И по выражению лица Цветы Оля поняла, что Константинова готова пойти на этот риск.

– Привет! – выкрикнула Воробьева, сама от себя не ожидая такой смелости.

И Цвета, и незнакомые парни тут же повернули к Оле головы.

– Что, прости? – оглядев Олю, проговорил Большов.

Воробьева стояла на месте, переминаясь с ноги на ногу. Ближе к себе подтянула за поводок Нортон, который с интересом уставился на незнакомцев. «Ну вот зачем я в это полезла? – с досадой подумала девочка. – Вечно сначала сделаю что-то, а потом жалею...»

– Привет! – отозвалась Цветолина. – Это моя одноклассница – Оля.

Большов еще раз осмотрел незнакомую девчонку, а затем повернулся к Цвете.

– И че дальше? – Потом опять обратился к Воробьевой: – А ты, Оля, топай дальше, куда там топала.

– Перестань, Большов! – поморщилась Цветолина. – Совсем не смешно!

Цвета с силой оттолкнула от себя парня и уже сделала пару шагов вперед, когда Большов снова схватил ее за руку. Его два приятеля стояли рядом и с интересом смотрели на происходящее.

– Пусти! – прошипела Цвета.

– А то че?

– А то я на вас собаку натравлю! – быстро проговорила Оля.

– Че? – сердито посмотрел на Воробьеву Большов.

Парень было дернулся в сторону Оли, но Нортон тут же злобно зарычал, обнажив острые клыки.

– Дура! Собаку убери! – пригрозил испуганно Большов. – Почему он у тебя без намордника?

– Тебе бы намордник нацепить! – огрызнулась Оля.

Нортон тут же зашелся громким лаем. Теперь на ребят стали обращать внимание другие прохожие.

Большов отпустил руку Цветолины и резко развернулся.

– Я узнаю твой новый адрес, Цветик! – бросил он напоследок. – И папочка гулящий не поможет.

Остальные парни, растерянно потоптавшись, двинулись за своим приятелем.

– Ага! Удачи! – буркнула Константинова.

Цвета сложила руки на груди и смотрела на Олю. Оля – на Цвету. Сломанный светофор мигал оранжевым, освещая их лица. Нортон растерянно переводил взгляд с одной девочки на другую.

– Спасибо! – наконец проговорила Цветолина. Она подошла к огромной витрине и села в оконный проем. Над ее темноволосой головой теперь радостно перемигивалась гирлянда. – Но я бы и сама справилась с ним.

Оля растерялась. Некоторое время стояла молча, а затем подошла к Цвете и присела рядом.

– Куда тебе... – прочистив горло, проговорила Оля. Почему-то рядом с Цветолиной она терялась. Это Синицына – свой человек. Ее и подколоть можно. А к Константиновой не знаешь, как подобраться. – Он такой здоровый!

– И на здоровых управу найти можно, – проговорила Цвета и полезла в карман куртки за шерстяными перчатками. – В крайнем случае, орать бы начала.

– Что он от тебя хотел? – спросила Оля. Честное слово, не собиралась задавать этот вопрос. Он как-то сам вырвался.

– А ты любопытная, Оля Воробьева! – саркастически усмехнулась Цветолина.

Оле стало обидно. Тон Цветолины казался ей высокомерным. К чему эта фамильярность? А она, Оля, между прочим, Цветолину от каких-то отморозков из прошлой школы спасла.

- Если ты считаешь, что я одна из этих, - начала Оля, - которые тебе в рот заглядывают...

- Чего? - удивилась Цвета.

- ...и носят белые «Мартинсы», то не угадала!

- При чем тут мои «Мартинсы»? - не понимала Цвета.

- Ты не для всех кумир!

- Я и не собиралась быть для всех кумиром, что за ерунду ты несешь, Оля?

Воробьева только обиженно поджала нижнюю губу и подтянула к себе за ошейник Нортон.

- Этот придурок Большов - любитель девочек позажимать в темных коридорах, - внезапно начала Цвета. - Как он выражается, в шутку. Это же офигеть как весело, ты как считаешь, Оля?

Девочка растерянно пожала плечами:

- Ну, вообще-то не очень...

- Вот-вот! - Цветолина нахмурилась, взглянула на мигающий оранжевым светофор и тяжело вздохнула, выпустив изо рта пар. - Как-то зимой в восьмом классе Большов при всех больно и обидно ударил меня по заднице. Я помню, как громко смеялись он и эти его гиены... - Цвета кивнула в ту сторону, где скрылись парни. - Я сразу пошла к директору. И знаешь, что он мне сказал?

- Что?

- Что это всего лишь неудачная шутка... «Они же мальчишки!» - улыбался мне в лицо директор. Половое созревание, все дела. В конце концов, он все перекрутил так, что я еще должна была гордиться тем, что на меня, соплячку, обратил внимание девятиклассник. Спортсмен и гордость школы! Только девчонкам, которых он нагло щупал после уроков физкультуры, было вообще не до смеха. Я сказала директору, что, если Большова прилюдно не пристыдят, я это так просто не оставлю. От него ж уже все девочки

шарахались! Мой отец имеет непосредственное отношение к Комитету образования, поэтому директор трухнул перед какой-нибудь из внезапных проверок. И устроил Большову темную.

– Ты из-за этой истории в новую школу перевелась? – тихо спросила Оля.

– Из-за этой истории? – удивленно посмотрела на Воробьеву Цвета. – Нет, конечно! Попробуй они меня вытури... Не дамся. Просто родители развелись, разменяли квартиру, и мы с мамой переехали в другой район. Да и не такая уж шикарная школа у меня была, чтобы за нее держаться.

– Понятно, – вздохнула Оля, поежившись от холода.

Цвета, которая была без шапки, натянула на голову капюшон и взглянула на Нортон:

– Классный у тебя пес!

– Это Нортон! – ответила Оля.

– В честь Эдварда Нортон? – спросила Цвета.

– Ага, именно! – отозвалась Воробьева. «Теперь “Бойцовский клуб” придется смотреть, что ли?» – подумала девочка.

– Ладно, до завтра, Оля! – Цвета снова поднялась на ноги.

– До завтра! – отозвалась Воробьева, провожая Цветолину взглядом.

Затем Оля посмотрела на носки своих ботинок и обнаружила под ногами потерянный билет. Быстро нагнулась и подняла его с асфальта. Новенький, чистенький... Совсем недолго здесь пролежал. В БДТ на «Три сестры» Чехова. Еще и в партер!..

Билет в театр могла выронить только Цветолина, когда доставала из кармана куртки перчатки. Но Цвета уже скрылась в толпе прохожих. Тогда Оля бережно убрала билет во внутренний карман пуховика, так и не решив, хорошо ли это, что теперь у нее появился еще один повод пообщаться с Цветолиной.

Про дружбу

«Как узнать, какой человек из всех, кто тебя окружает, – твой? В детстве, когда я отдыхала у бабушки, одна девочка подарила мне целую кружку лесной земляники. В ответ я нарвала в саду крыжовник. На следующий день она притащила мне малину, а я ей торжественно вручила помидоры. До сих пор помню, как мне влетело от бабушки за потоптанные грядки...

В детстве проще подружиться. Ты – мне, я – тебе. Пойдем искупаемся на речке? И вот вы уже лучшие подруги. Только потом, взрослея и встречаясь каждое лето в деревне, понимаешь, насколько у вас стали разными интересы, предпочтения, взгляды на жизнь. Это в любви противоположности притягиваются... А в дружбе?

Так и стынет эта детская привязанность к человеку, как чай в серебристом подстаканнике в пассажирском поезде. С каждым годом, как с каждым новым стуком колес».

(K): Привет! Как у тебя продвигаются дела с моим соперником за твое сердце?

(S): Привет! А причем тут он? Пост ведь не про это!

(K): Как у вас с ним?

(S): Не скажу.

(K): Скажи!

(S): Нет!

...

(S): Ты ушел?

(K): Нет, я тут.

(S): У нас с твоим соперником все хорошо.

(K): (((((((сейчас умру от огорчения!

(S): Перестань!))

(K): Твои слова – как удар ножа. Все! Я намерен делать шаги навстречу к тебе...

(S): Это какие же?

(K): Увидишь!

(S): Ты меня пугаешь.

(K): А ты будоражишь мой пульс. Веришь в любовь с первого взгляда?

(S): Верю. Но не в сети.

(K): Вживую я тебе обязательно понравлюсь. Я – настоящий красавчик;)

(S): А если я тебе – нет?

(K): Жди!

(S): Что «жди»?

...

(S): Молчишь? Ты снова тут? Или ушел?

...

(S): Кицунэ? Ау?

Пользователь не в сети.

Глава шестая

– Что из горячего будешь брать? Может, котлетку?
– Она куриная? Где они вообще? Не вижу...
– Сейчас спрошу. Извините, из чего у вас сегодня котлеты?

– Ну?
– Говорят, говяжьи!
– Нет, не буду. А есть что-то овощное?
– Блин, ну че там застряли? Выбирайте быстрее!
Очередь же...

Тяжелый вздох. С раздражением:

– Всяким там девятиклассникам слово не давали!
– Рина, действительно давай быстрее!
– Хочу попробовать от мяса отказаться.
– Боже, зачем?

Шепотом:

– А что Константинова на обед сегодня взяла, не видела?

– Нет, я за ней не слежу.
– Да двигайтесь вы уже! Скоро перемена закончится!

Толчок в спину. Грозно:

– Это кто там самый умный?
– Синицына! Следующим уроком – контрольная по химии. Торопись!

Снова вздох.

– Ладно... Положите мне, пожалуйста, макароны и вон тот морковный салат. Ага!

Наконец девочки выбрались из очереди.

– Это что за мелюзга уселась за наш стол? – нахмурилась Синицына. – Они меня все выбесить сегодня хотят?

Яна Пучкова первой направилась к столику у окна.

– Сейчас прогоним!

Оля, крепко держа поднос в руках, осталась стоять на месте.

– Ты идешь? – обернулась Рина.

Воробьева растерянно посмотрела по сторонам. Она ведь сегодня хотела сесть вместе с Женей, но всех парней-десятиклассников попросили задержаться после физкультуры в зале, чтобы обсудить предстоящие районные соревнования.

Тут Оле на глаза попалась Цветолина. Константинова сидела перед раскрытым учебником недалеко от «их» стола. Как обычно, в одиночестве. А билет в партер БДТ лежал у Оли в переднем кармане рюкзака...

– Может быть, к вам еще и подойду, – быстро проговорила Воробьева.

– В смысле? – озадачилась Рина.

– У меня есть дело к Константиновой.

– Какие у вас могут быть общие дела? – усмехнулась Синицына.

– Потом расскажу! – поморщилась Оля и, чтобы не объясняться с подругой, двинулась в сторону Цветы. Рина же только озадаченно проводила взглядом Воробьеву.

– Куда Воробышек пошлепала? – донесся до Оли голос Пучковой.

– Понятия не имею! – хмыкнула Рина.

Оля подходила к Цвете, а та, кажется, вокруг ничего не замечала, все ниже склоняя голову над учебником и что-то шепча себе под нос. На столе – чашка чая с лимоном и недоеденный круассан...

– Привет! – откашлявшись, проговорила Оля.

Цветолина подняла голову.

– Мм, привет! – Константинова была удивлена увидеть перед собой одноклассницу.

– Можно я присяду? – спросила Оля.

Цвета пожала плечами.

– Если тебе так хочется, конечно, присядь.

Воробьева выдохнула и поставила свой поднос на стол. Обернувшись, заметила, как все девчонки за «ее» столиком не сводят с них удивленных взглядов.

– Ты ничего не потеряла? – снова спросила Оля.

– Что, например? – не поняла Цветолина.

Оля тут же полезла в свой рюкзак.

– Вот! – выложила билет на стол. – Твой?

– Мой! – наконец слабо улыбнулась Константинова. – Думала, уже не найду. Мама расстроилась... Я ей этот билет покупала.

Оля широко улыбнулась в ответ. Девочки, сидя друг напротив друга, молчали. Первой нарушила затянувшуюся тишину Цвета.

– Спасибо, Оля, еще раз. Возможно, вчера я тебя недостаточно поблагодарила... Просто была так зла из-за того, что встретила на улице этого придурка.

– Ничего страшного, – ответила Оля, попутно выглядывая в толпе Женю. Парень в столовой так и не появлялся.

– Ты смелая, Оля Воробьева! – похвалила одноклассницу Цветолина.

– Видела моего боевого пса? – засмеялась Оля. – На самом деле Нортон – самая дружелюбная собака на свете. Но за хозяйку стоит горой.

– Видела, – снова сдержанно улыбнулась Цвета. И Оля в тот момент подумала, что улыбка очень идет красивой Константиновой, но она практически никогда не улыбается.

– Ты готова к химии? – спросила Оля.

– Ненавижу химию! – призналась Цветолина. – У меня на нее просто рвотный рефлекс.

Оля засмеялась и Цвета тоже. Воробьева решила, что смех, пожалуй, лучше всего объединяет людей. А еще девочке до сих пор не верилось, что она может вот

так просто сидеть с неприступной Цветолиной и болтать о ненавистных уроках. Это было приятно и немного волнующе.

– Твои подружки сейчас нас испепелят взглядами! – негромко сообщила Цвета, посмотрев на Рину и ее свиту.

– Пусть! – беспечно улыбнулась Оля. «Хотя, наверное, это неправильно – променять общество девчонок на Цвету, – подумала Воробьева. – Ведь именно Рина первой приняла меня в свою компанию, в то время как Цвета только награждала равнодушным взглядом. Но должна ведь я отдать потерянную вещь!»

– Спасибо за билет! – проговорила Цветолина, убирая его в учебник, словно закладку. Затем отодвинула чашку с недопитым чаем. Снова виновато улыбнулась: – Мне пора.

– Да, конечно! – закивала Оля.

Цветолина поспешно закинула учебник в рюкзак и поднялась из-за стола.

– И за вчерашнее спасибо! – добавила растерянно Цвета. Будто никто и никогда не приходил к ней на помощь. Воробьеву такая реакция Цветолины удивила и даже немного умилила.

– Не за что! – пробормотала Оля. – На моем месте так поступил бы любой порядочный человек.

Цвета, смущенно поджав губы, кивнула Воробьевой на прощание и, закинув за спину черный рюкзак, пошла прочь из столовой. Оля проводила Константинову взглядом и, стараясь не смотреть на своих школьных подруг, которые в этот момент явно перемывали им косточки, принялась искать Женю. В очереди она уже заметила пару одноклассников, значит, парней из спортзала отпустили. Отлично! Оля и стол для себя и Жени заняла.

Внезапно девочка вспомнила, что недописала ответ в одной из задач по химии. А ведь перед контрольной

нужно сдать тетрадь на проверку. Тут же полезла в рюкзак и достала домашнее задание. В ответе она сомневалась, поэтому дома решение задачи написала карандашом. Может, у девчонок спросить? Но не тащиться же из-за этого снова за другой стол, тогда этот займут. А Рина еще сразу привяжется с расспросами... Нет уж!

Сначала Оля уставилась в раскрытую тетрадь, разглядывая карандашные записи, потом подняла глаза в поисках того, кто бы мог помочь с решением. Может, Женя уже появился в столовой? И тут Воробьева наткнулась на заинтересованный взгляд Глеба Лисина. У Оли даже щеки вспыхнули. Почему он так пялится? Воробьева снова уставилась в тетрадь, потом не выдержала и подняла глаза на Глеба. Лисин продолжал смотреть на Олю и улыбаться. Тогда девочка из вежливости улыбнулась ему в ответ. Странно все это, конечно. Оля нервно убрала волосы за уши, потом решила, что так уши наверняка будут торчать, и снова взъерошила передние пряди...

Когда Глеб поднялся из-за стола и направился целенаправленно к Оле, Воробьеву охватила паника. Что ему нужно? Девочка быстро глянула на свой поднос, на котором стыли суп и второе. А если Лисин решит, что она обжора? Вон у Цветы на столе лежал лишь круассан на белом блюде. Это так по-французски! Оля рассердилась. Какая ей разница, что там решит этот Лисин? У Оли вообще-то Женя есть! Воробьева демонстративно уставилась в раскрытую тетрадь, и все формулы перед глазами заплясали...

– Привет! – раздался приятный низкий голос над ухом.

Оля подняла голову и, окончательно сомлев от охватившего волнения, тихо произнесла:

– Привет!

– Присяду? – спросил Глеб.

– Ага!

Оля мельком взглянула в сторону стола, за которым сидели ее подруги. Все девчонки уставились на Лисина и Воробьеву. Пожалуй, происходящее потрясло их больше, чем разговор Оли и Цветотины. Да и сама Воробьева слабо понимала, что происходит.

Глеб сел рядом и посмотрел на Олю. Воробьева впервые видела Лисина так близко. «Не пялься на него долго!» – одернула девочка саму себя. Но не пялиться не получалось. Лисин улыбнулся.

– Меня зовут Глеб.

«Я знаю!» – чуть тут же не вырвалось у Оли. Вместо этого Воробьева, как ей показалось, с достоинством произнесла:

– Очень приятно, Глеб. Меня зовут Оля.

– Оля? – переспросил Лисин. И снова улыбнулся. – Значит, Оля. И мне очень приятно, дорогая О-ля!

Сердце запрыгало. Так бывает, когда рядом находится симпатичный парень. Он вроде и не нравится тебе, но всеобщее благоговение перед ним остальных девчонок заставляет что-то дрожать и под твоими ребрами.

– Органическая химия? – спросил Глеб, взглянув на раскрытую тетрадь.

Девочка молча кивнула. Тогда Глеб придвинулся ближе к Оле, задев ее крепким плечом. Воробьева еще больше смутилась.

Глеб склонился над Олиной тетрадью, внимательно читая условие задачи. Оля осторожно взглянула на симпатичный профиль парня. На его длинные изогнутые ресницы и свежесбритое лицо...

– Сотри этот ответ, – посоветовал наконец Лисин. – И пиши: CH_4O .

– Но почему? – удивилась Оля.

– Где тебе можно решение написать?

Воробьева с готовностью выдернула из середины тетради двойной лист и протянула его Глебу. Парень принялся записывать решение задачи.

Оля снова растерянно посмотрела на девчонок. Рина, как и остальные, не сводившая взгляд с новоявленной парочки, вопросительно кивнула Воробьевой. Оля только растерянно пожала плечами. Самой бы знать, зачем она понадобилась Лисину... С чего вдруг популярному одиннадцатикласснику решать за нее задачи?

– Вот! Держи!

– Спасибо! – растерянно пробормотала Оля. – Сейчас только это неверное решение сотру. И все перепишу...

Девочка достала из рюкзака свой огромный пенал. Лисин, облокотившись о стол и подперев голову рукой, с интересом наблюдал за смущенной Олей. «Этот яркий пенал с набором цветных ручек! – сердито подумала Воробьева. – Может, Рина права, и все это детский сад?» Оля вытащила новый белый ластик и принялась стирать неверное решение задачи.

– У тебя очень красивые волосы, Оля! – внезапно проговорил Глеб, не сводя с девочки взгляда.

– Что? – растерянно отозвалась Воробьева. – Спасибо...

– И сама ты миленькая!

После этих слов Оля все-таки не смогла сдержаться и расплылась в улыбке. Девочка не знала, какие цели преследует Глеб, но услышать комплимент от популярного парня было приятно. Все так же улыбаясь, Воробьева смущенно отвела от Глеба взгляд и тут же увидела Женю. Парень стоял у входа в столовую и растерянно смотрел на нее и Лисина. Оля тут же прекратила улыбаться и испуганно взглянула на Глеба.

– В чем дело? – спросил парень.

Когда Воробьева снова перевела взгляд на дверь, Жени там уже не было.

Оля страшно рассердилась на себя. Рассиропилась тут перед красавчиком Лисиным. И Глеб ее тоже разозлил. Зачем к ней подсел?

– Что тебе от меня надо? – грубо спросила она.

– Тебя, – ответил Глеб.

– Чего-чего? – нахмурилась Оля. – Шутка такая?

– Я похож на шутника? – снова улыбнулся Глеб. Но Оля больше не поддавалась на его чары.

– Хорошо, – притворно вздохнул Глеб. – Так и быть, поведаю тебе страшную тайну, что привело меня к тебе, дорогая Оля.

Договорить парень не успел. В этот момент в здании раздалась пожарная тревога.

– Дети! Без паники! – раздался громкий голос кого-то из учителей.

Но какое там... Все учащиеся тут же вскочили из-за столов, и Оля в том числе. Поспешно закидывая тетрадь и пенал в рюкзак, косилась на двери, где уже началась настоящая давка. Глеб продолжал сидеть на месте и следить за действиями Воробьевой.

– Дорогая Оля, попросили же: без паники, – сказал он.

Но у Воробьевой от сильного прилива страха даже в ушах зашумело.

– Дорогой Глеб! – раздраженно произнесла Оля. – А если мы сгорим заживо?

Лисин негромко рассмеялся и тоже взглянул на выход, где учителя организовали очередь, чтобы ребята не расталкивали друг друга локтями.

– Выходим по двое! Дети! Слышите меня? По двое! – раздавались строгие команды.

– Ну, скорее всего, это учебная тревога, – пожал плечами парень. Затем поднялся с места и, взяв Олю за руку, повел к выходу. – Но если нам грозит реальная опасность, дорогая Оля, я готов принять весь огонь на себя.

С этими словами Глеб обернулся и улыбнулся Воробьевой. Девочка растерянно улыбнулась в ответ и отвернулась. Шла, заглядывая в большие окна столовой, – на школьном дворе уже толпились выбежавшие из здания школьники.

Глеб за руку вел Олю по шумному коридору. Девочка же не могла понять, какие чувства ее посетили в тот момент... Сосредоточиться на своих ощущениях мешал страх. Итак, на нее обратил внимание самый популярный старшеклассник, но ей на это абсолютно плевать, в то время как любая из подруг на ее месте лужицей бы расплылась по полу... Ладонь Глеба была теплой, держал он Олю крепко и уверенно. «Наверное, только и делает, что разгуливает с девчонками за ручку!» – подумала Воробьева. И все-таки она не могла выкинуть из головы то недоразумение, которое произошло в столовой. Женя появился в неподходящий момент и все не так понял. Наверное, подумал, что Оля все-таки струсилась и дала заднюю...

Женский механический голос продолжал громко повторять: «Внимание! Пожарная тревога! Просьба всем покинуть здание!» В детстве Оля с мамой спасались от настоящего пожара, который произошел в продуктовом магазине. Задымленное помещение и отчаянные крики навсегда остались в памяти девочки. Слава богу, тогда никто серьезно не пострадал. Сейчас же вокруг тоже слышались громкие голоса, и связаны они были скорее с тем, что уроки сорвались. Но Воробьеву в этом темном многолюдном коридоре все равно охватила паника. Почувствовав слабость в ногах, она остановилась.

– Оля, ты чего? – обернулся Глеб. – Все в порядке?

– Все плохо! – одними губами проговорила Воробьева, ощущая, как от волнения тошнота подступает к горлу.

– Держись, подруга! – Лисин проводил Олю к скамейке. Воробьева обессиленно плюхнулась на нее, а

Глеб присел перед девочкой на корточки и озадаченно заглядывал ей в лицо.

У гардероба уже собралась толпа. Ребята, схватив одежду, выскакивали в распахнутые двери эвакуационного выхода.

– Давай возьму твою куртку! – Лисин протянул Оле раскрытую ладонь.

Девочка поспешно достала из кармана джинсов номерок.

– Сейчас выйдешь на свежий воздух, легче станет! – пообещал парень, поднимаясь на ноги.

Вскоре Глеб снова появился рядом с Олей, держа в руках ее короткий пуховик. Девочке к тому времени стало легче, паника отступила. Лисин помог Воробьевой одеться, и вдвоем они вышли на улицу, где уже толпились старшеклассники. Оля жадно вдохнула свежий морозный воздух. С неба сыпал сухой снежок. До Воробьевой доносились возбужденные голоса:

– Химичка сказала, что тревога была незапланированной!

– Офигеть! На уроки возвращаемся?

– Уже вроде пожарные выехали... Но задымления нет.

– Да кто-то контрольную решил сорвать!

– Круто! По домам?

– Ш-ш-ш! Воробышек вышла! – это проговорила Яна Пучкова.

Оля шла вместе с Глебом, и Лисин продолжал поддерживать ее под локоть, на случай если девчонка надумает грохнуться в обморок. Воробьева завертела головой в поисках Жени, но парня нигде не было. Зато она наткнулась на колющий холодный взгляд Цветы. Константинова внимательно смотрела на Лисина и Воробьеву и в тот момент не казалась Оле довольной и приветливой, как в столовой. Перехватив Олин взгляд, Цветолина быстро отвернулась и направилась прочь со

школьного двора. «Ну, вот! – сокрушалась Воробьева. – Не успели толком пообщаться с Константиновой, и тут такой облом! Конечно, она зла из-за того, что я вдруг сблизилась с ее врагом. О нашей дружбе с Цветолиной, кажется, можно забыть...»

– Куда тебе? – наклонился к Олиному уху Глеб.

– Вон мои подруги! – пробормотала Оля, кивнув в сторону девчонок, которые, как по команде, повернули головы к парочке и не спускали любопытных взглядов. Пока Глеб вел Олю к одноклассникам, Воробьева уже представила себя знаменитостью, которую после какого-нибудь резонансного события поджидают у собственного дома журналисты с микрофонами и камерами.

– Воробьева, что с тобой? – воскликнула Рина, когда Оля и Глеб подошли ближе к десятиклассникам. – Ты аж зеленая!

– Перенервничала! – ответил вместо Воробьевой Лисин.

Затем за плечи развернул растерявшуюся Олю к себе и заботливо поправил ей шапку. Оля обалдела. Ее подруги – еще больше.

– Береги себя, дорогая Оля! – немного насмешливо произнес Глеб, улыбаясь и глядя девочке в глаза. – Потом обязательно договорим.

Лисин, так и не посмотрев ни на одну из девчонок, быстрым шагом направился со школьного двора в ту же сторону, где недавно скрылась Цветолина.

– Норм! – пробормотала Яна Пучкова.

– Вы видели, он стоял рядом со мной?

– И со мной! Я в экстазе!

– Боже мой, он такой высокий! Я ему еле до плеча достаю! Классно бы мы смотрелись?

– А что у Лисина за парфюм, никто не знает? Я бы старшему брату задарила, а то его духи каким-то сеном

пахнут! Он так в тридцать лет никогда не съедет от нас...

- Стоп! - выкрикнула Рина, перепугав галдящих девчонок. - Воробьева, что это сейчас было?

- Что? - растерялась Воробьева. Самой бы знать...

- «Береги себя, дорогая Оля»! - передразнила басом Рина. - Он это серьезно?

- Наверное, - пожала плечами Оля.

- Что Глеб там тебе в тетради писал? - спросила Синицына.

- Решал за меня задачу по химии, - негромко ответила Оля.

- Что? - разом воскликнули девочки.

- Потом сказал, что у меня красивые волосы...

- Что-о? - протянули все снова хором.

- И сама я очень милая! - решила одним контрольным добить подруг Воробьева.

- Что-о-о? - Кто-то из девчонок перешел на фальцет.

- О май гад! - Пучкова схватилась за лицо большими пушистыми варежками.

- Мощно! Думала, ничего сильнее поставленного мне лайка в Инсте уже не будет.

- Да он тебя случайно лайкнул! Чихнул, наверное, когда ты вылезла в рекомендованном.

- Сама ты чихнула! Там такая фоточка - перфектная! Самая популярная в моем профиле...

- Так тебя там и не узнать!

- Бабы, перестаньте! - снова выкрикнула Рина. Затем, нахмурившись, обратилась к Оле: - А как же Женя Потупчик?

Оля тут же помрачнела:

- Вы его не видели?

- Не-а! - покачала головой Яна.

- Он зашел в столовую в тот момент, когда я общалась с Лисиным! - сердито отозвалась Воробьева. - Принесла ж его нелегкая.

– Ты про Женю?
– Про Глеба!
– Ой, бабы, мне плохо! – вздохнула Синицына. – К ней такой парень подкатывает, а она по Потупчику страдает!

Внезапно Рина сделала шаг к Оле и схватила ее под локоть.

– Идем! – сказала Рина.
– Куда? – растерялась Воробьева.
– Идем-идем...
– А занятия точно отменили?
– Ты не видишь, что уже почти все разошлись? – рассердилась Рина. Выкрикнула подругам: – Бабье, до завтра!

– До завтра! – вяло отозвались девочки, не понимая, почему Рина оборвала разговор на самом интересном месте.

Синицына и Воробьева зашагали в ногу по школьному двору.

– У тебя какие планы на сегодня? – спросила Рина, когда они обходили большую лужу, покрытую ледяной коркой.

– Э-э, да вроде никаких! – отозвалась Оля.
– Значит, едем в ресторан.
– В ресторан? – ахнула Воробьева.
– Ну да!
– Прямо сейчас?
– Ну, а чего медлить? – рассердилась Рина. – Один раз живем! Почему бы двум состоятельным барышням не сходить на бизнес-ланч.

– Вместо контрольной по химии? – язвительно спросила Оля. – Очень солидно!

– Слушай, у меня двоюродная сестра в таком классном месте работает! На Сенной. Ну поехали, а? Там из окна купол Исаакиевского видно. До четырех

часов – бизнес-ланчи. Сестра еще дополнительную скидку пробьет. Не пообедем!

– Ладно, поехали! – вздохнула Оля, про себя подумав: «Вот как человеку о Глебе Лисине поболтать хочется!»

Но и Воробьева решила воспользоваться подходящим моментом, поэтому спросила:

– Что у вас с Женей?

– С Женей? – переспросила Рина.

– Ага! – кивнула Оля. – С Потупчиком.

– А что у нас с ним? – Рина растерянно шмыгнула носом и поправила на голове шапку.

– Вы встречались? – прищурившись, спросила Оля.

– Нет! Рыжие парни совсем не в моем вкусе, – засмеялась Рина. – А почему ты об этом спрашиваешь?

– Мне кажется, ты как-то странно на него реагируешь, – призналась Оля.

У Синицыной снова вырвался нервный смешок:

– Тебе кажется! Никогда не имела планов на Потупчика. А вот в компанию Егора и Вадика мне бы очень хотелось попасть, а они, сама знаешь, как к Женьке относятся... Поэтому я стараюсь лишний раз с ним даже не светиться. Мне моя репутация дороже.

Оля только укоризненно покачала головой.

– Что? – фыркнула Рина. Внезапно глаза ее восторженно заблестели: – Слушай, а в компанию Лисина попасть еще престижней! А если Глеб предложит тебе встречаться?

– С ума сошла? – воскликнула Оля.

– Ты, надеюсь, согласишься? А Потупчик как же? Где Глеб и где Женька... Небо и земля! Ой, а твой этот... шестидесятилетний?..

Рина трещала об этом всю дорогу, чем немного утомила Олю.

В ресторане девочки расположились на уютных диванчиках возле огромного окна, из которого

открывался впечатляющий вид на город. Мелкие снежинки плясали над городскими крышами, вдалеке виднелся купол Исаакиевского собора.

– О-о, – протянула Рина, – тыквенный крем-суп с сельдереем. Хочу! Я из-за этой пожарной тревоги даже поесть не успела!

– Ага! – отозвалась Оля. С задумчивым видом оторвалась от изучения меню и оглядела просторный полупустой в этот час зал. И вдруг от увиденного пальцы похолодели. От волнения так закружилась голова, что Оле пришлось схватиться за край стола...

Глава седьмая

– На улице такая погода мерзкая! А здесь тепло и вкусно. Я бы сейчас пасту поела, но все-таки воздержусь, – тараторила Рина. – У меня все сразу в бока уходит. И в живот! Вот, блин, ненавижу эту свою проблемную зону... А я к Глебу на вечеринку такое платье присмотрела! Оно прям ну совсем облегающее. Жду новогодних скидок... Главное, размер свой урвать. Я в день старта распродаж даже на уроки не пойду. Пофиг! Мне нужно то платье успеть купить...

Оля в это время не отводила растерянного взгляда от затылка седого мужчины в костюме. Рина продолжила:

– Я, конечно, поначалу сомневалась, что нас вообще пригласят. Но после сегодняшних событий... Прикинь, он в Новый год тебя поцелует?

– Поцелует? – неуверенно отозвалась Оля, снова поглядывая на стол в самом углу зала.

– Ага! Это так романтично. Под бой курантов! Блин, смотри, у меня аж мурашки!

– Кто поцелует? – будто очнулась Воробьева. – Глеб? Куда тебя понесло-то, Рина?

– А что такого? – пожала плечами Синицына. – Все мы взрослые люди. Ты что, не целовалась никогда? Ты мне лучше поведай, когда он подошел, что тебе первым делом сказал?

Но Оле было не до разговоров с Риной. Воробьева пыталась унять перепуганное сердце.

– Ты определилась с заказом? – перескочила на новую тему Рина.

– Я ничего не буду заказывать, – глухо отозвалась Оля.

– Как это? Почему? – удивилась Синицына. – Что с тобой опять? Такая бледная...

– Я, наверное, отравилась. Как-то сегодня весь день плохо. Мне надо уйти! – быстро заговорила Оля, вскакивая с диванчика. – Прости, Рина!

– Оля! Стой! Куда ты? Давай провожу! – громко восклицала Синицына, и это было так некстати, потому что Воробьеву сразу заметили.

– Ольга? – раздался растерянный голос с дальнего столика. – Ты почему не в школе?

Девочка презрительно окинула взглядом седого мужчину в строгом черном костюме, на его спутницу старалась даже не смотреть и выскочила из зала.

Шапку натягивала уже на улице. Слезы полились сами собой. Пару раз Оля обернулась, но за ней никто не бежал. Снег пошел густой и крупный. Мокрые хлопья летели в лицо.

Мама! Как она могла? Оля на мгновение зажмурилась, и снова перед ней предстала та картина... Мама сидит лицом к ней за самым дальним столиком и, не замечая ничего вокруг, счастливо улыбается. При этом держит за руку этого... незнакомого деда? Да, он больше подошел бы на роль Олиного дедушки! Ведь лет на двадцать старше мамы! И ни в какое сравнение не идет с ее подтянутым, молодым, веселым, умным, самым лучшим и любимым папочкой на свете!

Мама! Как она могла? Обмануть ее, отца... Оля остановилась у одного из домов и, прижавшись спиной к холодной стене, еще горше заплакала. Слезы текли по щекам и падали на черную куртку. Оля немигающим взглядом уставилась на мокрый черный асфальт.

А папочка? Наверное, он обо всем догадывается. Или даже знает о том, что мама встречается с другим мужчиной. Но почему он терпит этого... старика? Оля резко вытерла рукавом куртки лицо и достала из

кармана телефон. В беззвучном режиме обнаружила несколько пропущенных от мамы и сообщение от Рины: «Почему ты убежала? Испугалась родителей? Так я объяснила им, что кто-то сорвал урок! Мы же не прогуливали...»

У Оли слезы снова поползли по щекам. Родители... Рина приняла того человека за Олиного отца! Кошмар! Экран телефона снова засветился... «Мама».

Как она могла?

Оля сердито сбросила вызов.

– Девушка, с вами все в порядке? – подошел к Оле высокий мужчина. Осторожно коснулся ее локтя. Оля вздрогнула и посмотрела в глаза прохожему. Он напомнил ей того седого, который сидел с мамой в ресторане...

– Ничем вы мне не поможете! – негромко проговорила она, отворачиваясь.

Брела по улице, куда глаза глядят. Снег падал бесшумно и больше не таял. Город тут же сделался светлым, праздничным. С белыми крышами, проводами, яркими украшенными витринами. Оля снова достала из кармана телефон и смахнула новые уведомления о «пропущенных». Набрала сообщение Жене, но он не ответил.

– Дурак! – зло проговорила Оля. – Что он там себе надумал?

В социальных сетях парня тоже не было. Телефон на холоде быстро разрядился.

Оля до вечера слонялась по городу. Стемнело рано, и снег вскоре прекратился. Будто Оля Воробьева находилась в стеклянном шаре, который резко встряхнули, взбудоражив белые хлопья, а затем убрали в темный шкаф. «Так и моей сказочке конец!» – грустно подумала девочка. Почему-то в тот момент больше всего на свете ей хотелось разыскать Женю. Оля даже наведальась на набережную, где любил бывать парень,

но сейчас там его не было. Оля с тоской в глазах оглядела черную Неву и, поежившись от ледящего ветра, направилась в сторону дома, по дороге зайдя в продуктовый магазин.

Подъезд показался Оле еще мрачнее. Темный, сырой, еще и мочой пахнет на первом этаже. Поднявшись по лестнице, Оля привалилась к стене и долго не решалась нажать на кнопку звонка...

Дверь открыл растерянный папа:

– Ты где гуляешь? Мать извелась! Почему телефон весь день выключен?

Оля молча ввалилась в коридор, резким движением стянула шапку.

– Птенчик мой, что случилось? – испугался отец. – Я пришел в кои-то веки пораньше, думал, наше семейное чаепитие устроим. Сегодня же понедельник!

Все это отец говорил, не сводя с дочери обеспокоенного взгляда. Оля же медленно, онемевшими от холода пальцами развязывала шнурки на рыжих ботинках. Нортон, виляя хвостом, принялся облизывать девочке лицо.

– И мама из-за тебя не в настроении. Переживает, из спальни весь вечер не выходит...

– Я просто гуляла! – наконец буркнула Оля, пожалев отца. Он так о них с мамой беспокоится. Все время. Папа из тех, кто постоянно чувствует себя виноватым. И как он корил себя за этот переезд! Зачем они уехали? Встретился же маме на пути этот седой!

– А я с Нортоном вместо тебя прогулялся... До сквера. Дальше не пошли. Давай куртку, птенчик! – протянул руку Юрий Михайлович. Затем выкрикнул: – Ксюш, Оля пришла!

Оля замерла. В темный коридор выглянула Ксения Борисовна.

– Ольга, – хрипло позвала она.

Девочка осмелилась посмотреть маме в глаза. Обе долго молчали.

– Чайник поставлю? – почему-то смутился Юрий Михайлович.

У Оли сжалось сердце. А если он не знает? Такой потерянный ходил действительно из-за проблем на новой работе... И вот теперь пораньше пришел, все наладилось. Жалко. С какой стороны ни посмотри – папу жалко. Оле захотелось закричать от бессилия и несправедливости. Но она лишь послушно отправилась на кухню вслед за родителями, принимая правила этой ужасной взрослой игры. Делать вид, будто ничего не случилось.

Конечно, мама могла найти тысячу оправданий. Встретила старого знакомого... Оля скривилась про себя: «Ключевое слово: ста-ро-го!» Но то, как мама держала его за руку, как блестели ее глаза, и эта счастливая улыбка...

– С кем гуляла? – как ни в чем не бывало поинтересовался отец. И это тоже выбивало Олю из колеи. Совершенно ведь ясно, что между ней и мамой пробежала черная кошка. А папа делает вид, будто все хорошо. Ксения Борисовна в это время заваривала чай. Оля так и не решалась сесть за стол. Стояла, опершись о дверной косяк и скрестив руки на груди.

– Одна гуляла, – проговорила наконец она.

– А вчера вроде с парнем каким-то... – несмело проговорил Юрий Михайлович. – Я из окна видел.

Оля покраснела. Хорошо, что Женя поцеловал Олю на прощание под козырьком, который не видно из родительской спальни.

– Я чай не буду! – резко произнесла Оля.

Мать обернулась. И отец посмотрел озадаченно.

– Не хочу, – чуть мягче добавила девочка, нервно натягивая на ладони рукава водолазки.

Ксения Борисовна молча поставила на стол две чашки с чаем.

– Что ж, – неуверенно начал Юрий Михайлович. – Если ты не хочешь...

– Не хочу! – перебив, повторила Оля. Отправилась в коридор, долго шуршала курткой... Зашла на кухню и положила перед родителями плитку шоколада: – Вот! О традициях не забываю... Молочного не было. Держите горький. Он полезней!

Когда уходила в свою комнату, в спину Оле донесся грустный голос отца:

– Нет, она в этой школе точно какая-то странная стала! Может, ее там обижают?

– Кого? Нашу Олю? – глухо отвечала мама. – Она такая компанейская девочка...

– Тогда, может, дело в том рыжем парнишке?

В эту минуту, выходя из кухни, Оля просто всей душой ненавидела взрослых. За их лицемерие. Нет, Оля такой не будет. Никаких тайн от людей, которые ей безразличны...

Девочка пропустила вперед Нортон, который рвался с ней в комнату. Вместе с собакой улеглась на кровать и крепко обняла питомца, который после прогулки под снегопадом пах псиной. Нортон сопел, нетерпеливо елозил. Он еще практически щенок, все никак не может усидеть на месте. Наконец пес притих и лежал рядом, мерно посапывая. За окном гулял ветер, и Олю после слез и мороза в тепле сморило. Быстро уснула, совсем позабыв про уроки. Спустя час, резко проснувшись, осмотрела погрузившуюся в сумерки комнату. За окном все так же шумел ветер, Нортон спал рядом. Никто из родителей в комнату не заходил. Интересно, мама столько раз звонила, а теперь молчит. Будет избегать разговора? Но и Оле говорить на эту тему сегодня не хотелось.

Девочка поднялась с кровати и вышла в темный коридор. Из спальни родителей доносился звук телевизора. Оля взяла в прихожей брошенный на пол рюкзак, принесла его в свою комнату. Зажгла настольную лампу и поморщилась. Голова гудела. Тогда Воробьева решила, что вот и наступит тот знаменательный день, когда в новую школу она придет без сделанных уроков.

Все так же мучаясь от мигрени, поставила на зарядку телефон. Первым делом снова набрала номер Жени, но парень не брал трубку. Тогда Оля быстро ответила на сообщение Рины. Написала: «Расскажу все завтра!», но что именно сказать ей, еще не придумала... Почему-то не хотелось Синицыну посвящать во все это. Вот Жене бы она, наверное, о случившемся рассказала бы. Он бы не стал охать, ахать, вопить, как девчонка, и передавать по секрету это остальным. А в том, что Рина не будет держать язык за зубами, Оля не сомневалась. Девочка посмотрела в темное окно, за которым было так холодно и тоскливо... Как и на душе. Сердце словно в лед заковало.

Может, Женя появился в сети? Оля снова уселась за стол и открыла ноутбук. Долго ждала, когда он загрузится. В последний раз Потупчик был в онлайне утром. Зато появилась новая заявка в друзья. Оля непроизвольно охнула, когда увидела, что к ней добавился Глеб Лисин.

Опубликовано в 23:00

Про то, что такое хорошо и что такое плохо

«Хорошо: это когда в каждой строчке песни о любви узнаешь себя; когда честен с собой и другими; когда

честны с тобой; хорошо – это когда все вокруг счастливы и здоровы, а ты любишь такой сильной любовью, что вокруг разрушаются здания.

Плохо: это когда проклинаешь все на свете; плохо – это боль, тоска, одиночество, предательство; предательство – оно всегда настигает внезапно, нельзя к такому заранее подготовиться; только внутри раздается страшный хруст, будто тебе резко переломали позвоночник, и все... ты обездвижен.

Плохо – это когда хочется обрезать волосы, которые из-за постоянного ветра лезут в рот.

Мне плохо».

(K): Оля, не смей отрезать волосы! Слышишь?

...

(K): Мне нравятся девушки с длинными волосами;)

(S): А если я с короткими?

(K): Ты? Да хоть с зелеными! Тебя я буду любить всегда. Даже лысой:)

(S): У меня нет настроения шутить.

(K): Как поживает твоя любовь?

(S): Уже никак.

(K): Нужно быть идиотом, чтобы отпустить тебя...

...

(K): Ты обжигаешь взглядом, и мир передо мною замирает.

(S): Говоришь так, будто мы знакомы.

(K): С тобой даже на расстоянии – все мысли навывлет.

...

(K): Улыбнешься – и мне уже жарко.

...

(K): Буду без тебя корчиться, как от ударов.

...

(K): Не молчи!

(S): Ты – поэт:)

(K): Я – бедный влюбленный Кицунэ:) Знаешь, что я придумал?

(S): М?

(K): Каждую строчку, посвященную тебе, распечатаю на отдельном листе и передам лично.

(S): Вот как...

(K): Да. Поэтому, если однажды к тебе подойдет человек с кипой бумаг (а я готов посвятить тебе тысячу комплиментов), знай – это я признаюсь тебе в любви.

(S): Значит, это будет признанием?

...

(K): Конечно.

(S): И как мне на это реагировать?

(K): Признаться мне в ответ;)

(S): Я не буду ничего распечатывать.
Предупреждаю!

(K): Одной твоей улыбки мне будет достаточно:)

(S):)

(K): Я хоть немного избавил тебя от грустных мыслей?

(S): Немного избавил!

...

(S): Спасибо!:))

(K): Нужно быть идиотом, чтобы отпустить тебя, Оля. А я – не идиот. Не отпущу.

* * *

На следующий день в школу Оля собиралась лишь ко второму уроку. Первым должна быть биология, но учитель болел еще с прошлой недели. Для Оли «окно» только на руку. Во-первых, уроки по этому предмету делать не нужно, во-вторых, можно избежать завтрака с родителями. Конечно, постоянно прятаться не получится, вечером мама наверняка решится

поговорить... Оля одновременно боялась и ждала этого разговора. Нет, уж лучше жить в горькой правде, чем в сладкой лжи.

В школе Воробьева обнаружила, что кабинет алгебры до сих пор закрыт, а одноклассники с гомоном толпятся в коридоре.

– Алгебры тоже не будет? – поинтересовалась Оля, подойдя к подругам.

– Не знаем, – пожала плечами Рина, – но все очень на это надеемся. Два «окна» подряд! Круто!

Затем Синицына внимательно посмотрела на Олю, а та быстро отвела взгляд. О вчерашнем говорить все-таки не хотелось. Тогда Рина сама перевела тему:

– Не слышали, нашего нарушителя порядка еще не вычислили?

– А должны? – удивилась Яна.

– Ну, конечно! – фыркнула Рина. – Камеры в коридоре стоят. Кто-то себя самым умным вообразил, а на деле – полный кретин!

Оля осторожно осмотрела одноклассников, но Женю в толпе не заметила... При этом сердце так отчаянно заколотилось, что каждый удар отдавался в ушах.

– А Женю никто не видел? – взволнованно спросила Воробьева.

Парень так и не появлялся в сети. Оля боялась, как бы ничего с ним не случилось...

– Потупчика? – удивилась Рина. – Да кому он сдался. Нет, никто его не видел!

– Ага! – подключилась Яна. – Какой еще Женя, когда тебя вчера из школы под белы ручки Лисин выводил!

Девчонки не спускали с Оли любопытных взглядов, а Воробьева между тем заметила, что в коридоре появилась Цвета. Константинова специально приходила перед самым звонком, видимо, чтобы меньше с другими одноклассниками пересекаться.

– Вы сегодня с Глебом уже виделись? – громко спросила Рина.

Оля только поморщилась.

– Девчонки, пожалуйста, не будем об этом! – попросила она. Оля испугалась, что Цветолина может услышать. Константинова как раз в это время проходила мимо их дружной компании. Подойдя к подоконнику, Цвета молча бросила на него рюкзак и уставилась в телефон.

– Да ты ж наша стеснюлька! – широко улыбнулась Синицына. – У нее аж щечки покраснели, бабы, смотрите!

– Ох, когда дело касается Лисина, я сама горю! – согласилась Пучкова.

– Тебе-то чего гореть? – удивился кто-то из девчонок. – Никитку своего обхаживай!..

– Никитка – это так, – буркнула Яна. – Синица в руках...

Раздался звонок. Но кабинет десятиклассникам по-прежнему никто не открывал...

– Может, в учительскую сбегать? – предложила Оля.

– Какая учительская? – нахмурилась Рина. – Чтоб сдвоенный урок поставили? Вот еще! Ты, Воробьева, святая простота. Ждем десять минут и сваливаем.

Внезапно в конце коридора раздался визг, а затем грянул громкий мужской хохот.

– В чем дело? – забеспокоилась Оля.

Синицына, приподнявшись на носочки, пыталась рассмотреть, что у одноклассников вызвало такое веселье.

– Да Игошина опять орет! – наконец равнодушно пожала плечами Рина. – Вы, кстати, знаете, что у Игогоши парень есть?

– Что?

– Да ладно!

– Ага! – Рина довольно кивнула. – Их Филимонов вчера приметил. Мы уже в чатике обсудили, поржали. На вид – такой же отшибленный, как Юлька. За ручку по парку ходят, носы морозят, ну, умора!

Оля осторожно обернулась и посмотрела в сторону Игошиной. Та стояла красная, как рак, а Филимонов с наглой ухмылочкой что-то ей тихо говорил. Цветолина тоже выглядывала поверх голов, пытаясь разобраться, что же там происходит.

– Иго-гоша, ты мне скажи, – слышался насмешливый голос Вадика, – вы со своим парнем уже того самого? Ну? И как ты могла меня променять на такого додика?

Парни рядом снова рассмеялись. А Юля, кажется, едва сдерживала злые слезы.

– Ладно, давай прощальный поцелуй, ну же! Ты ведь теперь умеешь целоваться? – Вадик попытался схватить Игошину за руку, но девчонка снова взвизгнула и, уже не сдерживая слез, побежала по коридору.

– Во шальная! – проводив взглядом Юлю, проговорила Рина. – Филимоныч, конечно, временами борщит со своими приставами к Иго-гоше.

Оля заметила, что Цвета, схватив рюкзак с подоконника, направилась вслед за Игошиной. Воробьева, сама от себя не ожидая, тоже сорвалась с места.

– Оль, ты-то куда? – растерянно выкрикнула ей в спину Синицына.

Оля не сразу нашла девчонок. Сначала выбежала в пустой после звонка коридор, растерянно потопталась у расписания... Потом быстро спустилась по лестнице и тут-то услышала жалобные всхлипы.

– За что он так со мной? Столько гадких вещей все время говорит! – рыдала Игошина.

Оля осторожно заглянула под лестницу. Цвета и Юля сидели на полу, их рюкзаки были брошены рядом. Игошина обхватила колени руками, и по ее щекам

вовсю катились крупные слезы. Цветолина устало прижалась спиной к стене, вытянув ноги.

– Пошли ты его к черту! – проговорила Константинова. – Зачем реагируешь?

– Н-не могу! – всхлипнула Юля. – К ч-черту... Язык не п-повернется т-такое сказать ему...

Оля решила, что хватит уже с нее подглядываний и подслушиваний. Молча вышла к девчонкам и села рядом с Юлей.

Игошина с удивлением посмотрела на Воробьеву, рукавом вытерев с лица слезы. Цвета даже бровью не повела. Так и сидела, глядя в одну точку. На первом этаже была открыта дверь одного из классов, и до девочек доносился строгий голос англичанки: «For homework you were to...»^[2]

– Может, он в тебя влюблен? – осторожно предположила Оля. Ей нравилось все объяснять любовью. Хотя такая жестокость не очень походила на возвышенные чувства.

Юля только нервно рассмеялась, а Цветолина зло проговорила:

– Гад он последний, типичный абьюзер! – Константинова повернулась к Юле: – Но если я за тебя вступлюсь, это будет совсем не то, понимаешь? Ты сама должна поставить Филимонова на место.

– Н-не могу-у! – снова залилась горькими слезами Игошина.

– А почему мы не можем за Юлю вступиться? – удивилась Оля. В первый день ей было страшно выступать против новых одноклассников, но теперь она разведала обстановку и готова дать отпор противному Вадику Филимонову, который ничего из себя не представляет.

Цветолина только поморщилась:

– Потому что Юля должна собственноручно это прекратить. Понять, что это не страшно! А если в будущем такое повторится в институте, в личной жизни? Так и будешь из себя бедную овцу строить?

Оле показалось, что Цвета говорит с Игошиной слишком уж жестко, отчитывает ее, будто вела себя ужасно Игошина, а не Филимонов. Юля снова всхлипнула, и Оля, не выдержав, обняла одноклассницу за плечи.

– Как же Юля это прекратит, если она – мягкий и добрый человечек? – нахмурившись, спросила у Цветы Оля.

– Вот пока она сама к себе не перестанет относиться как к «мягкому человечку»... – усмехнулась Цвета. – Мягкой нужно быть с теми, кто тебя любит и ценит. А этого Филимонова шли куда подальше, серьезно! Поставь его раз на место. Ну, скажи ему в ответ хоть слово!

– Тебе кажется, это так просто? – укоризненно покачала головой Оля, поглаживая Юлю по волосам.

– Тебе н-не понять! – тут же всхлипнула Игошина.

Тогда Цветолина убежденно произнесла:

– Поверь, я, как никто другой, знаю, о чем говорю!

Оля с удивлением покосилась на Цвету. Да и Игошина посмотрела на Константинову с подозрением. И это говорит девчонка, с которой хотят подружиться все десятиклассницы? Из уст Цветолины эти фразы звучали скорее как издевка.

Под лестницу заглянул Игнат.

– Еле как вас нашел. Атас! – прошипел парень, глядя при этом исключительно на Олю. Воробьеву Игнат уважал. Она – единственная, кто давал в классе списать. Поэтому он и бросился на поиски сбежавших девчонок. В знак признательности. – Алгебра все-таки будет! Правда, половина класса уже разбрелась. Но я пришел вас предупредить! Кто на урок идет?

Игошина тут же вскочила на ноги:

– Я обязательно иду!

Оля тоже хотела подняться, но искоса посмотрела на Цвету, которая даже не шелохнулась. Тогда Воробьева осталась сидеть на месте.

– Оль, а ты? – спросил Игнат.

– Не, – вяло отозвалась девочка.

Игнат пожал плечами и уже было развернулся вслед за ускокавшей Игошиной, когда Оля выкрикнула:

– Игнатик! А Рина пошла на урок?

– Кто? Катюха? – Игнат расхохотался. – Да они с Пучковой первыми с алгебры свинтили!

– Понятно, – хмыкнула Оля. – Ну, тогда я точно не пойду!

Игнат только головой покачал.

– Я так и думал!

Парень ушел, а Цвета и Оля продолжили молча сидеть на полу.

– Как дела? – не выдержала Воробьева, покосившись на Цвету.

– Дерьмово, – ответила Цветолина.

– Аналогично, – вздохнула Оля, вспомнив о родителях и пропавшем Жене...

Цвета молча теребила в руках лямку от своего черного рюкзака. Англичанка продолжала: «Stop talking! Тополицкий!» А затем чье-то неуверенное блеяние: «Excuse... me!» Дружный смех...

– Зачем ты втолковываешь эти глупости Юле? – не выдержала Воробьева.

Цвета повернулась к Оле и вздернула красиво очерченную бровь.

– Глупости? – спросила она.

– Ну да... – неуверенно продолжила Оля. – Ясно же, что с Игошиной этот номер не пройдет! Ну, скажет она ему слово, он ей два... Едких, еще более ранящих! Юлька только в себе замкнется, а Филимонов сильнее

обозлится. Таких, как Вадик, только могила исправит. Ничего до него не дойдет! Хотя вот если бы мы все его осудили...

Цвета пожала плечами и продолжала молчать.

- И вообще ты не имеешь права раздавать такие советы при твоём положении.

- И что у меня за положение, Оля Воробьева? - рассмеялась Цвета.

- Ой, будто ты не понимаешь! - рассердилась Оля. Снисходительный смех Цветы выбил ее из колеи.

- Честно, не понимаю! - Цветолина повернулась к Оле. - Зачем ты дружишь с такими, как Синицына и Пучкова?

- А чем они плохи? - нахмурилась Оля.

- Чем плохи? - Цвета сделала вид, будто задумалась. - Хотя бы тем, что думают, будто имеют право смеяться над Юлей Игошиной и перебивать другим косточки.

- Смеяться над Игошиной некрасиво и низко! - кивнула Оля. - Ну а «перебивать косточки»... Это же обычный девчачий треп!

- Даже если перебивают тебе за твоей же спиной?

- Мне? - тут же вскинулась Оля. - Ты что-то слышала?

- Я специально прихожу в школу минута в минуту, чтобы этого не слышать, - ответила Цвета.

- Не все такие правильные, - буркнула Оля. - Будто ты сейчас не то же самое делаешь. И плевать, кто кому и что перебивает! - добавила она, впрочем, не очень уверенно.

Цвета снова негромко рассмеялась и только ниже опустила голову. Нервно сжала лямку рюкзака в руке.

- А что смешного? Можно подумать, в твоей прежней школе девочки были другими, - не успокаивалась Оля. Хотя ей и самой порой надоедала пустая болтовня Синицыной и свиты, сейчас Воробьева

испытывала противоречивые чувства. Будто Константинова высокомерно парит над всеми и считает себя выше других.

– Абсолютно такие же! – пожала плечами Цвета. – В том-то и беда...

Оля молчала. Нет, в ее прежнем классе девчонки были хорошими. Дружными, сплоченными. Сплетничали, конечно, не без этого... Но от старой школы у Оли остались исключительно хорошие воспоминания. А Цвета такая озлобленная... Внезапно Воробьеву осенило:

– Ты была на месте Игошиной?..

Глава восьмая

– Ни на чьем месте я не была, – сухо отозвалась Цвета. – Тем более на месте Игошиной! У меня, в отличие от нее, всегда было свое мнение.

– Ага! – довольно проговорила Оля. – Начать кого-то обсуждать за спиной намного легче, чем кажется поначалу, Цвета!

Константинова укоризненно посмотрела на Воробьеву, но промолчала.

– Но почему они над тобой издевались? – не могла взять в толк Оля. За что можно высмеять Цветолину? У нее же модельная внешность! И учится хорошо...

– Я всегда была самой высокой в классе, – проговорила Цвета. – Выше всех мальчишек. И жутко худой. Меня Кощеем называли.

– Кощеем? – растерялась Оля.

– Ага, причем это самое безобидное прозвище. Дети бывают жестокими... Что я им тогда сделала? Абсолютно ничего.

– Ну и плевала бы ты на них! – дернула плечом Оля.

– Плевала бы, пока одна такая меня так не достала, что я ее в ответ коровой назвала. В тот же день она и ее подруги поджидали меня в женском туалете. А среди них была девчонка, с которой я вроде бы нормально до этого общалась...

– Мамочки! – вздохнула Оля.

– Ничего страшного, не одной мне у тех кабинок досталось, – усмехнулась Цвета. – Зато тогда я поняла, что никому больше не дам себя в обиду. Дать отпор не страшно. Физическая боль куда слабее боли душевной.

– Необязательно все решать силой, – тихо сказала Оля.

– Скажи это тем, кто сзади хватает за волосы и опрокидывает тебя на грязный холодный кафель.

Некоторое время девочки сидели молча.

– Меня бы, наверное, мама сразу в другую школу перевела, – проговорила наконец Воробьева.

– Я маме об этом не рассказывала, – ответила Цвета.

– Как? Почему?

Цветолина пожала плечами.

– Не знаю. Стыдно было. Это мои проблемы.

– Глупости какие! А учителя? Ты что! Взрослые бы обязательно помогли!

– Ты сама говоришь, что Филимонов еще больше обозлится, – проговорила Цвета. – Они бы меня вообще со свету сжили. Нет, я со всем тогда разобралась сама. Знаешь, что их больше всего во мне бесило?

– Ну?

– То, что у меня на все своя позиция. Скоро помимо Кощея я еще и Выскочкой стала. – Цвета растерянно покачала головой. – Ну и фиг с ними со всеми. Ненавижу!

– Но в этой школе к тебе относятся совсем по-другому, – осторожно проговорила Оля.

– Потому что я проанализировала свои ошибки, – как-то грустно рассмеялась Цветолина. – Лучше ни с кем не сближаться и помалкивать. Хочу нормально экзамены сдать, слишком много нервов уходит на псевдоподруг, сплетни, разборки...

– Думаю, если бы ты пошла навстречу другим, – несмело начала Воробьева, – могла бы завести настоящих друзей. Далеко не все подруги носят приставку «псевдо»...

– Мне это не надо, – отрезала Цветолина. – Неинтересно! Не хочу!

– Хорошо! Хорошо! – растерялась Оля.

В этот момент девочки услышали приглушенные мальчишеские голоса, а затем под лестницу заглянул

Вадик Филимонов.

– Егор, она тут! – весело проговорил парень.

Следом показался растерянный Власов.

– Привет, – проговорил он, не сводя взгляда с Константиновой.

– Привет! – тихо отозвалась Цвета.

– Воробышек! – обратился к Оле Вадик. – Там тебя Синица разыскивает. Говорит, нашедшему тебя полагается вознаграждение. – Филимонов широко улыбнулся.

Оля все-таки поднялась на ноги.

– Где Рина?

– Они в столовой сидят. Пойдем, провожу! – ухмыльнулся Вадик.

Оля молча прошествовала мимо, Филимонов поплелся за ней. Хлопнула дверь, задребезжав стеклом. Егор некоторое время стоял на месте, а затем сел рядом с Цветой на пол и неуверенно обнял ее за плечо. Цветолина никак на это не отреагировала.

– Цвета... – начал Егор, осторожно разглядывая профиль Константиновой. – Ты совсем не идешь на контакт.

– Вроде бы мы еще в прошлую нашу встречу обо всем договорились, – проговорила Цветолина.

Егор обнял девушку еще крепче, зарывшись лицом в ее волосы.

– Дай мне еще один шанс? – тихо попросил парень.

Цвета немного отодвинулась от Егора, затем повернулась к нему и внимательно посмотрела в глаза. Тогда Власов первым осторожно коснулся губами губ Цветы. Это был их первый поцелуй. Три раза они гуляли по городу, грелись в «Шоколаднице», но как только Егор провожал Цветолину до подъезда, девочка поспешно убегала домой. Теперь же Цвета была застигнута врасплох. Несмело ответила на поцелуй, отметив про себя, что не чувствует при этом абсолютно

ни-че-го. Бабочки в животе даже крылышком не дернули. Не проснулись они и после того, как поцелуй Егора стал настойчивее. «Как скучно! – подумала про себя Цвета. – Может, моих бабочек можно расшевелить?» Цветолина подалась вперед и, обхватив Егора руками за шею, принялась долго и пылко целовать. Но ничего не изменилось. Все тот же вкус мятной жвачки, чужой язык во рту и мерный стук девичьего сердца, точный, как часы: тук-тук-тук...

«А что, если поцелуи больше не будут доставлять мне удовольствия?» – ужаснулась про себя Цвета. В прошлый раз была такая слабость в ногах... И бабочки бились, как сумасшедшие, будто надеялись вырваться наружу. Цветолина первой оторвалась от поцелуя. Егор шумно выдохнул, взгляд его стал затуманенным.

– Прости, – проговорила Цветолина. – Нет, в тот раз я не ошиблась! Между нами ничего не может быть.

– Но почему? – хрипло спросил Егор.

Цвета вспомнила, как буквально полчаса назад Власов вместе с остальными парнями смеялся над Юлей Игошиной. Девушке стало стыдно. Только недавно она говорила Оле по поводу Синицыной, а сама целуется с Егором, который, как и Вадик Филимонов, лишний раз не упустит возможности посмеяться над слабым.

– Мы – разные, – вздохнула Цветолина.

И если бы все заключалось только в этом... Бабочки не могут обманывать. Цвета припомнила слова Яны Пучковой, с безразличием брошенные в коридоре: «Никитка – это так, синица в руках...» Константиновой не хотелось делать из Егора ручную синицу.

– Скоро звонок будет, – быстро проговорила Цветолина, поднимаясь на ноги. Взяла с пола рюкзак. Егор так и продолжил сидеть на полу с самым безразличным видом, но было заметно, что отказ Цветы его задел.

Власов поднял голову и нарочито невозмутимо улыбнулся:

– Ты хорошо целуешься, Цветолина!

– Спасибо, – слабо улыбнулась в ответ Цвета. – У меня был хороший учитель.

Опубликовано в 14:10

Про обиду

«Обида – сорняк. Она губит живое, только зародившееся... Зеленое, молодое, хрупкое, что гнется до самой земли на ветру. И вместо того чтобы дальше цвести нежными цветами, живое гибнет. И ты вместе с ним потихонечку.

А погубить светлое и только зародившееся совсем не сложно. Ты старательно, с замиранием сердца выводишь петельку за петелькой... А потом приходит обида и говорит: “Давай-ка распускай все на фиг! Ничего хорошего из этого все равно не выйдет...” Отбирает спицы, а одну из них может и под ребра воткнуть, чтоб в следующий раз nepовaдно было. Отбивает всякое желание в ближайшее время взяться за “петельки” снова...

Или вот ты ночью, схватившись обеими руками за телефонную трубку, хочешь признаться в самом сокровенном. В своих чувствах, шепотом... А обида подкрадывается в самый неподходящий момент, только ты успеваешь набрать больше воздуха в легкие, чтобы выдать как на духу, и тут же обрезает телефонный провод...»

(K): Ты сегодня рано в сети...

(S): Есть о чем подумать после школы.

(K): О возвышенных чувствах?:)

(S): Как наладить общение с человеком, к которому неравнодушен?

(K): Ты про моего соперника? Прости, но я не буду тебе в этом помогать:((

(S): Жалко! Думала, дашь совет...

(K): А меня тебе не жалко?) Ты прочитала сообщения, которые я оставил утром?

(S): Ты про те двадцать комплиментов?)

(K): Да! Готовься к ежедневной рассылке!

(S): Ты – чокнутый, Кицунэ!

(K): Я просто верю в родство душ:)

...

(K): И все, чего хочу – поцеловать тебя.

* * *

Оля гипнотизировала взглядом открытую вкладку с личными сообщениями. Женя молчал. Не ответил ни на одно из отправленных. И в сети не появлялся со вчерашнего утра. Если поначалу Оля решила, что парень серьезно на нее обиделся (хотя за что?), то теперь беспокоилась. Досконально изучила френдленту одноклассника в надежде найти кого-нибудь из родственников, например брата или сестру. Но никого с такой же фамилией в списке друзей Жени не было. В классе он тоже ни с кем не общался, ведь ему после сорванного выпускного объявлен бойкот. Оля тяжело вздохнула и захлопнула крышку ноутбука.

Поднялась из-за стола и подошла к окну. На улице снова мело, ветер устрашающе завывал. Оля уставилась на пустой сквер, белые, засыпанные снегом скамейки и голые старые липы с заиндевелыми ветками.

Когда загремел дверной замок, Оля внутренне поежилась. Она знала, что мама вернется домой

примерно в это время, и была готова к разговору, но сердце все равно беспокойно забилося.

Бряк. Мама бросила ключи на тумбочку. Затем Оля услышала, как родительница расстегивает зимние сапоги... Нортон в знак приветствия поскуливал. Наверняка сейчас мама чешет его за ухом, а пес, как сумасшедший, машет хвостом... Оля спрыгнула с подоконника и заметалась по комнате. Где лучше находиться, когда мама сюда заглянет? На кровати? За столом, делая вид, что занимается?

В ванной плескалась вода. Сейчас мама вымоет руки, пройдет на кухню, поставит чайник... А если так и не заглянет к Оле в комнату? Струсит, снова сделает вид, что ничего не произошло? Нет, тогда девочка сама выйдет к ней и поговорит начистоту. Хотя... страшно! Так страшно, что от волнения появилась неприятная дрожь в руках.

Когда Ксения Борисовна все-таки зашла к Оле в комнату, девочка от неожиданности вздрогнула.

– Поговорим? – негромко спросила мама.

– Да, конечно! – Теперь Оля сидела на краю кровати, с прямой осанкой, сложив руки на коленях.

Ксения Борисовна медленно подошла к дочери и села рядом.

– Тот мужчина, – начала неуверенно она, – мой старый знакомый...

– Я заметила, что он старый! – не удержалась от колкости Оля. – Сколько ему лет?

– Пятьдесят четыре, – ответила Ксения Борисовна, – он старше меня на четырнадцать лет.

«Я бы ему все семьдесят дала!» – сердито подумала Оля. Эта седина в волосах не давала ей покоя... Хотя, возможно, она относится к тому мужчине из ресторана слишком предвзято. Для Оли сейчас и тридцать лет – почтенный возраст.

– Он – моя первая любовь, – продолжила тихо Ксения Борисовна.

– Чего? – задохнулась Оля. – Мама, ты серьезно? А папа? Вы же с ним еще со школы...

Оле так нравилось пересматривать старые фотографии, на которых изображены родители... Они там такие забавные! У мамы хвосты на голове с двумя белыми бантами и букет гладиолусов в руках. И папа без передних молочных зубов рядом. Всегда рядом. С самого детства.

Ксения Борисовна покачала головой:

– Мы с твоим папой стали встречаться только после того, как я вернулась в родной город после университета... Он влюблен в меня со школы, но тогда мы были только друзьями.

– А этого... – Оля замолчала. Как седовласого назвать-то вообще? – Ты откуда взяла?

Ксения Борисовна слабо улыбнулась:

– Он был моим преподавателем. Доцент кафедры теории и истории государства и права. Мне было двадцать, ему – тридцать четыре. Он носил заграничные брючные костюмы, пользовался дорогим парфюмом, и все девчонки сходили по нему с ума.

Оля не знала, что сказать. Снова молча забралась на подоконник и уставилась на сквер.

– А он выбрал меня, представляешь? Хотя в нашей группе было столько эффектных, модных девчонок... Не чета мне.

– Глупости! Ты у меня всегда самая красивая, – убежденно проговорила Оля, так и не решив, как реагировать на услышанное.

– Если бы кто-то узнал, что мы встречаемся, у него были бы большие проблемы. А его жена...

– Мама! – ахнула Оля. – Как же так? Ты еще и с женатым?

Ксения Борисовна потупилась.

– Оля, мне так сложно об этом рассказывать, – призналась она. – Но я впервые в жизни так сильно любила. Ощущение, будто летишь только вперед, высоко к звездам, не оглядываясь, не останавливаясь ни на минуту... Но кто-то из девчонок из зависти все-таки проболтался в университете о нашей связи. Это произошло уже на последнем курсе, когда я писала диплом. Был страшный скандал! Он на моей защите не присутствовал, а вот вся комиссия закидывала меня вопросами, которые и не касались дипломной работы... Даже не знаю, как я смогла защититься на четверку. Забрала диплом и вся в слезах уехала в родной город, к маме. Он даже на звонки мои не отвечал. А я так и страдала, лежа на кровати и гипнотизируя стену, пока мама не попросила Юру по-дружески меня отвлечь... Юра тихо заходил в комнату и поправлял плед, пока я спала. Сидел у нас на кухне вечерами, травил веселые байки моей маме и молочный шоколад приносил.

– И что же дальше? – не выдержала Оля. Ей снова стало так жаль любимого папочку... – Зачем этот твой преподаватель снова нарисовался?

– Мы встретились с ним случайно, на улице, – сбивчиво продолжила Ксения Борисовна. – Оба изменились, но сразу друг друга узнали...

– Вчера ведь была не первая ваша встреча? – упавшим голосом спросила Оля.

Ксения Борисовна тяжело вздохнула:

– Третья!

Оля обхватила голову руками.

– Зачем, мамочка?

– У него своя юридическая фирма, может, предложит мне здесь работу.

– В ресторане я видела, как ты держала его руку! – проворчала Оля.

– Прости! – воскликнула мама каким-то незнакомым Оле голосом. Легла на широкую кровать и обняла одну

из мягких игрушек дочери. – Будто пелена перед глазами, сама себя не узнаю. И мы с папой в последнее время отдалились. Так бывает у взрослых, Ольга...

Оля, упершись горячим лбом в стекло, молча смотрела в окно, за которым быстро смеркалось. Снег уже побелил липы и провода.

– Твое появление в ресторане меня, если честно, будто отрезвило. Я подумала: «Боже, что я делаю?» Наверное, нужно это прекратить, пока далеко не зашло?

Этот вопрос она задала неуверенным голосом, будто в пустоту.

– Не знаю, – наконец хрипло отозвалась Оля. – Но папа тебя очень любит.

– Думаешь, он догадывается? – взволнованно спросила Ксения Борисовна.

Оля молча слезла с подоконника и легла рядом с мамой. Вдвоем они уставились в потолок, по которому время от времени проползал свет фар.

– Неужели ты ничего не видишь вокруг, мамочка? – тихо проговорила Оля, так и не решившись обнять ее. Хотя изначально был такой душевный порыв.

– Первая любовь накрыла такой сильной волной, – так же негромко проговорила Ксения Борисовна, – я захлебнулась и только из-за тебя вынырнула. Оля, но между мной и им ничего не было, клянусь! Ничего не было...

Свет фар снова лениво прополз по потолку, осветив старомодную люстру. Оля всегда знала, что папа любит маму сильнее, чем мама его. Бывает, что любят неравноценно. И как им теперь жить? Дальше отдаляться или попробовать вновь сблизиться? А если Оля станет тем самым тросом, который не даст родителям разбежаться? Как все сложно у этих взрослых! Хотя Оля тут же вспомнила пропавшего

Женю и нахмурилась. Сколько неприятных мыслей в голове. Каждая – как скрип по пенопласту...

Юрий Михайлович снова вернулся поздно. На кухне тускло горел светильник. Оля сидела перед ноутбуком и помешивала ложечкой горячий чай.

– Птенчик мой! – позвал папа.

Оля обернулась и растерянно улыбнулась.

– С Нортоном гуляла? – спросил Юрий Михайлович.

– Да, гуляла! – кивнула Оля.

– Уроки делаешь? Чем-нибудь помочь?

Оля только головой покачала и поспешно закрыла вкладку со страницей Жени Потупчика. Ох, этот ненавистный статус «заходил вчера в 7:24»...

– На улице так холодно, – шепотом проговорил Юрий Михайлович. – Кажется, сейчас чашка горячего чая – чуть ли не единственное, что может сделать тебя счастливым.

Оля откашлялась.

– А мама где?

– Мы болтали в моей комнате, и она уснула.

Отец кивнул и вышел из кухни. Оля поднесла ко рту чашку и, обжегшись, едва не уронила ее на стол. Говорит, это – единственное, что может сделать тебя счастливым? Нет уж, все-таки каждому – свое. Оля сердито отодвинула горячую чашку и, подперев подбородок рукой, снова с тоской вернулась к недавно закрытой вкладке...

Юрий Михайлович неслышно вошел в комнату. Желтый свет по-прежнему неровными полосами ложился на стены и потолок. Старый уличный фонарь за окном мерцал сквозь густо падающий снег. Ксения Борисовна лежала на кровати, отвернувшись к стене и поджав ноги. Юрий Михайлович взял с кресла плед и бережно накрыл им спящую жену. Точно так же, как делал это двадцать лет назад.

Глава девятая

С неба сыпал снег вперемишку с дождем. Леденящий ветер пробирался под короткую дубленку из овчины, а мокрые хлопья летели Оле в лицо. В ту минуту даже стало немного жаль, что уроки уже закончились. В школе сухо и тепло...

– Ну и погода! – проворчала Синицына. – Промозгло! Противно! На моей новой куртке такой классный меховой воротник. А из-за дождя на плечах будто драная мокрая кошка лежит.

Рина обеспокоенно закрутила головой.

– Ну-ка, Оля, посмотри, нет тут никого поблизости?

– Кого? – удивилась Оля, тоже глядя по сторонам.

– Власова?

– Нет!

– Филимонова?

– Не вижу!

– Ну, слава богу! – вздохнула Рина, на ходу расстегивая рюкзак. Достала из него большую шапку с помпоном и водрузила на голову. К тому времени волосы у нее уже успели намочить и теперь светлыми сосульками облепили лицо.

– Почему бы шапку в школе не надеть? – резонно спросила Оля, глядя на подругу. Большой бордовый помпон Рины сразу же побелел от снега.

– Ага, смеешься? Эта шапка у меня с восьмого класса, я новую нормальную с утра не нашла. Видела, рядом с нами Власов и Филимонов одевались?

– Ну и что?

– Вадик до сих пор на тебя поглядывает...

– Пусть поглядывает! – нахмурилась Оля. Внимание Вадика все-таки ее напрягло.

Рина только тяжело вздохнула. Поскользнулась и схватила Олю под локоть.

– Ненавижу такую погоду! Льет и сразу мерзнет. Кстати, о Власове...

Теперь настала очередь Оли тяжело вздыхать.

– В эту пятницу он к себе кое-кого из параллели зовет. Закрытая тусовка. Но мы – в числе приглашенных! – У Рины лихорадочно заблестели глаза.

– Какая честь!

– Я подозреваю, что это из-за Вадика. Он уломал Егорыча включить нас в список гостей. С тех пор как ты появилась в нашем классе, мой бабсовет стал пользоваться успехом. Спасибо тебе!

Рина широко улыбнулась. Снова поскользнулась, и шапка забавно съехала ей на глаза.

– Честное слово, не за что! – угрюмо отозвалась Оля.

– Ты ведь пойдешь с нами в пятницу? Пообещай!

– Не могу я такого обещать! – смутилась Оля. Ведь она точно не горела желанием быть в одной компании с Власовым и Филимоновым. Кстати, интересно, что между Егором и Цветолиной? Вчера они с Вадиком оставили сладкую парочку под лестницей. Не просто же так! Наверняка целовались. Вот если бы Константинова тоже пришла...

– Пообещай! Пообещай! – канючила Рина. – Нас только из-за тебя Вадик пригласил!

– Мне очень жаль, Рина! Я не могу. Прими мои соболезнования...

– Ты еще и смеешься? Господи, ты над нами издеваешься! Лисин ей не нужен, Филимонов тоже... Вот же вбила себе в голову этого выскочку Потупчика! Если бы ты ему так нравилась, он бы нашел какой-нибудь способ связаться с тобой из больницы! Ой...

Ноги Риной в модных демисезонных сапожках заскользили по блестящей замерзшей луже. Синицына

повалилась на асфальт, прихватив с собой Олю. Вдвоем они растянулись на льду.

– Больница? – ахнула Оля, при падении больно ударившись коленом. Но девочка не обратила внимания на боль. Так же, как и на мокрый снег. Он будто в один миг прекратился. – Какая еще больница?

– Я тебе ничего не говорила! – прохрипела Синицына. – Блин, Воробьева, слезай с меня! Какая ты тяжелая! Не налегай больше на пиццу в школьной столовой.

Но Оля и не думала слезать с одноклассницы. Грозно нависла над Риной:

– Что за больница, я спрашиваю?

– А ты пойдешь с нами в пятницу к Егору?

– Рина!

– Пообещай!

Оля, сурово сдвинув брови к переносице, молчала. Снег продолжал валить крупными мокрыми хлопьями.

– Я заболею и простужусь! – жалобно отозвалась Рина.

Оля высвободила Синицыну и протянула ей руку.

– Ладно, – вздохнула Рина, когда девочки поднялись на ноги. – Я утром подслушала разговор между нашей классной и мамкой Потупчика. Твой обожаемый недотепа под машину попал!

– Как? – закричала Оля. – Ты почему мне сразу не сказала?

– Когда сразу-то? – насупилась Рина. – Сама только после четвертого урока узнала! Да что ты так переживаешь? Там ничего серьезного! Сотрясение легкое да парочку ребер сломал. Вот прям беда! Мамашка его сама сказала, что скоро выпишут. Еще меня в дверях увидела, говорит, приходите в гости Женечку проводить!.. Бедняга, неужели так и не знает, что ее сыночку не простили? Кто к нему придет? С ним же никто не общается...

Синицына без устали молюла языком, а Оля стояла, как громом пораженная.

– Ты знаешь его адрес? – спросила она, перебив Рину.

– Зачем тебе? – насторожилась Синицына.

– А ты как думаешь? – рассердилась Оля. – Дашь адрес?

– Не дам! – внезапно гаркнула Рина. – Фигу тебе с маслом!

– Это еще почему?

– Нашла, что у меня просить! Адрес Потупчика! – снова повысила голос Рина. – Да сдался мне этот Женя. Понятия не имею, где он живет...

Оля, почувствовав на себе чужой взгляд, обернулась. Мимо девочек в этот момент проходила Цветолина. Константинова с интересом осмотрела одноклассниц и проследовала дальше. Шла быстрым шагом, но ступала осторожно, чтобы не поскользнуться. На припорошенном снегом асфальте четко отпечатались следы ее светлых тяжелых ботинок.

Рина и Оля молча проследили за Цветой, а затем вернулись к спору.

– Ты не пойдешь к нему! Не пойдешь! Не смей! – твердила Рина. – Ты не слышала, что я сказала? В пятницу нас пригласили к Егору. А из-за Потупчика не то что приглашение отменят, а вообще разговаривать перестанут!

– Отцепись ты! – сердито выдернула руку Оля. Развернулась и пошла вслед за Цветолиной.

Выйдя за школьные ворота, с удивлением обнаружила папину машину. Юрий Михайлович на всякий случай помигал дочери фарами. Оля растерянно подошла к машине и нырнула в теплый салон.

– Папа, ты почему не на работе? – первым делом задала вопрос девочка. – Что-то случилось?

– Ничего не случилось, – улыбнулся в ответ Юрий Михайлович, глядя на дочь. Но улыбка его вышла какой-то натянутой и печальной. – Сколько двоек получила сегодня, птенчик?

– Сегодня – нисколько, – вздохнула Оля, стягивая с головы мокрую от снега шапку. Опустила козырек и посмотрела в небольшое зеркальце. Лицо красное и мокрое, словно заплаканное...

– Я взял отгул, – сообщил отец. «Дворники» быстро и бесшумно работали, сметая с лобового стекла крупные снежинки.

– Ты взял отгул, чтобы забрать меня из школы? – спросила Оля. Ушибленное колено немного ныло. – Что ж, это хорошо. На улице такая мерзкая погода!..

– Мы утром поговорили с мамой, – неуверенно начал отец, и у Оли упало сердце. Даже колено уже не так болело. А вот в груди, наоборот, защемило.

– Вы разводитесь? – спросила Оля глухим голосом.

– Разводимся? Нет, нет! – покачал головой отец. – Не думаю. Хотя... Не знаю!

– Но ты ведь обо всем догадывался! – воскликнула Оля. – Почему сразу с ней не поговорил? Думаешь, это не могло бы зайти далеко?

Юрий Михайлович растерянно пожал плечами.

– Считаешь, мне нужно ее отпустить? – спросил он у дочери.

Оля молчала, а сердце продолжало тревожно колотиться.

– И зачем мы затеяли этот переезд? – вздохнул отец, обеими руками крепко сжимая руль.

– А мама что говорит? – нервно сглотнув, спросила Оля.

– Хочет, чтобы все осталось, как раньше... Быть с тобой и со мной. Говорит, эти обеды с ним – самая большая ошибка в ее жизни.

– Но наши совместные завтраки и ужины теперь станут такими неестественными, жалкими... – растерянно проговорила Оля. Разве сможет она быстро забыть все, что случилось?

– Меня отправляют на международный конгресс по когнитивной лингвистике. Уже командировочные выдали. У мамы будет время хорошенько подумать, как нам жить дальше. Если решит, что нам не по пути, так тому и быть. Прости, что привез тебя в этот город, Оля! Не думал, что так все обернется...

– Ну, а ты, папа? – не выдержала Оля. – Сам-то ты чего хочешь? И почему так долго делал вид, будто ничего не замечаешь?

– Я ведь люблю ее, птенчик, – проговорил отец. – Всю свою жизнь сильно-сильно люблю.

Оля вздохнула и уставилась в окно. Снег падал на лобовое стекло, темный капот и тут же таял. «Дворники» активно работали. В тусклом свете фар проезжающих мимо машин хороводили снежинки.

* * *

– Тема сегодняшнего урока: «Становление самодержавия Романовых»... Почему тряпку никто не намочил? Кто сегодня дежурный?

Рина, отвернувшись от Оли, смотрела на мокрый школьный двор. Вчерашний снег за ночь растаял. Теперь окна стегали крупные капли дождя. Такая тоска! Рина едва сдержала зевок.

После вчерашнего Оля и Рина не разговаривали друг с другом. Синицына перед первым уроком даже не поздоровалась с Воробьевой. Оля тоже решила не предпринимать шагов к примирению. Эти игры в «сваху» Воробьевой надоели. Поэтому уже второй урок она всячески игнорировала косые взгляды Рины.

Историка слушала вполуха, гипнотизируя взглядом экран смартфона. Посмотрела друзей онлайн... Лисин, чью заявку девочка приняла совсем недавно, был в сети. «Странно, зачем он вообще добавился?» – подумала Оля. Постучался и молчит. Только лайк на аватарку поставил. Первой писать ему Оля тоже не собиралась. Да и о чем им говорить?

Оля обновила страницу, и дыхание перехватило. Женя Потупчик был онлайн! С дрожью в коленях Оля быстро перешла во вкладку с сообщениями. Именно в эту минуту Женя читает ее послания! Сердце гулко стучало по ребрам. Оля, схватившись за виски, склонилась ниже к телефону, но парень пока не отвечал... Внезапно Рина толкнула локтем соседку по парте.

– Что? – сердито прошипела Оля, оторвавшись от экрана.

– «Што-што»! – передразнила Синицына. – Тетрадь открывай! Записывай: «Ликвидация последствий Смуты...»

Оля осмотрелась. Действительно, все одноклассники в тетрадях старательно вели конспект. Девочка вздохнула и последовала их примеру. Записывала за учителем лекцию, особо не вникая в тему, то и дело косясь на разблокированный телефон. Наконец экран загорелся от нового оповещения. Рина вытянула шею, чтобы посмотреть, кто написал подруге, но Оля быстро схватила телефон и спрятала его под парту. Синицына снова надулась.

Женя! Написал Женя! Сердце вальсировало...

«Знал, что ты беспокоишься, но даже не думал, что настолько! Прости! Прости! Прости! Все объясню при встрече!»

«Когда тебя выписывают?» – быстро напечатала в ответ Оля.

– Воробьева! – прогремел на весь класс историк. Оля от неожиданности едва телефон из рук не выронила...

– Я тебе говорила! – ядовито прошептала Рина.

Пришлось до конца урока убрать смартфон.

После звонка Рина демонстративно собирала сумку, не глядя на Олю.

– Янчик! – крикнула она Пучковой. – В столовую идем?

Яна Пучкова закивала. Оля же только усмехнулась. Рина стабильно обижалась на нее раз в неделю. Если поначалу Воробьева страшно расстраивалась из-за этого, то теперь привыкла. Тем более что рано или поздно Рина первой шла на примирение.

Оля дождалась, когда Синицына и свита в полном составе покинут класс, затем сама вышла в коридор и не спеша направилась в столовую. Женя пока не отвечал. «Может, ушел на какие-нибудь процедуры?» – подумала Оля. Когда она проходила мимо лестницы, кто-то схватил ее за запястье и потянул к себе.

– Ой! – от неожиданно пискнула Оля. Перед ней стояла Цветолина. Константинова смотрела на одноклассницу и загадочно улыбалась. Тогда Оля растерянно спросила: – Что случилось?

– Вот! – Цвета взяла Олину руку и вложила однокласснице в ладонь клочок бумаги.

– Что это? – все еще не понимала Оля, разворачивая маленький лист.

– Я вчера нечаянно подслушала ваш разговор с Синицыной... – Щеки Цветолины алели. – Здесь адрес Жени Потупчика.

– Да? – удивилась Оля. – Откуда он у тебя?

– Ты сильно удивишься, если скажу тебе, что взяла его у нашей классухи? – улыбнулась Цветолина.

– Блин, как я сама не догадалась? – растерянно улыбнулась в ответ Оля.

Вечером ее голова была занята не только попавшим в аварию Женей, но и родителями... Их семейный ужин был похож на какую-то пытку! Эти неловкие паузы в разговоре, неестественные улыбки... На завтрак Оля и вовсе схватила со стола бутерброд и, несмотря на мамины протесты, съела его на улице по дороге в школу.

– Спасибо! – выдохнула Оля.

– Ой, было бы за что! – махнула рукой Цветолина. – Ты мне дважды помогла! С Большовым и когда билет в театр отдала...

– Ай, да ерунда! – смутилась Оля. – Ты идешь обедать?

– Иду, – кивнула Цветолина.

Вдвоем они зашли в просторную столовую. Рина что-то активно обсуждала с девчонками, но, заметив Олю с Цветолиной, замолчала. Проводила их взглядом до столика и, гордо вскинув голову, продолжила беседу.

Девчонки бросили рюкзаки на стулья.

– Возьмешь мне чай и какой-нибудь десерт? – попросила Цветолина. – А я стол посторожу.

– Конечно! – кивнула Оля.

В другом конце столовой грохнул громкий мужской хохот. Оля с Цветой тут же повернулись на источник шума. Несколько десятиклассников во главе с Филимоновым окружили Юлю Игошину. Оля обеспокоенно завертела головой. Учителей поблизости не было. Цветолина, нахмурившись, молча наблюдала за одноклассниками.

– Может, все-таки вмешаемся? – жалобно проговорила Оля, поглядывая на суровую Цвету. – Заклюют ведь!

– Может, и вмешаемся, – на сей раз отозвалась Цветолина. – Чувствую, моя лекция на нее не подействовала! Но так просто это точно нельзя оставлять.

Цвета уже поднялась из-за стола, когда произошло что-то невероятное, заставившее всех присутствующих дружно ахнуть. Юля Игошина неожиданно ударила Вадика Филимонова пустым подносом. Со страшным звоном, прямо по лицу! После произошедшего в столовой повисла гробовая тишина. Только откуда-то сбоку донесся неуверенный нервный смешок одного из приятелей Филимонова.

– Ах ты... – грязно выругался Вадик, схватившись за лицо.

– Игогоша, беги! – выкрикнула Пучкова. И ее звонкий голос разнесся эхом по просторному помещению с высокими потолками...

Юля дернулась было в сторону, но затем все-таки осталась стоять на месте.

– Могу еще раз дать! – дрожащим голосом проговорила она.

– Да я тебе сам сейчас так дам! – замахнувшись на девочку, ответил Филимонов. Оля и Цветолина даже отсюда могли разглядеть, как пылает одна сторона его лица и еще почему-то уши.

– Ну-ну, перестань! – схватил друга за руку Егор. – Она тебя сегодня сделала, смирись!

Игошина устало опустила руки, которые крепко держали поднос. Казалось, еще немного – и она свалится от ужаса в обморок. Оля и Цвета обеспокоенно переглянулись. Но вдруг Юля резко развернулась и гордой походкой направилась к выходу. В столовой по-прежнему стояла тишина. Лишь из кухни доносились звон тарелок и приглушенные голоса поварих.

– Капец, она его опозорила! – негромко проговорила Оля.

– Да уж, неслабо! – присвистнула Цветолина. – Моя девочка! Не ожидала от нее такого.

Когда Юля вышла из столовой, со всех сторон грянули голоса и смех. Ребята принялись обсуждать

произошедшее. Вадик же поплелся за свой стол. Оля и Цвета не слышали, что он отвечал сквозь зубы своим улыбающимся друзьям, но было заметно, что настроение после случившегося у него изрядно подпортилось.

Оля взяла два чая и два шоколадных пирожных. Ели они с Цветолиной молча, звякая ложечками по блюдам.

– Как думаешь, Вадик теперь еще больше расвирепееет? – нарушила тишину Оля.

Цветолина пожала плечами.

– Понятия не имею! От таких гадов, как он, всего можно ожидать. Поэтому я и не жалею, что ни с кем в этом классе не общаюсь.

Оле так хотелось расспросить о Егоре Власове. Как же он? Что за двойные стандарты? Ведь сейчас он тоже стоял вместе с Филимоновым и снова насмеялся над Юлей! Но Цвета, судя по сплетням, которые Оля узнала от девочек, крутит с Власовым роман.

Девочка не выдержала:

– Разве ты ни с кем не общаешься из класса?

– Что ты имеешь в виду? – насторожилась Цветолина.

– Не что, а кого! Егора Власова. Чем вы занимались под лестницей?

– Не твое дело, Оля Воробьева! – вспыхнула Цвета.

– Ах, не мое? – рассердилась Оля. – Тогда это не твое дело, что я общаюсь с Синицыной и Пучковой! Чем твой Власов лучше?

– Общайся, с кем хочешь! – поморщилась Цветолина. – Мне-то что!

– А ты, как и Егор, выше остальных?

– Я такого не говорила! – нервно засмеялась Константинова.

Девочки одновременно отодвинули от себя пустые чайные чашки и поднялись из-за стола. Схватили со

спинки стульев рюкзаки и не спеша направились к выходу.

– Ну и просидишь, как сыч, все старшие классы! – сердито проговорила Оля. – Молодость так быстротечна, а ты всех и все в штыки воспринимаешь. Ходишь с черной дырой в душе. Дай своей молодости еще один шанс!

Цветолина задумчиво молчала.

– Будто одни звери вокруг... Не все будут поджидать тебя в туалете, чтобы схватить за волосы! Или насмехаться, как Филимонов. Вокруг столько отличных ребят, которые к тебе искренне тянутся!

Константинова растерянно взглянула на Воробьеву и слабо улыбнулась. В душе у Оли что-то екнуло. Неужели Цвета ее услышала?

В коридоре, недалеко от столовой, толпились одиннадцатиклассники. Оля без труда разглядела среди них высокого Глеба Лисина. Цветолина его, разумеется, тоже заметила и прибавила шаг. Воробьева едва за ней поспевала...

– Оля! – послышался низкий голос Глеба. И тут же все девчонки повернулись в сторону Воробьевой и Константиновой. Оля растерянно посмотрела на Лисина, который разглядывал ее поверх многочисленных голов. Цветолина тоже притормозила и оглянулась.

– Как жизнь, Оля? – выкрикнул Глеб, сделав шаг вперед.

– Нормально, – пробормотала растерянно Воробьева.

– Я рад, Оля! – улыбался Глеб. – Я про тебя не забыл...

Что он имеет в виду? Оля растерянно посмотрела в ту сторону, где стояла Константинова, но сейчас ее на месте не было. Воробьева ничего не ответила Лисину. Чертыхнувшись, направилась прочь под насмешливый внимательный взгляд Глеба и оживленный шепот любопытных старшеклассниц.

Глава десятая

Троллейбус медленно полз за снегоуборочной машиной. Оля, прижавшись лбом к холодному стеклу, смотрела на улицу. Украшенные витрины неспешно сменялись, словно кадры диафильма.

Женя провел в больнице неделю. В школу он еще не ходил, ему полагался постельный режим. Женя и Оля переписывались каждый день, но в беседе девочка ни разу не обмолвилась, что знает домашний адрес Потупчика, решив, что, когда парня выпишут, обязательно устроит ему сюрприз. Ведь Женина мама самаприглашала одноклассников навестить сына...

В одной из витрин Оля рассмотрела забавного Санту, который, зацепившись мешком с подарками, повис на огромной мигающей елке. Скоро можно будет украшать квартиру, хотя новогоднего настроения до сих пор не было, несмотря на нарядный белый город, магазины и, конечно, приближающиеся зимние каникулы. Оля вспоминала, как в прошлом году они всей семьей уезжали на праздники на базу отдыха. Там целыми днями катались на ватрушках, играли в снежки, пили горячий чай. На улице снег скрипел под ногами, а в уютном просторном доме потрескивал камин. С ними еще ездили Иванютины, лучшие друзья родителей, с дочерью Катей. Та Катя совсем не похожа на Рину. С той Катей у них с Олей столько общего! Обе обожают одинаковую музыку и дорамы... Обсуждают каждую новую серию. А теперь и поболтать об этом не с кем... За полтора месяца Оля с Катей обменялись парочкой сообщений, хотя клялись писать друг другу каждый день.

С Кати Олины мысли перескочили на родителей. Девочка вспомнила вчерашний воскресный ужин. Папа

до сих пор был в командировке, за столом Оля сидела с мамой. Непривычно... За эту неделю они практически не общались, а если и разговаривали, то никогда не касались неприятной темы. Оля рассказывала, как дела в школе. Даже про Юлю Игошину рассказала, на что мама долго охала. И все-таки Оля решилась задать волнующий вопрос. Спросила внезапно, когда они, усевшись за стол, разделили плитку молочного шоколада. На двоих.

– А когда ты поняла, что любишь папу?

Ксения Борисовна вздрогнула и посмотрела в глаза дочери.

– В какой день это произошло? Ты помнишь? – не унималась Оля.

Ксения Борисовна вздохнула и несмело улыбнулась.

– Мы были на катке. С музыкой и яркими фонарями. У меня постоянно шнурок развязывался... Юра, заметив это, повел меня к лавке. Завязывая, ворчал: «Говорил же, давай я. А ты: сама, сама! А если бы упала?..» Я в тот момент смотрела на его забавную, как мне тогда казалось, шапку. Она была вся в снегу. Смотрела на его темные нахмуренные брови и длинные ресницы. Вспомнила, как мы еще в школе вместе ходили на тот же каток, и Юра всегда следил, чтобы коньки у меня были заточенные, сама я об этом все время забывала. И вот тогда Юра, туго зашнуровав мне коньки, поднял глаза и заботливо спросил: «Как тебе, Ксюша, не туго?» А у меня в носу защипало от такой заботы, в глазах слезы задрожали. Я быстро замотала головой и сказала: «Все хорошо». Все и правда было просто отлично. Юра вздохнул: «И что бы ты без меня делала?» И мне в ту минуту показалось, что я пропала бы... Навсегда.

Оля слушала маму, затаив дыхание. Долька молочного шоколада таяла в пальцах, а чай давно остыл...

– В тот вечер мы впервые поцеловались. Под теми самыми яркими фонарями.

Оля вспоминала этот разговор, пригревшись в теплом троллейбусе. Он плелся медленно, плавно трогаясь на светофорах... В пути девочку совсем сморило. Оля едва не проехала свою остановку и выскочила на оживленный проспект в последний момент.

Дом Жени она нашла без труда. В отличие от их двора двор Жени Потупчика был просторный, светлый, с огромной детской площадкой, на которой в этот момент резвились малыши в ярких комбинезонах. Со всех сторон доносился веселый гомон. А в нарядной парадной с черно-белым полом «в шашечку» пахло хвоей. От этого запаха у Оли поднялось настроение. Не дожидаясь старого лифта, она вприпрыжку направилась на третий этаж.

Сразу нажала на кнопку дверного звонка. Не будет долго тянуть, так еще страшнее. Услышав ласковую трель, от волнения зажмурилась. А если Женя будет не рад ее видеть? Хотя они каждый день так душевно переписывались перед сном. Всякий раз Оля засыпала с улыбкой.

Дверь открыла невысокая женщина с рогаликом на голове. На плечи накинут теплый платок. Цвет волос – такой же медный, как и у Жени.

– Здравствуйте! – улыбнулась Оля.

– Здравствуйте! – явно удивилась женщина незваной гостье.

– А Женя дома? – Оля покраснела. – Я – его одноклассница. И у меня вот...

Воробьева потрясла перед женщиной пакетом.

– Ему ведь все можно? Там в основном фрукты, я не знала, что покупать, чтобы Жене понравилось... – Внезапно Оля запнулась и почувствовала, как под

внимательным взглядом этой женщины от смущения пылают уши.

– Проходите! – улыбнулась в ответ женщина, умилившись Олиному стеснению. – Как вас зовут?

– Оля!

– Очень приятно, Оля. А я – Анна Семеновна!

– Очень приятно, Анна Семеновна! – пробормотала Оля, разматывая шарф. – Ой, тут с сапог, наверное, натечет. Там столько снега опять...

– Это совсем не страшно! – Анна Семеновна не переставала счастливо улыбаться.

– Еще позавчера ничего не было, – тихо добавила Оля, имея в виду снег.

– Такой уж климат, – проговорила Анна Семеновна, принимая из рук Оли пакет с фруктами. – Метет и тает. Дай бог, чтобы на Новый год снег был.

В уютной квартире пахло выпечкой.

– Помою вам фрукты, – проговорила мама Жени. – Вы, Оля, как раз к обеду.

– Ой, что вы! – Оля покраснела, словно помидор. – Так неудобно! Я не голодна.

Оля лукавила. Она была бы не прочь отведать пирогов Анны Семеновны. Оля еле высидела до конца уроков и сразу же направилась к Жене, не заскочив домой на обед. А здесь от запаха слюнки потекли.

– Перестаньте! – запротестовала Анна Семеновна. – Вот тапочки! Надевайте. У нас холодно...

– Мам! – послышался голос Жени из комнаты.

У Оли сердце замерло...

– Да, Жень! Это к тебе! – крикнула в ответ Анна Семеновна, даже не пытаясь скрыть улыбку. Затем легонько подтолкнула Олю к закрытой двери. – Вот он удивится. Совсем соскучился по общению с ровесниками!

Девочка несмело заглянула в комнату. Женя лежал на разобранном диване, укрывшись пледом.

– Оля? – удивился парень.

Девочка прошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Привет! – улыбнулась она. – А я там фрукты принесла. Мандарины, бананы...

Женя смотрел на Олю немигающим взглядом.

– Где ты взяла адрес? – спросил парень.

– У классухи! – Оля испугалась. – Ты не рад меня видеть?

Женя выдохнул и широко улыбнулся:

– Конечно, рад! Просто, если честно, очень удивился. Такой сюрприз!

Оля мельком оглядела чистую уютную комнату одноклассника и, подойдя к дивану, села на край.

– Ты спал? – спросила она.

– А что мне еще делать? – снова улыбнулся Женя, продемонстрировав ямочки на щеках, которые так нравились Оле... – Мне после сотрясения желательно не напрягать глаза, поэтому мама вынесла из комнаты все гаджеты. Я, если что, вот... – Женя откинул край пледа и продемонстрировал припрятанные телефон и книгу. – Немного нарушаю. Чтобы тебе написать. Иначе с ума со скуки сойти можно...

– А аудиокниги? – спросила Оля.

– Не могу их воспринимать, – признался Женя. – Меня голова уже не беспокоит, но маму волновать не хочется.

Оля улыбнулась. Анна Семеновна очень ей понравилась. И это похвально, что Женя бережет мать. Во время прогулки по набережной парень рассказывал, что они живут вдвоем с мамой, без отца. Как сейчас сама Оля. Подумав об этом, девочка помрачнела.

– Что-то случилось? – спросил Женя, дотронувшись до руки одноклассницы.

– Ерунда! – тряхнула головой девочка. – Ты скажи, как тебя угораздило-то?

- Да умник один неопытный перепутал газ с тормозом, - поморщился Женя, - и в остановку въехал, где я стоял. Подкинул меня и протаранил...

- Какой кошмар! - воскликнула Оля.

- Да уж! - усмехнулся Женя. - Там на остановке было полно малышни из соседнего корпуса. Чудо, что только меня задел. Ну, это я такой везучий.

Женя грустно улыбнулся. Оля же припомнила недавний бронхит, сломанную в прошлом году ногу парня и, конечно, всеобщий бойкот... Точно, Женя - настоящий «счастливчик»! Оля тоже улыбнулась и крепче сжала руку парня.

- Глеб сам ко мне подсел, - быстро проговорила она. - И если ты там что-то подумал... Я общалась с ним в первый и последний раз. Даже не знаю, что ему от меня нужно было.

- Ш-ш! - засмеялся Женя. - Оля, Оля! Перестань! Я тебя ни в чем не виню! Я сам дурак! Вспыльчивый! Просто мы накануне так классно погуляли...

Оля вспомнила тот день, когда они впервые поцеловались, и смущенно опустила глаза.

- Лисин... умеет найти подход к девушкам, - вздохнул Женя.

- Он мне не нравится! - отрезала Оля.

- А у меня не самый удачный опыт общения с такими девчонками, как ты, - продолжил Женя.

- Как я? - насторожилась Оля.

- Ну да! - Женя смутился. - С популярными и красивыми...

Оля почувствовала, как к щекам прилил жар.

- Тебе нравилась Рина? - спросила девочка.

- Нравилась, - честно ответил Женя, не сводя с Оли взгляда. - Но ты мне нравишься намного больше.

Оля придвинулась ближе и склонилась над парнем. Заглянула в его зеленые глаза. Женя взял в свои ладони Олино лицо и, потянувшись к ней, поцеловал в

губы. Оля принялась пылко отвечать. Целовались до тех пор, пока в комнате не раздался громкий стук.

– Ребята, пирог будет готов через двадцать минут!

Оля резко отпрянула и оглянулась. Лицо пылало, губы горели, сердце счастливо и испуганно прыгало...

– Не волнуйся, она не зайдет! – снова притягивая Олю к себе и целуя ее в нос, проговорил Женя. В перерыве между краткими поцелуями выкрикнул: – Хорошо, мам!

Оля, перестав прислушиваться, прильнула к Жене, но вдруг парень поморщился:

– Ой!

– Что такое? – испугалась Оля.

Тогда Женя откинул край пледа и продемонстрировал странный корсет, надетый поверх футболки.

– Перелом со смещением, – проговорил он.

– Прости! – виновато проговорила Оля. Достала из-под пледа книгу. – А хочешь, я тебе прочитаю?

Женя негромко рассмеялся.

– Серьезно? Как мама сказки в детстве перед сном?

– Ну да! Могу каждый день после школы приходить и читать вслух. А еще с уроками помогать. Хочешь?

– Хочу, – кивнул Женя. – Очень хочу, Оля.

Девочка склонилась над Женой, поцеловала в щеку и осторожно положила голову ему на грудь. И снова уловила знакомый запах – поросшие травой дюны и море...

– Так много всего произошло! – тихо проговорила Оля, решившись поведать Жене о том, что случилось в ее семье. – Ты меня слушаешь?

– Конечно, – ответил Женя, запустив пальцы в Олины волосы.

Перед тем, как наконец рассказать обо всем, что грузом скопилось в душе, девочка подумала: в какую минуту щелкнуло у нее? Мама поняла, что влюбилась в

папу, спустя много лет, в тот момент, когда он зашнуровывал ей коньки... А Оля – в самый первый день знакомства с Женей, когда, как сейчас, прислонилась к его груди и услышала взволнованный стук его сердца.

* * *

– У красного платья спина слишком открытая! Как тебе лимонное? – Рина положила перед Олей смартфон. – Влево листай! Хотя, думаю, лимонное не подойдет. С моей кожей и светлыми волосами я в нем сольюсь со стеной. А зеленое тебе как?

– В зеленом ты сольешься с елкой! – проговорила Оля, задумчиво разглядывая платье.

– Да ну тебя! – Рина отобрала телефон и принялась снова листать наряды. – Черное с высоким горлом – тоже классное. В пайетках.

Оля вертела в руках карандаш и оглядывала класс.

– Зря ты в пятницу с нами к Егору не пошла. Было классно! – продолжила Рина, не поднимая головы от телефона. – Янка, кстати, бросила Никитку своего... Все-таки какой он тупой, жуть! Они месяц провстречались, он даже дату не запомнил...

– Они из-за этого расстались? – растерянно откликнулась Оля.

– Ой, это только верхушка айсберга! Я сразу Янке сказала, что Никитка – лошара. С таким стыдно на людях показаться. Вечно как ляпнет что-нибудь.

Рина закатила глаза, а Оля только укоризненно покачала головой.

– Блин, ну, лимонное просто шикарное! И сейчас этот цвет на пике. – Рина закусил нижнюю губу и принялась медленно наматывать на палец светлую прядь. – На него сейчас как раз скидка. Ты как думаешь, Оль?

Воробьева растерянно пожала плечами.

– Не знаю... Ты так собираешься на вечеринку к Лисину, будто это уже выпускной.

– Ну, а как иначе? – восторженно сказала Рина. – Ты только представь, сколько там классных взрослых ребят будет!

Синицына мечтательно вздохнула.

– К тому же из-за этих восьмиклассников, которые пожарную тревогу включили, отменили ежегодный зимний бал в школе. Нормальное наказание? Малолетки натворят дел, а солидным взрослым людям потусоваться не дают. Почему из-за чьей-то сорванной контрольной мы страдать должны? Поэтому вечеринка у Глеба – отличная замена балу!

– Но тебя ведь даже не пригласили! – напомнила Оля.

– Пригласят! – отозвалась Синицына. – Вчера после уроков Нику Богданович из десятого «Б» пригласили, с подружками, но она такая страшила... Хотя у них в классе и выбирать особо не из кого. Ее подруга – ну, чисто лошадь! Так что нас тем более позовут.

Оля все-таки не выдержала:

– Когда Женя выздоровеет и придет в школу, я сяду с ним!

– Че-о? – возмущенно протянула Рина. – Это еще почему? А мне с кем сидеть?

– С Пучковой, – отозвалась Оля.

– Я с ней посидела пару дней после Игната, нас быстро рассадили за болтовню.

«Неудивительно!» – с раздражением подумала Оля. Рина и ее постоянно отвлекала.

– Тогда обратно с Игнатом садись.

– Ну уж нетушки! – пробурчал с задней парты Игнат.

Рина вспыхнула и обернулась:

– Ты опять подслушиваешь, Игнатик?

– Я лучше за учительским столом буду сидеть на коленях у историка, чем с тобой, Синицына! – отозвался

парень.

Рина показала однокласснику язык и снова склонилась над телефоном:

– Лимонное или красное? Лимонное или красное?

– Ты опять у меня спрашиваешь? – спросила Оля.

– Вот еще, Воробьева! С тобой я больше в жизни разговаривать не буду. Предательница!

Опять двадцать пять!

После урока девчонки во главе с Синицыной снова не подождали Олю. Воробьева решила не идти в одиночестве в столовую. Усевшись на подоконник, прочитала параграф по биологии, который не успела выучить дома. Слово очнувшись, посмотрела на часы. Вот-вот должен был прозвенеть звонок. Тогда Оля спрыгнула с подоконника, наспех затолкала в сумку учебник и понеслась по коридору. За поворотом столкнулась с Цветолиной.

– Ой!

Огромный блокнот шлепнулся Оле под ноги, и по полу разлетелись разноцветные листочки...

– Ты не ушиблась? – спросила Оля, присаживаясь на корточки, чтобы собрать рассыпавшиеся листы.

– Нет! – быстро проговорила Цвета. – Не стоит, я сама все подниму.

– Я такая неуклюжая! – покачала головой Оля.

Тут же у закрытого кабинета иностранных языков стояли одиннадцатиклассники. Глеб Лисин был совсем рядом и наблюдал за Олей и Цветой. Воробьева макушкой чувствовала его внимательный взгляд. Когда девочки разобрались с упавшим блокнотом и поднялись на ноги, Глеб громко проговорил:

– Оля, привет! Ты придешь ко мне на вечеринку?

Воробьева растерянно заморгала.

– Я? К тебе?

– Ну да, – улыбнулся Глеб. – Ты будешь моей почетной гостьей!

Внезапно рассерженная Цвета развернулась к Глебу:

– Оля уже идет ко мне на вечеринку!

– Вот как! – удивился Лисин. Отошел от приятелей и направился в сторону десятиклассниц.

Оля почувствовала, как сразу же напряглась Цветолина.

– Это что же за вечеринка у тебя намечается, Константинова? – усмехнулся он, подойдя к Цвете вплотную. Цветолина попятилась к Оле.

– Не хуже, чем твоя! – с вызовом ответила Цвета.

– С чаем и конфетками? – усмехнулся Глеб.

– Отвали! – проговорил Цвета.

Оля решила, что одноклассница придумала эту вечеринку только что. В пику Лисину. Но Цвета внезапно достала из своего блокнота одну из ярких листовок, которые они с Олей минуту назад собирали по полу. Воробьева тогда даже не успела толком разглядеть, что на них написано. Цвета проговорила:

– Вот!

Глеб взял из рук девочки листовку.

– В то же время, что и твоя, – проговорила Цвета, глядя, как Глеб читает приглашение.

– Действительно, – хмыкнул парень, отдавая девочке листовку. – В то же время, что и моя намечалась...

– Намечалась? – удивилась Цвета.

Лисин ничего не ответил. Обернулся к друзьям и громко проговорил:

– Народ! Тусовка переносится на неделю! Соберемся прямо перед Новым годом. А пока – все к Цветолине!

Старшеклассники с удивлением смотрели в сторону Цветы и Оли. Глеб повернулся обратно к девчонкам и улыбнулся:

– Одна туса хорошо, а две лучше! Оля, ты подаришь мне танец?

Воробьева не успела ничего ответить...

– Куда приходиться-то? – выкрикнул кто-то из парней. – Цветолина, дай адрес!

Константинова сердито посмотрела на Лисина:

– А тебя, Глебушка, и не приглашали!

– Ну вот, – вздохнул Глеб. – А я так конфетки шоколадные люблю.

Цвета схватила Олю за руку и потянула за собой. Быстрым шагом девочки направились по коридору к нужному кабинету. Глеб, не растерявшись, последовал за ними. Шагал с Цветой в ногу, засунув руки в карманы брюк.

– Семицветик, а конкурсы будут? – спросил он.

– Какие еще конкурсы? – вскинулась Цветолина.

– Со сладкими призами...

– Лисин, конфетка, у тебя самого не слипнется? – буркнула Цвета, ускоряя шаг. Оля едва за ней поспевала.

– Ай-яй, ну как же ты меня не пригласила? – покачал головой Лисин. – Посидели бы по-семейному! Не игнорируй любимого братишку...

– Шут! – сердито проговорила Константинова. – Отцепись ты от нас, мы на биологию опаздываем!

Глеб резко остановился посреди коридора. Цветолина, на секунду замешкавшись, все-таки продолжила идти быстрым шагом, а Оля неуверенно оглянулась. Глеб выкрикнул:

– Оля! Не забудь! Я тебя жду! – Лисин приложил ладонь к груди, затем развернулся и направился обратно к своим одноклассникам.

– Не обращай на него внимания! – поморщилась Цвета. – Он со всеми девчонками так общается. Терпеть его не могу! Он меня просто...

В этот момент прозвенел звонок.

– Почему? – спросила Оля, когда трель замолкла.

– Что «почему»? – не поняла Цвета.

– Почему ты его терпеть не можешь?

– Мне кажется, ты слышала нашу беседу под лестницей, – угрюмо отозвалась Цветолина. Они уже дошли до кабинета биологии, но обе не решались войти.

– Ты его любишь? – задала новый вопрос Оля.

– Что? – Цвета нервно хихикнула. – С ума сошла? Кажется, я тебе пару секунд назад говорила...

– Любишь! Любишь!

– Что ты заладила? – покраснела Цветолина. – Ты, Оля Воробьева, сама тактичность, конечно!

– И вечеринку свою затеяла лишь назло Лисину, чтобы обратить на себя его внимание, – продолжила Оля, улыбаясь. – Ну признайся же?

– Вечеринку я задумала после твоих слов! – вспыхнула Цвета. – Сама ведь говорила, что я как сыч! А вокруг столько отличных ребят... Вот и узнаю своих одноклассников ближе!

Цветолина дрожащими пальцами достала из блокнота одну из листовок. Впервые Оля видела холодную и неприступную Константинову такой взволнованной. Не считая того разговора между ней и Глебом под лестницей...

– Придешь ко мне? – спросила Цвета, угрожая сдвинув темные красивые брови к переносице.

– Приду! – засмеялась Оля, выхватив из рук Цветолины яркий лист бумаги. – А то ты будто меня этим сейчас по щекам отхлещешь!

Цвета с облегчением рассмеялась в ответ:

– Нет, что ты... И Женю с собой зови!

– Правда? – просияла Оля.

– Ну да, а в чем проблема? – пожала плечами Цветолина. Кажется, будто о той неприятной ситуации с бойкотом она совсем забыла.

В конце коридора показалась Юля Игошина. Девочка неслась к кабинету биологии на всех парах.

– Ой-ей-ей! – жалобно проговорила она, подбежав к одноклассникам. Небрежным движением вытерла рукавом крошки с щеки. – В столовой такая очередь была! Боже, а что там? – Юля испуганно кивнула на закрытую дверь кабинета. – Не пускает опоздавших?

– Мы еще даже не пытались войти, – призналась Цветолина.

– Дуй первая! – проговорила Оля. – Тебя любят! Ты ж у нас этот... Научный работник-биолог!

– Скажешь тоже! – смутилась Юля. Но все-таки сделала шаг к двери и потянулась к ручке.

– Юля, придешь ко мне на вечеринку? – спросила Цвета.

Игошина застыла на месте с вытянутой рукой.

– Морская фигура, отомри! – засмеялась Оля.

– Ты приглашаешь меня в гости? – тихо спросила Юля Игошина шепотом. – Это розыгрыш?

– Почему розыгрыш-то? – улыбнулась Цвета. – Приходи!

– А кто еще будет? – несмело поинтересовалась Юля.

– Кто захочет, тот и придет! – беспечно пожала плечами Цветолина. – Не думаю, что будет много желающих.

– О да! – хмыкнула Оля.

– А что смешного? – не поняла Цветолина.

Юля Игошина в это время успела незаметно юркнуть в класс.

– Мне кажется, желающих, наоборот, будет слишком много! – сказала Воробьева. Девочка тут же вспомнила бесконечные разговоры на переменах на тему: «Что сегодня на обед взяла Константинова?» – Серьезно, Цветолина, ты даже не представляешь, какая власть в твоих руках.

– И что же мне с ней делать? – испугалась Цвета.

– Для начала поговори с Егором, – решила Оля. – По поводу Юли Игошиной. Пусть они с Вадиком перестанут ее цеплять. Власов, кроме тебя, ни к кому больше прислушиваться не будет.

Цветолина выглядела растерянной.

– А потом скажи: «Властью, данной мне, приказываю выпороть Филимонова!» – рассмеялась Оля. – Ведь уже достал!

Тут дверь кабинета открылась, и на пороге возник учитель биологии:

– А здесь что за собрание в честь столетия Комсомола? – спросил он. – Трещите и трещите под дверью, голубушки! Воробьева, вы готовы рассказать про фазы митоза?

– Что ж, попробую, – вздохнула Оля.

– Попробуйте, Воробьева! – согласился учитель.

Константинова, выдохнув с облегчением, первой вошла в класс. Хорошо, что ее не спросили. В последнее время Цвете совсем не до биологии...

Глава одиннадцатая

Удивительный день! Ясный, с синим небом и ярким солнцем. Щурясь, Оля опустила голову и провела пальцем по зеленому лепестку, смахнув с него пыль. Затем перевела взгляд на редкие снежинки, что блестели снаружи на жестяном подоконнике...

– Ненавижу дежурство! – проворчала за спиной Воробьевой Рина.

Оля обернулась и вздохнула:

– Ты за пятнадцать минут, что мы торчим в классе, перевернула один стул... И даже тряпку не намочила! Хотя я просила...

Рина сидела на парте и, глядя в экран смартфона, непринужденно болтала ногами.

– Что ты сказала? – растерянно подняла голову Сеницына.

Оля обреченно махнула рукой и вернулась к поливке цветов.

– Круто, что Цветолина зовет всех к себе? – спросила Рина.

– Ты идешь? – не оборачиваясь, спросила Оля.

– Шутишь? – воскликнула Сеницына. – Конечно же! Так интересно, какая у нее комната... Да и вообще! У Цветолины все всегда со вкусом.

Оля только усмехнулась.

– Только не говори, что ты с Потупчиком заявишься! – проговорила недовольным голосом Рина. – Тогда половина класса точно не придет! И Егор с Вадиком в первую очередь. А у меня планы были...

– На Егора? – поинтересовалась Оля.

– Ага! Раз уж с Цветой ему не светит!.. – Рина рассмеялась.

– Не беспокойся, Женя на эту вечеринку и сам не пойдет! – раздраженно проговорила Воробьева.

– Ну, хвала небесам!

Оля злилась. Внезапно охватившая ревность рвала на части. И еще Олю жутко раздражал тот факт, что Синицына и свита снова приняли ее в свою компанию лишь после того, как Цвета объявила всем о вечеринке. Все-таки Константинова из всех девчонок общалась лишь с Олей. А если Рина прознает, что и Глеб персонально пригласил Олю к себе? Что начнется! Сейчас, в эту самую минуту, поливая цветы в классе, Оля жалела, что села в свой первый учебный день с Синицыной. Лучше бы она сидела с Игнатом. И дежурила тоже с ним...

– Намочи ты уже тряпку! – не выдержала Оля. Резко развернулась и зло посмотрела на Синицыну.

Рина с удивлением подняла голову:

– Ты чего развопилась, Воробушек?

– Ничего! Я уже цветы полила, с подоконников пыль протерла, а ты как сидела, так и сидишь!

– Ладно! Иду! – буркнула Рина, спрыгивая с парты.

Вернувшись с мокрой тряпкой, Синицына начала лениво протирать доску, оставляя белые разводы. При этом одной рукой держала телефон и не отрывала от экрана взгляда.

– Ненавижу дежурство! – снова проговорила Рина. – Ладно, еще сейчас в первую смену учимся. А в прошлом году, когда во вторую... Вообще кошмар был! Особенно зимой!

Теперь настала Олина очередь сесть на парту и сверлить взглядом спину Риной. Воробьева некоторое время молчала, но все-таки не выдержала и начала:

– А вы с Женей...

Синицына тут же развернулась:

– Достала ты меня со своим Женей, Оленька! Ну что тебе еще надо? Сказала же: не в моем вкусе! Не

беспокойся!

– Просто он... – растерялась Оля.

– Что? – насторожилась Рина. – Что-то сказал про меня?

– Ага, – кивнула Оля.

– И ты ему поверила? – ахнула Синицына.

– Ну, в общем-то... – растерялась Воробьева.

– Он все врет! Потупчик врет, понимаешь? – выпалила Рина. – Хотя...

Ее рука с влажной тряпкой безжизненно опустилась.

– Не выдавай меня, пожалуйста! – тихо проговорила Рина.

– Не выдавать? – переспросила Оля.

– Почему он тебе все рассказал? Ведь обещал молчать!

Рина бросила тряпку и, усевшись за учительский стол, осторожно взглянула на Олю. Потом издала нервный смешок.

– Хотя, кто я тебе такая, чтобы ты меня не выдавала? Это – конец! Конец всему!

Оля с задумчивым видом уставилась на подоконник. Смотрела, как пылинки пляшут в солнечных лучах...

– Что ты делала в тот вечер в школе? – наконец спросила Оля.

– Об этом он тебе не сказал? Ах да... Вы же вроде как встречаетесь! – Синицына горько усмехнулась. – Я хотела сделать ему сюрприз. Помочь с дежурством. Между нами... – Рина запнулась. – Между нами вроде как что-то тогда намечалось...

– Что намечалось? – сердито спросила Оля.

– Я хотела провести с ним время, расположить Женю к себе. Возможно, даже поцеловать! – пояснила Синицына.

– Но ты же сама говорила, что Женя не в твоём вкусе? – не понимала Оля.

– Да, но он лучший друг Егора! Был...

– Тебе нужно лечиться! – сердито проговорила Оля, скрестив руки на груди. – Ты хотела использовать Женю, чтобы подобраться к Власову?

– Мне не нравится слово «использовала»! – скривилась Рина.

– А как это назвать иначе? – воскликнула Оля, подумав, что сейчас Сеницына точно так же использует ее, чтобы попасть на вечеринку Цветовины.

– Ой, Оля, только давай без нравовчений! – поморщилась Рина. – Если бы у нас с Потупчиком что и получилось, так он бы точно был в выигрыше! Ведь ему бы посчастливилось встречаться с такой девушкой, как я.

– Но ведь, добравшись до Егора, ты бы Женю бросила!

Сеницына только нервно дернула плечом и тоже уставилась в окно.

– Что же ты заложила своего обожаемого Власова? – снова спросила Оля.

Рина подавленно молчала.

– Если все опишешь в подробностях, я, может, и пойму твои мотивы... – проговорила Воробьева.

Тогда Рина тяжело вздохнула и несмело начала рассказывать:

– Никто не знал, что я осталась в тот вечер в школе. Да я и сама не планировала. Просто Потупчик бегал от меня, как от огня! Такой стесняшка... Он так себя и с тобой ведет?

– Какая тебе разница? – поморщилась Оля, пытаясь скрыть ревность.

– В общем, я подумала, что обстановки лучше и интимнее не придумаешь. После того как школа опустела, подкарауливала Женю в коридоре. Он удивился, когда меня увидел. Мы мило болтали, сидя на подоконнике, я флиртовала с ним... А потом вдруг услышали какой-то шум. Я жутко перепугалась, а Женя

велел мне оставаться на месте, мол, посмотрит, что там... Не знаю, почему мне было так страшно, ведь на первом этаже охранник дежурил. Наверное, просто дурное предчувствие. Знаешь, вечером в пустой школе жутковато...

Рина замолчала, задумчиво рассматривая горшок с геранью.

- Дальше-то что? - в нетерпении поторопила одноклассницу Оля.

- Что? Что? Дальше Потупчик вернулся и сообщил, что встретил в рекреационной Вадика и Егора. Он даже не догадывался, что те задумали... Они не посвящали Женю в свои дела. Вообще Филимонов перевелся к нам из «В»-класса и сразу, как банный лист, приклеился к Власову! До дружбы с Вадиком Егор ни в чем подобном не был замечен. А Потупчик Филимонову явно не нравился. Так они и перетягивали Егора, как канат на физкультуре... А еще говорят, что девочки втроем дружить не умеют!

- Они взломали кабинет, когда вы с Женей были в школе?

- Ну да! На улицу вылезли через окно. А сочинения на пустом футбольном поле сожгли. Мы с Потупчиком только в окно разглядели, как запылало. Охранник, само собой, шум поднял, директрисе позвонил. Меня и Женю до ее приезда из школы не выпускал... Директриса приехала и сразу нас в свой кабинет за шкирку. Женя сказал, что не видел, кто это сделал...

- Ну, а ты? - не выдержала Оля.

- Я тоже долго молчала! - Голос Рины дрогнул. - Тогда директриса начала говорить, что мы в сговоре или это вообще наша инициатива, просто мы удрать за сообщниками не успели... Стала пугать, чем нам грозит эта выходка, а у меня и так отношения с родителями не очень. Я их боюсь! - Синицына шмыгнула носом. - В общем, она меня до слез довела! Ну я и выдала этого

идиота Филимонова. Явно его бредовая идея... А где Филимонов, там и Власов! Я так ревела, когда мы вышли из кабинета, мамочки! Никогда себя так отвратительно не чувствовала! Утром в школе Вадика и Егора уже чуть ли не на крыльце ждали. Из РОНО целая делегация прибыла... А директриса – дура! Выразила благодарность сознательным дежурным! Обошлась без имен, но все знали, что Потупчик в тот вечер дежурил в школе...

– А когда Женя пообещал тебе молчать? – спросила Оля.

– Как только мы с допроса этого дурацкого вышли. Потупчик явно растерялся от моей истерики. Сказал: «Ладно, не переживай! Обойдется!» Какое ж обойдется? Кто знал, что директриса нас выдаст? Там были сожжены сочинения всей параллели, камер у кабинета русского нет. Вычислить, кто это сделал, было сложно! А тут ей поджигателей на блюдечке предоставили...

– И Егор поверил, что это сделал Женя?

– А что оставалось? – пожала плечами Синицына. – Можно было подумать, что это охранник ребят заложил, но он нас даже по именам не знает... После случившегося Филимонов, который вместо сочинения вообще бланк пустой сдал, при всех выдал обличительную речь: мол, какой у нас стукач в классе завелся. Егор тогда смолчал. И я молчала. Струсил! Мамочки, самая ужасная весна в моей жизни!

Рина снова тяжело вздохнула.

– Ты не просто молчала, – начала сердито Оля, – ты вместе с остальными гнобила Женю! Даже при мне, при новенькой! Выражала ему симпатию, а потом так подставила и отвернулась! Ужас!

– Кто же знал, что все это такие масштабы примет? – воскликнула Рина. – Я думала, история быстро забудется. А потом нас лишили выпускного, родители

Егора без него из страны укатали. И про Женю всякие гадости начали говорить. Но он оставался таким невозмутимым... А я всякий раз эти гадости и бойкот на себя примеряла. Для меня это – катастрофа! Школа, подруги, уважение – это все, что у меня есть в жизни, понимаешь, Оля?

Оля только головой качала.

– Ты должна обо всем рассказать Егору! – твердо проговорила Воробьева. – Пусть не всему классу, но Власову – обязательно! Там уж он сам решит, как поступить дальше.

– Ты что! – закричала Рина. – Нетушки, я не могу! Он же меня возненавидит!

– А если не расскажешь, тебя возненавижу я! – пригрозила Оля однокласснице, спрыгивая с парты. – Дежурить мне с тобой больше не хочется...

Рина сидела, поджав губы. На Олю старалась не смотреть. А когда Воробьева была уже у двери, громко проговорила:

– Ну и нужен ли Потупчику такой друг, который ему не поверил? Я слышала, как поначалу Женя убеждал Егора, что это не он стукач... Только там Филимонов подливал масло в огонь. Он Потупчика ненавидит! Все твердил: «Ты веришь? Веришь этому стукачу?» Но на вопрос, кто это сделал, Женя ответил, что не может выдать человека... Даже удивительно, что он все-таки тебе рассказал! Не зря я опасалась, когда поняла, что ты с ним...

– А я сегодня впервые услышала эту занимательную историю! – проговорила Оля, держась за дверную ручку.

– Как? – удивилась Рина. – Ты же сама призналась, что Женя тебе про меня что-то сказал...

– Сказал, – кивнула Воробьева. – Что ты ему нравилась. Пока, Рина. Надеюсь, с Егором ты поговоришь в ближайшее время.

Оля вышла из класса, тихо прикрыв за собой дверь. Рина растерянно взглянула в окно. Солнце, словно насмехаясь, тут же спряталось за облако. Синицына снова тяжело вздохнула. Положила голову на руки и прикрыла глаза, стараясь сдержать подступившие слезы.

* * *

Веселые голоса старались перекричать музыку. Цвета озадаченно осматривала комнату, заполненную одноклассниками.

– О, у вас уже елка? – громко, в самое ухо, проговорила Оля.

– Да!

– Такая пушистая! Она искусственная?

– Живая! Это датская пихта...

– А игрушки! Загляденье! Ах, какие шарики! Какие белочки!

– Еще бабушкины, – быстро проговорила Цветолина. В полумраке комнаты, в свете мигающих гирлянд Константинова видела, как у елки под музыку скачут одноклассницы. Еще немного, и они перевернут новогоднее дерево... – Ой! Осторожнее!

– А мы сосну обычно ставим, – продолжила Оля. – Такой запах обалденный!..

– Не мало пиццы заказала? – волновалась Цвета.

– Перестань! – поморщилась Оля. – Все отлично!

– Я впервые пригласила домой кого-то из класса...

– Не переживай! – подтолкнула Цветолину плечом Оля.

– Напитков мало! – снова ахнула Цвета. – Я сейчас!

Константинова бросилась на кухню. А к Оле в этот момент подошла Яна Пучкова.

– Как тебе у Цветы? – спросила она, потягивая коктейль через соломинку.

– Очень миленько, – сдержанно ответила Оля. – А тебе?

Яна растерянно пожала плечами.

– Сама не пойму, Воробушек. Квартирка у нее что надо, конечно. Жаль, Рина заболела. Так хотела сюда попасть!

Оля только усмехнулась. Да уж, жаль! После их совместного дежурства Синицына якобы слегла с температурой и в школе больше не показывалась. Оля так и не знала, на самом ли деле заболела Рина или просто избегает встречи. Но узнавать это почему-то не хотелось.

– Но вот контингент... – поморщившись, продолжила Яна.

– А что контингент? – искренне удивилась Оля.

– Да тут же все наши! Ни одного захудалого одиннадцатиклассника... Пофлиртовать не с кем! Я уж думала, Цвета кого-нибудь из друзей вне школы позовет. Неужели у нее нет знакомых парней? Так не бывает!

Оля молчала, задумчиво помешивая трубочкой свой коктейль.

– Ну или для чего звать Игогошу? – хмыкнула Яна. – Даже не думала, что она решится прийти.

Оля посмотрела в ту сторону, где сидела Юля Игошина. Нарядная, с укладкой... Такая взволнованная, хорошенькая! Вот это преображение! Ее сначала и не признали... «Янка просто завидует!» – решила про себя Воробьева. А вслух произнесла:

– Зато ваших обожаемых Филимонова и Власова позвали!

Парни сидели на диване и о чем-то негромко переговаривались.

- Мне от них ни жарко ни холодно, - призналась Пучкова. - Это Ринка все по Власову тащится. Поэтому я в его сторону и не смотрю. А Филимонов мне даром не нужен. Такой слизняк!

- Интересненькое кино! - возмущенно воскликнула Оля. - Не ты ли наравне с Риной сватала мне Вадика?

- Так это ж для Ринки! - виновато проговорила Яна. - Чтоб в компанию к ним попасть...

- Да ну вас! - рассердилась Оля. Отошла от Яны и, гордо прошествовав мимо Власова и Филимонова, направилась к Игошиной.

Странно, конечно. За весь вечер Вадик не отпустил ни одной шуточки в сторону Юли. Может, Цветолина все-таки прислушалась к Олиному совету и поговорила с Егором? Теперь парни игнорировали Юлю...

- Ну, как тебе здесь? - спросила Оля у одноклассницы.

Игошина растерянно посмотрела на Олю. В ее карих глазах отражались разноцветные огоньки новогодней гирлянды.

- Не знаю! Немного неуютно, - призналась Юля. - Никогда не бывала на подобных мероприятиях.

- Если тебе станет легче, Цветолина никогда подобных мероприятий и не устраивала.

- Врешь! - ахнула Игошина.

- Честное слово! - засмеялась Оля. - Для вас обеих эта вечеринка - новшество. - Она присела рядом на подлокотник кресла. - А вот в нашей прошлой школе мы классом собирались каждые две недели. Традиция такая. Чаще всего у одного мальчика, его родители - археологи, постоянно в разъездах... А сколько у него классных старых черепушек!

- Ты скучаешь по прежней школе? - спросила Юля.

- Скучаю! - честно сказала Оля. - По классу... Он очень дружный!

- По этому бы классу я не скучала, - скривилась Игошина. - Жду не дождусь, когда со всеми распрощаюсь.

Оля, тяжело вздохнув, подумала: «Как, наверное, мучительно совсем не иметь в классе друзей... Помимо контрольных и домашних заданий еще и ощущать одиночество! Даже на перемене поболтать не с кем!»

Воробьева склонилась к уху Игошиной и попросила:

- Юля, а Расскажи о себе. Какую музыку ты любишь?..

Цветолина в это время судорожно металась по кухне. Всем ли хватит напитков? А еды? Похвалят ли эту вечеринку? Впервые за долгие годы ее вдруг снова царапнуло давно позабытое чувство - что подумают остальные? С одной стороны, очень страшно, что кому-то что-то не понравится, а с другой - приятно, когда, глядя в глаза, тебе с искренностью говорят: «Все круто! Цвета, спасибо, что позвала!» Цветолина уже позабыла, каково это - общаться с ребятами напрямую, а не слышать за спиной перешептывания.

Девочка несла коробку с пиццей в зал, когда раздался звонок. Если б Цвета не проходила мимо, то вряд ли бы вообще его расслышала из-за громкой музыки.

«Ну все, конец! Соседи вызвали полицию!» - подумала в панике Цветолина. Она предупреждала маму, что к ней придут гости, но при этом «забыла» уточнить, что в квартире соберется целый класс. Мама была так рада, что дочь наконец начала с кем-то дружить в новой школе, что уехала на всю ночь к Цветиной бабушке.

Цветолина заглянула в глазок. Темно. Кто-то прикрыл его рукой.

«Что это еще за шутки?» - сердито подумала Цвета. Может, Филимонов успел зачем-то выйти в подъезд и вернуться? В его репертуаре так прикалываться.

Цветолина оглянулась. Музыка играла так же громко, из комнаты доносились оживленные голоса одноклассников.

Цвета осторожно приоткрыла дверь. В тусклом свете лампочки не сразу разглядела Глеба Лисина. Парень стоял, прислонившись плечом к стене.

– Чего тебе? – грубо спросила Цвета, пытаясь унять бешеный стук сердца. Ноги стали ватными.

– Привет! – хрипло проговорил Глеб. Откашлялся. – Сестренка!

– Тебя никто не звал, если ты не понял с первого раза! – проговорила Цветолина, собираясь закрыть дверь перед его носом.

– Стой! – Глеб успел поставить ботинок.

– Здесь скучно! – язвительно проговорила Цвета. – С детскими конкурсами, чаем...

– А торт уже разрезали? – спросил Глеб.

– Ой, Лисин! Уходи! – поморщилась Цвета, снова потянув на себя тяжелую дверь.

– А Оля здесь?

И этот внезапный вопрос прозвучал для Цветы так громко... словно в горах, эхом пронесся по просторной пустой лестничной клетке и больно кольнул в сердце. Девочка обула тапочки и вышла в подъезд. Сделала широкий шаг навстречу Глебу, будто решилась прыгнуть в пропасть. Теперь она стояла к Лисину так близко... Его куртка приятно пахла морозом.

– Зачем тебе Оля? – спросила Цвета, подняв глаза на Глеба.

– Жить без нее не могу, – проговорил парень, не сводя взгляд с Цветолины.

– Отстань от нее! – проговорила Константинова. – Ты зря теряешь время. У Оли, между прочим, парень есть. Если ты не знал...

Глеб только покачал головой.

– Мое сердце разбито!

– Не валяй дурака! – отозвалась Цветолина. – Не лезь в чужие отношения!

– Ты же зачем-то лезешь... – усмехнулся Глеб. – А мне, значит, нельзя?

Цвета скрестила руки на груди:

– Да не было там никаких отношений! Вы тогда только познакомились. Я у папы спрашивала...

– Как мило! – негромко рассмеялся Глеб. – Ты решила справиться у отца о моей личной жизни?

– Отстань от Оли! – упрямо повторила Цветолина. – Она любит другого!

– В таком случае, может, ты составишь мне сегодня компанию?

– Еще чего! – фыркнула Цвета.

Тогда Лисин тяжело вздохнул и развернулся. Спустился на полпролета и остановился. Цветолина какое-то время продолжала топтаться на месте, прислушиваясь к звукам из-за двери. Громкий смех, басы...

– Ты еще не ушел? – хрипло спросила Цвета.

– Не дождешься! – отозвался Глеб.

Тогда Цветолина подошла к перилам и, облокотившись, уставилась на парня, который сидел на подоконнике. Непринужденно болтая длинными ногами, Глеб смотрел на Цвету снизу вверх и улыбался.

– Долго будешь там стоять? – не выдержал Лисин.

Цветолина не ответила. Продолжала молча разглядывать парня.

– Чего ты добиваешься? – наконец спросила она.

Глеб, улыбаясь, пожал плечами.

– Чтобы ты спустилась ко мне! – произнес он.

– И не подумаю!

– Иначе буду кричать, – предупредил Глеб.

– Кричи! – равнодушно отозвалась Цвета.

Глеб громко откашлялся. На площадке была отличная акустика...

– Цвета! – выкрикнул он.

– Ш-ш! Ты серьезно?

– Цве-то-ли...

Цветолина быстро спустилась к Лисину.

– Замолчи! – шикнула она. – Я и так боюсь, что маме соседи нажалуются!

– А для чего же ты все это устроила? – поинтересовался Лисин, вглядываясь в лицо Константиновой. Он по-прежнему сидел на высоком подоконнике, а она стояла рядом. На промерзлом стекле образовались ледяные узоры, сквозь которые пробивался желтый свет уличного фонаря. За окном уже давно стемнело.

– Не знаю! – честно сказала Цвета. – Мне просто вдруг захотелось что-то изменить. Я ведь с этими ребятами за полтора года ни разу не общалась толком. Понятия не имею, какие они. Что думают, как живут, чем дышат... А вдруг среди них есть тот самый близкий по духу человек, которого мне не хватает?..

Цветолина говорила быстро, не отводя от Глеба взгляда. Внезапно Лисин протянул руки к девушке и осторожно убрал волосы с ее лица за уши.

– Что ты делаешь? – тут же смутилась Цвета.

Глеб, не ответив, отвернулся к окну. Цветолина осторожно разглядывала его красивый профиль и взъерошенные русые волосы. Лисин же, не глядя больше на Цвету, вывел на промерзшем стекле «You». Цветолина с трудом отвела от парня взгляд и рассердилась на саму себя. Зачем он пришел? Чего добивается? Цвета подошла ближе и начала сверху над словом Глеба выводить: «Fus...» Лисин рассмеялся и накрыл ругательство ладонью. Морозный рисунок на стекле тут же начал таять... Цветолина подняла голову и растерянно посмотрела на Глеба.

– Зачем ты это делаешь? – тихо спросил он.

– Что именно? – не поняла Цвета.

– Дразнишь, притягиваешь, отталкиваешь...

– Даже не думала! – проговорила Цветолина, снова не в силах отвести взгляд.

Глеб убрал руку от оконного стекла и ледяной ладонью коснулся Цветиной горячей щеки, резко наклонился и впился поцелуем в губы девушки. И тогда долгожданные бабочки Цветолины вспорхнули и сладко задрожали в животе.

– Как я по этому скучал, – проговорил Глеб, оторвавшись от поцелуя.

Теперь Цвета сама потянулась к губам Лисина, запустила пальцы в его густые волосы. Глеб легко подхватил Цветолину и усадил к себе на колени. Целовались долго, пока этажом ниже не хлопнула дверь. Цвета вздрогнула и отпрянула от Глеба. Спрыгнула на пол и поспешила к лестнице. Бежала по ступеням, словно Золушка, потеряв по пути тапок. Вернулась за ним... Снова бросилась вверх по лестнице. Только оказавшись у двери своей квартиры, когда Глеб был вне поля зрения, перевела дух. Пытаясь восстановить сбившееся дыхание, выкрикнула:

– Что я скажу папе?

– Что ты без ума от меня? – предположил Глеб.

– Лисин, ты такой придурок! – сердито проговорила Цветолина.

Голос и музыка на пару секунд сделались громче. Хлопнула дверь. И снова стало тихо.

Глава двенадцатая

- Карандаш для губ?
- Держи!
- Спасибо! Гигиеническая помада?
- Вот!

Оля, зашнуровывая ботинки, усмехнулась. Женская раздевалка после урока физкультуры напоминала хирургический кабинет. Девчонки, словно медсестры, с важным видом передавали друг другу косметику.

- Уже послезавтра к Глебу! - довольно проговорила Яна Пучкова, подкрасив помадой губы. - Девчонки, как думаете, много симпатичных мальчиков будет?

- Одиннадцатиклассники почти все симпатичные! - пропыхтела одна из ее подруг, натягивая водолазку. - Не то что наша параллель... Один Власов!

- Ринка, ты выбрала в итоге платье: лимонное или красное? - спросила у Синицыной Яна.

- Я пока не решила, пойду ли к Лисину, - подала голос Рина. - Что-то планов много.

- Это какие еще планы? - возмутилась Пучкова. - Больше всех хотела туда пойти!

Рина только неуверенно пожала плечами.

- Вечеринка должна быть классной, - продолжила Яна. - С нормальными ребятами... Глеб знает, кого звать! Без всяких Игогошиных и Потупчиков...

Оля с интересом взглянула на Рину. Та опустила глаза и закашлялась.

- Ну, ты чего? - снова обернулась Яна. - Бледная еще такая... Ты, Ринка, явно недолечилась. Уже в школу поперлась! Давай-ка отлежись эти пару денечков и на вечеринку с нами дуй. В самом крутом платье! Лимонное все-таки бери. Всем нашим бабьем - ух, зажжем! Девочки, тушь кто-нибудь дайте.

Рина, потупившись, молчала. Оля только покачала головой и, закинув за спину рюкзак, вышла из раздевалки. Похоже, Синицына так и не поговорила с Егором. А собирается ли она делать это вообще?

В коридоре Оля заметила Глеба Лисина. Парень стоял у гардероба, одетый в куртку. С серьезным видом читал что-то в телефоне. Оля неуверенно потопталась на месте, затем двинулась в сторону Лисина.

– Привет! – негромко проговорила девочка.

Глеб поднял голову и, увидев перед собой Олю, растерянно улыбнулся.

– Привет, Оля!

– Я по поводу твоей вечеринки... – несмело начала Воробьева.

– А что с ней? – удивился Лисин. – Все в силе. Ты по-прежнему – мой почетный гость. Приходи, будет весело!

– В этом я даже не сомневаюсь, – пробормотала Оля, – по поводу веселья... Могу ли я прийти к тебе с парнем?

– С каким парнем? – удивился Глеб, убирая телефон в карман.

– Со своим парнем! – покраснев, ответила Оля. – Женя Потупчик! Из моего класса...

Лисин продолжал молча смотреть на Олю, поэтому девочка совсем разволновалась. Сбивчиво начала объяснять:

– Понимаешь, это вопрос жизни и смерти.

– Ого! – присвистнул Глеб.

– Ну, это так говорят... Но дело правда важное. С Женей по ряду причин не общаются в нашем классе, и эта вечеринка немного спасла бы положение. Если бы ребята увидели, что все эти бойкоты – такой бред...

– Но так и есть, – рассмеялся Глеб. – Это действительно бред. Что у вас там в классе происходит?

– Скандалы, интриги, расследования! – вздохнула Оля, а затем, встретившись с Глебом взглядом, тоже

хихикнула. – Знаю, что все ужасно глупо. Но только это и сработает! Они... – Оля кивнула в сторону спортзала, из которого выходили ее одноклассники. – Они так зависимы от мнения популярных ребят. Просто кошмар!

– Хорошо, Оля, я не против, приходите вместе, – сказал Глеб. – Уж мне точно плевать на разборки десятиклассников.

Воробьева улыбнулась:

– Спасибо, Глеб!

Нащупала в кармане номерок и, кивнув Лисину на прощание, направилась к гардеробу.

– Оля? – позвал ее Глеб.

Девочка тут же обернулась.

– Парень-то хороший?

Воробьева удивленно уставилась на Лисина.

– Хороший! – чуть помедлив, ответила она.

– И нравится тебе? – застегивая куртку, продолжил допрос Глеб.

– Нравится! – растерянно кивнула Оля.

– Ну, круто! Рад за тебя! – ответил Лисин и первым двинулся по коридору. – В личку адрес кину.

Оля, отдав дежурному номерок, проводила Глеба удивленным взглядом. Станный он все-таки парень...

– Держи уже свою куртку, щас рука отвалится! – ломающимся баском раздраженно проговорил восьмиклассник, дежуривший в гардеробе. – Хватит зевать! О, женщина! Все на пацанов заглядывается!

– Ну, знаешь ли! – вспыхнула Оля, сердито вырвав из рук мальчика свой пуховик.

Выйдя на улицу, сощурилась от яркого света. Предыдущие дни были такими пасмурными, с серо-стальным небом, а сегодня, будто чтобы скрасить ожидание Нового года, выпал снежок. Увидев на школьном дворе Женю, Оля не поверила своим глазам. Сердце сладостно замерло. Воробьева быстро спустилась с крыльца. Снег празднично искрил и

приятно скрипел под ногами. Добежав до Жени, Оля поскользнулась и упала прямо в объятия парня.

– Ох! – засмеялся Женя, ловко поймав девочку.

– Ты чего тут делаешь? Как же твой постельный режим? Думала, только завтра снимут корсет. И тебе ведь в школу после каникул!

– Решил тебя встретить! – ответил Женя. – Правда, первой классуху увидел... Справлялась о моем здоровье.

Оля счастливо рассмеялась. Снег слепил глаза. И небо над Жениной головой было непривычно синим.

– Ты голодна? Покормить тебя? – спросил парень.

– Нет! – замотала головой Оля. – Может, лучше просто прогуляемся? Ветра нет! Так хорошо...

– Пойдем! – согласился Женя.

В этот момент на школьном крыльце появилась Рина Сеницына. Девочка сразу заметила Олю и Женю. Сбежала с крыльца и засемила прочь. Обычно Рина выходила из школы с девчонками. Они еще долго трещали обо всем на свете, собравшись в кружок. Сейчас же Рина будто спасалась бегством...

– Сеницына сегодня первый день в школе, – посмотрела на Женю Оля. – Она болела.

– М-м, – равнодушно отозвался Потупчик. – Бедняжка!

– Я все это время сидела с Игнатом, – продолжила Воробьева. – И теперь, когда Рина выздоровела, все равно от него не отсела. А после каникул с тобой сяду.

– Ты поссорилась с Сеницыной? – удивился Женя.

– Ладно, я все знаю, – тяжело вздохнула Оля. – Не хотела тебе говорить, пока она не расскажет Егору, а сейчас сомневаюсь, случится ли это вообще...

– Как ты узнала? – спросил Женя, беря Олю за руку. Вдвоем они не спеша шли по школьному двору.

– Рина сама рассказала! – призналась Воробьева, разглядывая припорошенные снегом деревья.

– Сама? – искренне удивился Женя.

– Ну да! Я не ожидала от нее таких откровений... – Оля хмыкнула. – Видимо, совесть совсем замучила. Помню, как она все это время не разрешала мне с тобой общаться. Говорила, что это плохо скажется на репутации нашей компании. А на самом деле просто трусила, что я ее тайну узнаю.

– Думаешь, она теперь расскажет все и Егору? – усмехнулся Женя.

– А ты думаешь, что нет? – заглянула в глаза парню Оля.

– Сильно сомневаюсь. Уж очень она боится общественного порицания.

Стоя на автобусной остановке, Оля снова вернулась к волнующему разговору.

– Почему Егор тебе не поверил? Допустил такую мысль, что ты можешь его предать...

– Считаешь, я не задавался этим вопросом? – вымученно улыбнулся Женя. – Сотню раз. Думаю, даже если бы я назвал имя Рины, это ничего бы не изменило. Филимонов конкретно подсел Егору на уши. Егор – ведомый...

– А Филимонов мерзкий! – сердито воскликнула Оля. – Настоящий слизняк! Как с ним вообще можно дружить?

– Егор, как видишь, дружит! – отозвался Женя. – Отличный тандем получился. К тому же девочкам должны нравиться плохие мальчики. Судя по твоим подружкам...

– Только не мне! – отрезала Воробьева. В своих суждениях она была горяча и категорична.

Женя посмотрел на девочку и улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Забрались в облепленный снегом переполненный автобус. Свободных мест, конечно, не было, поэтому Женя, держась одной рукой за поручень, второй рукой обнял Олю и крепко прижал ее к своей груди.

Ехали от Суворовского проспекта до Шпалерной улицы, а там, снова взявшись за руки, брели пешком до пустой Воскресенской набережной.

Здесь Нева уже давно замерзла. Облокотившись о каменный парапет и с задумчивым видом глядя на большие льдины, Оля спросила:

– Почему ты ее не выдал?

Женю явно смутил этот внезапный вопрос.

– Она так горько плакала, – растерянно выдохнул парень. – Ее даже трясло. Впервые видел, что так вообще можно убиваться... Я думал, что смогу все разрулить с Егором, но он в позу встал. А Рина мне поначалу правда нравилась. До нашего дежурства она была такой настойчивой и, как мне казалось, искренней. Поджидала после уроков, писала, звонила... Надо было сразу догадаться, что это из-за Егора, а я, дурак, поплыл. Даже стыдно об этом вспоминать.

Женя нахмурился.

– Смог бы ты дружить с Егором, как раньше? – задала новый вопрос Оля.

– Вряд ли, – ответил Женя. – Да я не страдаю от недостатка общения. В моем дворе живут отличные ребята, с которыми я дружу много лет. А ведомые люди – ну их к черту! Ты как считаешь?

– Соглашусь! – улыбнулась Оля.

А потом была долгая прогулка, горячий шоколад в первой попавшейся кофейне и разговоры обо всем на свете. Во время такой беседы кажется, что вы не обсуждаете ничего серьезного, но на самом деле – говорите о самом важном.

Женя провожал Олю домой, когда на улицах уже давно зажглись фонари. Целовались в парадном, судорожно сцепив руки.

– Сегодня один из таких вечеров, о которых хочется писать в личном дневнике, – тихо проговорила Оля. – Хотя вряд ли получится это все забыть...

- Ты ведешь дневник? - спросил Женя.
- Покажи мне девчонку, которая хоть раз в жизни не вела дневник? - засмеялась Оля.
- Женя растерянно улыбнулся в ответ.
- Жаль, что со сноубордом тебя подвел, - виновато проговорил парень, глядя девочку по щеке. - После поломанных ребер мама меня не отпустит в ближайшее время в Коробицыно...
- Думаю, мы найдем способ интереснее провести наши каникулы, - положив голову на Женино плечо, улыбнулась Оля.

* * *

Ксения Борисовна составляла в записной книжке список продуктов. Там уже были колбаса, горошек, яйца...

- Дальше по плану? - спросила Ксения Борисовна у дочери.

- Новогодняя горбуша, запеченная в духовке, - прочитала Оля с планшета название рецепта.

- Что там нужно?

- Горбуша, сыр, маслины, болгарский перец... - начала перечислять Оля. Ксения Борисовна записывала. - Слушай, мама, не много ли сразу два горячих? Мы все это втроем не съедим!

- Думаешь? - засомневалась Ксения Борисовна, оглядывая составленный список.

- Знаю! - важно ответила Оля. - Тем более после боя курантов я с Женей пойду гулять.

- А первого января? - рассеянно спросила мама, перечитывая записи. - Разве Женя к нам не зайдет? К тому же бабушка приедет, Нортон привезет... И жениха!

- Какого еще жениха? - ахнула Оля.

– Наша бабушка в Кемере с каким-то мужчиной познакомилась. В одном отеле отдыхали. Курортный роман! После Нового года обещала представить.

Оля только восхищенно головой покачала. Ну, бабушка! Во дает!

На кухню зашел Юрий Михайлович. Чмокнув Ксению Борисовну в макушку, склонился над составленным женой и дочерью списком. Оля наблюдала за родителями и не могла скрыть улыбку.

После командировки дела на работе у Юрия Михайловича пошли в гору. Новая должность больше не была стрессом. Ксения Борисовна устроилась юристом в крупную компанию, никак не связанную с ее бывшим преподавателем. Да и на связь с ним больше не выходила... Жизнь пошла своим чередом. Разве что Оля теперь старалась чаще оставлять родителей наедине. Фраза, сказанная мамой, так и не выходила у девочки из головы. «Мы с папой в последнее время отдалились. Так бывает у взрослых, Ольга...» Но, кажется, теперь родители и сами хотели сблизиться...

В дверь позвонили. Оля тут же выскочила из-за стола и понеслась в прихожую.

– Это, наверное, Женя! – выкрикнула по пути девочка.

За дверью действительно оказался Женя.

– Привет! – улыбнулась Оля. – Пройдешь? Мы с мамой меню и список покупок на Новый год составляем... Я еще не готова, но быстро соберусь, ты не думай! Там холодно?

– Оля, Оля! – попытался вклиниться в болтовню подруги парень. – погоди! У меня вот что есть. – Женя продемонстрировал девочке черные хоккейные коньки. – Пойдешь на каток?

– На каток? – переспросила Оля. Там они еще не успели побывать.

– Ну да, со сноубордом не выгорело, но коньки мама скрепя сердце выдала! – Женя рассмеялся.

– Я не очень хорошо катаюсь на коньках, – смутилась Оля.

– Так я тебя научу! – пообещал Женя. – И ни на секунду не отпущу твою руку.

Такой расклад Оле понравился.

– погоди! – проговорила девочка, оглядываясь в ту сторону, где находилась кухня.

Через дверной проем она видела, что родители, сидя друг напротив друга, негромко переговариваются. Вот Юрий Михайлович сказал что-то веселое, а Ксения Борисовна тихо рассмеялась.

– Есть у меня идея! – продолжила девочка, забирая из рук Жени коньки. – Посиди пока в моей комнате. Я сейчас!

Когда Оля зашла на кухню, Юрий Михайлович диктовал с Олиного планшета один из рецептов салата.

– Так! Дорогие мои! – командным голосом начала Оля. Родители удивленно посмотрели на дочь. – У вас есть пятнадцать минут на сборы!

– Ольга, с ума сошла? – воскликнула Ксения Борисовна, поглядывая в окно, за которым уже давно стемнело.

– Птенчик, что случилось? – присоединился к жене Юрий Михайлович.

– Вы давно на каток ходили? – строго спросила Оля.

Родители виновато переглянулись, будто дочь решила уличить их в чем-то постыдном.

– Лет двадцать назад, наверное, – ответил Юрий Михайлович.

– Какой кошмар! – укоризненно покачала головой Оля. – Мы с Женей вас долго ждать не будем, так что скорее собирайтесь, чтобы успеть на сеанс.

Зайдя в свою комнату, Оля обнаружила Женю с деревянной рамкой в руках. На фотографии была

маленькая Оля со связкой воздушных шаров.

– Это я на свадьбе у двоюродной сестры, – засмеялась Оля.

– Такая хорошенькая! – не мог скрыть улыбку Женя.

– Ага! Хорошенькая! Беззубая и конопатая...

– Можно я возьму себе эту фотографию?

Оля улыбнулась в ответ.

– Ну, возьми! А теперь отвернись! Я переоденусь.

Женя уселся на кровать и отвернулся к окну.

– Не подглядывай! – грозно проговорила девочка, заметив, что Женя слегка повернул голову в ее сторону.

– Не подглядываю! – вздохнул Женя. Принялся рассматривать Олину детскую фотографию, которую держал в руках. Словно между делом проговорил: – Ко мне же Егор приходил...

– Правда? – удивилась Оля.

– Да. Рина ему, оказывается, все-таки все рассказала.

– Не рассказала бы, я б сама всем поведала! – сердито проговорила Оля, стягивая домашнюю футболку. – Мало бы ей не показалось! А Егор чего?

– Чего? – спросил Женя.

– Извинился?

– Есть такое.

Оля быстро надела теплый свитер и подошла к Жене. Положив руку на плечо парня, вздохнула:

– Ну и хорошо! А остальным кто правду расскажет? Или ты так и останешься козлом отпущения?

– Рина же и расскажет... – ответил Женя, нащупав Олину руку. – Теперь уже после каникул.

– Жду не дождусь, когда справедливость восторжествует! – проворчала Оля.

В дверь постучались.

– Птенчик, мы готовы! – раздался довольный голос Юрия Михайловича.

Как здорово скользить по залитому огнями льду, держась за руки. Пару раз Оля запнулась, но Женя успевал вовремя ее подхватить. Вчетвером решили сыграть в догонялки. Но Оля все время была в отстающих, поэтому вскоре ей наскучила эта игра.

– А теперь змейкой!.. – говорил Женя, пятась спиной. – Давай руки! Следи за коньком...

– Ой, мамочки! – хохотала Оля. Она смеялась весь вечер. Просто так. Такое бывает, когда ты счастлив. – Не получается! Упаду-у!

И снова чирканье коньков по льду, негромкая музыка и снежинки, которые так и норовят попасть в рот...

– Крутые у тебя родители! – сказал Женя, кивнув в сторону Ксении Борисовны и Юрия Михайловича. – И катаются хорошо!

Оля оглянулась. В этот момент отец завязывал маме коньки. Девочка, вспомнив разговор с мамой о первом поцелуе, улыбнулась и снова повернулась к Жене.

– Научишь меня так же хорошо кататься? Чтобы я вас всех обыгрывала в догонялки.

– Научу! – кивнул парень, обняв Олю и притянув к себе.

– И будешь, как мой папа, всегда рядом?

– Буду! – засмеялся Женя, поправляя Олины волосы, выбившиеся из-под шапки.

Опубликовано в 23:12

Про ожидание чуда

«Последние дни живу в ожидании чуда. Странное и приятное ощущение. Будто вот-вот произойдет что-то такое, что перевернет мою жизнь вверх тормашками... А

из ее карманов со звоном улетят прошлогодние обиды, заморочки, все плохие мысли... Громко звякнув, закатятся под старый диван и застрянут между деревянными половицами. Там им самое место. Не хочу брать их в следующий год. Желаю начать все с чистого листа, больше не копить те самые обиды. Быть сильнее, решительнее, честнее по отношению к себе и другим.

Волшебный привкус чуда. Я тебя уже жду!»

(K): Оля, мое солнце, где ты все это время пропадала? Я чуть с ума не сошел!

(S): Прости, прости, прости! Совсем не было времени. Столько всего произошло! Еще и конец полугодия... Думала, не доживу до начала каникул!

(K): Ты прочитала все те комплименты, что я оставлял под последним постом в твое отсутствие? Каждый день...

(S): Да, прочитала. У меня нет слов. Спасибо...

(K): Я уже, как и обещал, распечатал их все. Готов вручить тебе лично...

(S): И как ты меня найдешь?

(K): Приду на биение твоего сердца:)

(S): Кицунэ, честно, когда я открыла все непрочитанные комментарии... Дыхание перехватило, в животе щекотно. А еще стало одновременно радостно и очень обидно.

(K): Обидно?

(S): Да, за тебя. Прости.

...

(S): Я часто не могу понять: шутишь ты или пишешь мне все эти вещи о любви на полном серьезе...

(K): В своих намерениях я серьезен, как никогда, Сайонара.

(S): Ты следишь за моим блогом целый год. Спасибо за то, что поддерживал в трудную минуту, за все комментарии, комплименты, добрые слова... Но твое желание выйти на новый уровень нашего общения...

Оно несбыточно. Пойми, в реале я не могу ответить тебе взаимностью. Здесь, в настоящей жизни, есть человек, которого я люблю.

(K): Вот как.

(S): Для меня любовь к нему – как мартовский луч, который может растопить лед. Единственное спасение.

...

(S): Кицунэ, не молчи!

...

(S): Я знала, что все этим закончится... Это неправильно, что я мучаю тебя и даю ложную надежду. Думаю, будет лучше, если мы прекратим наше общение. Не хочу делать тебе больно.

(K): А я не хочу навсегда оставаться безответно влюбленным. Не ощутить касание твоих рук, губ...

(S): Прости еще раз. Особенно за то, что я сделаю прямо сейчас.

Доступ к блогу и его записям ограничен владельцем.

Глава тринадцатая

– Сейчас он потеряет память, – проговорила Оля, потянувшись за очередной конфетой. – Забудет все, что было в последний год его жизни... Представляешь?

– Зачем ты спойлеришь? – возмутился Женя.

Оля звонко рассмеялась:

– Заинтриговала я тебя? Ох, моя самая любимая дорама!

– Конечно, заинтриговала! – ответил Женя. – Мы с самого утра это смотрим, я уже давно втянулся...

– Когда я смотрела ее в первый раз, мы с Катькой, моей подругой, обсуждали каждую серию! – восторженно трещала Оля. – Катя, кстати, очень классная! Как и остальные мои друзья... Скорее бы мы поехали на каникулах к бабушке в мой родной город. Я обязательно тебя там со всеми познакомлю. Ты им понравишься!

Женя улыбнулся, и на его щеках тут же образовались ямочки. Парень положил Оле руку на плечо и притянул ближе к себе. Так они и сидели, обнявшись, за просмотром Олиной любимой драмы. Девочка была на седьмом небе от счастья из-за того, что ее парень согласился на эту авантюру. Вдвоем они смотрели сериал, время от времени обсуждая сюжет, пили чай и ели конфеты «Птичье молоко», которые принес Женя. Оля тут же вспомнила, как рассказывала ему о своей любви к этим конфетам еще в первую встречу, когда Потупчик спрятал Воробьеву от дождя.

– Досмотрим эту серию и начнем собираться к Глебу, – сказала Оля, поглядывая в темное окно, за которым хороводил снег. – Интересно, кто из наших будет? И как пройдет эта вечеринка? У Цветолины было весело!

– Почему Лисин нас позвал? – спросил Женя, глядя, как Оля поднимается с кровати. – Никогда с ним не общался...

– Глеб позвал всех симпатичных десятиклассниц, – пожала плечами Оля, открыв створки платяного шкафа.

Обернулась и встретилась с нахмурившимся Женей.

– С ума сойти! Ты ревнуешь? – рассмеялась Оля. – Это ни к чему! Я ведь иду с тобой... Глеб мне неинтересен. А я неинтересна ему. Сердце Лисина определенно занято другой девушкой.

– А Цветолина идет? – будто прочитав мысли Оли, спросил Женя.

Оля покачала головой и вспомнила их с Цветой разговор, который произошел накануне...

После классного часа Оля выходила из кабинета одной из последних. В пустом коридоре встретила Цветолину. Константинова сидела на подоконнике, обняв колени, и наблюдала за снегоуборочной машиной, расчищающей широкую аллею школьного двора.

– Ты чего домой не идешь? – спросила Оля, остановившись возле Цветолины. – Дан старт долгожданному зимним каникулам.

Цвета повернула голову и внимательно посмотрела на Олю. Затем спросила:

– Как думаешь, если после встречи с человеком ты не помнишь, как жил раньше, до него, – это любовь?

Оля растерянно пожала плечами.

– Да, наверное... Это она!

Села рядом с Цветой на подоконник и тоже уставилась в окно.

– Ты не идешь домой, потому что думаешь об этом?

– Я просто ключи сегодня забыла, – тихо рассмеялась Цвета.

Оля неуверенно улыбнулась в ответ. В школьных пустых коридорах было тихо. Девочки молчали и смотрели в окно на мокрый крупный снег. Вскоре

раздался стук каблучков, а затем и голос физички, Аллы Кирилловны:

- Девчонки, домой не торопитесь?
- Скоро пойдем уже! – ответила Оля с улыбкой.
- Что ж, до свидания! Хороших каникул! С наступающим!

- С наступающим, Алла Кирилловна! – хором откликнулись Цвета и Оля.

Когда физичка ушла, Оля спросила:

- Ты идешь на вечеринку к Глебу?

Цвета подняла на Воробьеву удивленные глаза. Покачала головой.

- Что я там забыла? – спросила она.

- Любишь его и избегаешь... Почему? – продолжила Оля, разглядывая красивое лицо Цветолины.

Константинова тут же нахмурилась.

- Ты опять за свое? – рассердилась Цвета.

- А я пойду! – упрямо проговорила Оля.

- Рада за тебя! – буркнула Цветолина. – Иди на здоровье! Этот манипулятор пару раз улыбнется, и все уже к нему с радостью бегут...

Оля обиженно промолчала. Продолжила осматривать заснеженный двор, не обращая больше внимания на Цветолину.

- Знаешь, где мы познакомились? – внезапно спросила Цвета.

- И где же? – все-таки отозвалась Оля.

- На концерте одной музыкальной группы. Между прочим, очень клевой. Мама бы никогда не отпустила меня на этот концерт одну. Но в тот вечер она была на дежурстве. Я впервые улизнула из дома, решив, что мама все равно ни о чем не узнает. Отец уже тогда не жил с нами. Был июнь, разгар белых ночей. Музыка играла громко, и меня потряхивало от всего, что творилось там. Я стояла посреди танцпола и как замороженная не сводила взгляда со сцены. А рядом со

мной все время находился незнакомый парень, на которого-то я и внимание не сразу обратила. Только когда он начал то и дело, будто невзначай, касаться меня плечом, я осторожно взглянула на него. Но он в тот момент будто нарочно смотрел на сцену и улыбался. Потом я снова ощущала на себе его внимательный взгляд... Поворачивалась, когда он, наоборот, делал вид, будто меня нет рядом. Мы долго играли в безответные переглядки. А когда заиграла моя любимая песня, мы впервые посмотрели друг на друга в одно время. Он мне улыбнулся, и я улыбнулась ему в ответ...

– Он пригласил тебя на танец? – спросила Оля.

– Ага! – откликнулась Цвета. – Пару раз потанцевали. Он клал руки мне на талию, и каждый раз – по коже мурашки. А после концерта он взял меня за руку, повел к выходу, на шумный вечерний проспект. Я впервые шла с парнем за руку, и мне это жутко нравилось. Внезапно он остановился и спросил: «Хочешь, я тебе кое-что покажу?» Глядя на него как замороженная, я закивала. Тогда он меня поцеловал. Прямо посреди улицы. Я всегда думала, что поцеловаться впервые – это страшно. Куда девать руки? В какую сторону склонить голову? Оказалось, что, когда целуешься с понравившимся парнем, тебе совсем не до этого... Все получается само собой. И внутри будто пожар полыхает. Поцеловавшись, мы пошли дальше, все так же держась за руки. А парень, все чаще останавливаясь, говорил: «У меня есть еще кое-что для тебя...» или «Спорим, такого с тобой еще не было?» И снова целовал. И снова. Снова. А у меня голова кружилась. И я хваталась за него руками. Обнимала его крепко в ответ, чтобы не упасть... За весь вечер я так и не назвала своего имени. А он – своего. Будто сговорились. Просто бродили по городу и целовались. Когда настало время прощаться, парень все-таки спросил номер телефона. А я... испугалась. Моя ужасная

привычка – боюсь привязываться к людям. Назвала ему первые попавшиеся цифры, которые сочинила на ходу, и убежала. Сказала, что дома влетит, и не разрешила себя проводить. Клятвенно пообещала, что, когда созвонимся, я расскажу о себе больше. Да так и пропала. Но, кажется, не было ни одного вечера, чтобы я не вспоминала о той прогулке...

– Когда же вы встретились во второй раз? – поинтересовалась Оля.

Цветолина тяжело вздохнула и продолжила:

– Отец ушел от нас в начале лета, но я и слышать не хотела о его новой семье. Так себя накрутила, что возненавидела их всех... Решила, что ноги моей в его новом доме не будет, буду общаться с папой раз в год, на новогодних каникулах, например. Но реальность такова, что папу я очень люблю, долго мой обет молчания не просуществовал, и вскоре пришлось пойти на мировую. Отец сам приходил ко мне. Я заявляться к нему в гости так и не решалась, хотя адрес прекрасно знала. Но однажды, это было уже в августе, мне срочно понадобилась его помощь. Тогда я и решилась забежать к отцу на минутку... И дверь мне открыл парень, с которым я впервые в жизни целовалась. Я знала, что у папы появился пасынок, но тем летом так старалась абстрагироваться от произошедшего, что слышала лишь его имя – Глеб. Остальное мне было неинтересно. Видимо, и Лисин особо не интересовался судьбой новоявленной сестры. О, видела бы ты в тот вечер его озадаченное лицо! – Цветолина усмехнулась. – Да я сама при виде него начала смеяться, как сумасшедшая, не веря, что все это происходит на самом деле. Ведь передо мной стоял тот самый парень, о котором я думала все лето!

– Значит, он удивился? – улыбнулась Оля.

– Удивился? Да он вообще офигел! Тут же сказал мне: «Я ведь тебя всюду искал... А ты сама ко мне

пришла». А из-за его плеча девчонка какая-то выглядывала. И сердито бормотала: «Глеб, кто это? Кто это такая?» Тогда я ее и успокоила. «Я его сестра, – говорю, – Цветолина! Приятно познакомиться!» Тут они оба обалдели... До сих пор помню наш с Глебом диалог. «Значит, ты и есть Цветолина?» – «Значит, я и есть», – отвечаю. «Думал, ты немного помладше...» – сказал Глеб. Честное слово, он так смутился...

– Ну, а потом? – спросила Оля.

– Потом он предложил дожидаться отца. Дело было срочное, и я согласилась. Девчонка, что была в квартире, волком на меня смотрела. И когда Глеб оставил нас двоих, я зачем-то брякнула: «Делай ноги!» Она опешила: «Почему?» И тут я поступила так гадко... Сама от себя не ожидала. Наврала ей с три короба, что Глеб – самый жуткий парень из всех, кого я знаю... Врун, изменщик, женоненавистник... Я понятия не имела, сколько они встречались. Мне хотелось, чтобы она скорее ушла и больше к нему не приходила. Это ужасно... Я чувствовала себя каким-то чудовищем! Да и вообще такое со мной было впервые. Моя связь с Глебом – как комариный укус. Раз тронешь, и чешется, чешется, чешется... Хочется разодрать рану до крови! Да еще отец подложил такую свинью, когда перевел меня в эту школу, к Глебу. А ведь я до этого ни к одному парню... – Цветолина резко замолчала, а потом быстро взглянула на Олю. – Ладно, мне пора! Мама, наверное, уже дома...

Цвета спрыгнула с подоконника. Оля последовала ее примеру.

– Цветочка! – быстро говорила Воробьева, подстраиваясь под быстрый шаг Цветолины. – Ты все-таки приходи! Будет весело! Мне ж там из девчонок и пообщаться будет не с кем!

– А Синицына и Пучкова? – удивилась Цвета.

– Ну их! – махнула рукой Оля. – Я тебе потом такое расскажу...

Вдвоем девочки дошли до гардероба, поспешно натянули куртки и выскочили на улицу. Обе тут же поежились от мороза.

– Что ж, – растерянно проговорила Оля, глядя на Цветолину. Темные волосы Константиновой, торчащие из-под шапки, тут же припорошило снегом. – Если ты все-таки придешь к Глебу...

– Увидимся в следующем году, – улыбнулась Цвета, давая понять, что к Лисину она не явится ни под каким предлогом. – С наступающим тебя, Оля Воробьева!

– И тебя с наступающим, Цветолина! – откликнулась Оля.

Цвета развернулась и быстрым шагом направилась к воротам. На улице смеркалось, снежинки кружили и падали на лицо. Оля некоторое время стояла на месте, задумчиво провожая взглядом снегоуборочную машину. В голове же звучал голос одноклассницы: «Если после встречи с человеком ты не помнишь, как жил раньше, до него, – это любовь?» Оля подумала о Жене и улыбнулась. До чего ж знакомое чувство! Девочка выбежала за школьные ворота и, миновав расположившийся неподалеку елочный базар, направилась к автобусной остановке. И у Оли также закружилась голова... От внезапной нахлынувшей радости и запаха мокрой хвои.

* * *

Сквозь пляшущие снежинки Оля смотрела на освещенный купол Исаакиевского собора.

– Ты допила? – спросил Женя.

– Да! – Девочка протянула пустой картонный стаканчик из-под кофе.

– Согрелась?

– Согрелась! Идем! Нехорошо опаздывать...

Оля и Женя вышли на украшенный Невский проспект. Внезапно Воробьева, набравшись смелости, начала негромко декламировать:

– Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает,
Но, как медуза, невская волна
Мне отвращенье легкое внушает.

Женя замедлил шаг и с удивлением повернулся к Оле:

– Мандельштам?

Она счастливо закивала и продолжила:

– По набережной северной реки
Автомобилей мчатся светляки,
Летят стрекозы и жуки стальные,
Мерцают звезд булавки золотые,
Но никакие звезды не убьют
Морской воды тяжелый изумруд...

Женя с восхищением смотрел на свою девушку. Сначала Оля скромно молчала, а затем, не выдержав, звонко рассмеялась.

– Видел бы ты сейчас свое лицо! Ну что? Ты ведь посмотрел со мной дораму! А я вот увлеклась стихами...

Женя тут же склонился к Оле и поцеловал ее в левый висок.

– Оля, ты удивительная! – ласково рассмеялся он в ответ.

Тогда девушка крепче прижалась к парню. Как хорошо гулять по вечерней заснеженной улице!

Дома у Глеба собралась приличная толпа. Музыка гремела, смех не умолкал. В темной комнате, подсвеченной желтыми гирляндами, Оля среди прочих незнакомых ей старшеклассников разглядела Пучкову. Нарядная Яна стояла, прислонившись к стене, и о чем-то оживленно болтала с другом Глеба. Воробьева подошла к Пучковой и осторожно коснулась ее плеча.

– Чего тебе, Воробышек? – удивилась Яна.

– Можно тебя на минутку? – попросила Оля.

Пучкова красноречиво посмотрела в глаза подруге, мол, ты не видишь, какой красавчик рядом со мной? Но Оля была непреклонна.

– Ладно! – вздохнула Яна. – Дим, подожди меня! Я вот буквально на минутку...

Девочки отошли в сторону.

– А где Рина? – спросила Оля.

– Зачем она тебе? – насторожилась Яна.

– Просто... Она так долго собиралась сюда, а сама не пришла. С ней все в порядке?

– В порядке! – ответила Пучкова. – Хотя... Знаешь, Оля, Рина ведь мне все рассказала!

– И тебе тоже?

– Ага! В общем. – Яна замялась. – В общем, Ринке очень стыдно! Ну, что так получилось с Женей Потупчиком... Испугалась она тогда, понимаешь?

После небольшой паузы Оля неуверенно произнесла:

– Понимаю! И я бы испугалась... Но она хотя бы могла не травить его, как остальные?

– Ну, дура! Трусиха! Боялась, что все узнают правду.

– А теперь? – спросила Оля.

– Что теперь? – не поняла Пучкова.

– Теперь все узнают правду?

– Теперь уж, конечно! – серьезно ответила Яна. – Егору ведь все известно! Тайное рано или поздно становится явным.

Пучкова тяжело вздохнула. К девочкам подошел Женя с двумя зажженными бенгальскими огнями. Один из них вручил Оле. Не глядя на Яну, произнес:

– Вот, держи! Глеб передал...

Воробьева осторожно приняла из рук Потупчика огонек. А Яна Пучкова, перед тем как вернуться к беседе с симпатичным другом Лисина, хрипло проговорила:

– Извини, Женя!

– Извинить? – удивился парень.

– Она все знает, – пояснила ему Оля. – Рина и Яне рассказала.

– А-а-а, – протянул Женя.

– Ну, ты тоже хорош! – проворчала Пучкова. – Хоть бы мякнул как-нибудь, что здесь ни при чем... Неужели тебе совсем все равно было? Не верю! И нам-то что думать?

Женя молчал и смотрел на Яну сквозь золотые прыгающие искорки.

– Ладно, с наступающим! – улыбнулась Яна. – Мир, труд, жвачка! Оставим все обиды в уходящем году!

Потупчик несмело улыбнулся однокласснице в ответ.

– И тебя с наступающим, Яна!..

...Глеб распахнул дверь только после второго робкого звонка.

– Я уже собиралась уходить! – проворчала Цветолина.

– У меня дежавю, – улыбнулся Лисин. – Но твоего отца здесь нет, они уехали с мамой на выходные.

– Знаю, – перебила Цветолина. – Я не к отцу. Я за Олей...

– За Олей? – переспросил Глеб. – Отличный надуманный повод.

– Ничего не надуманный! – сердито проговорила Цветолина. – Я знаю, что она к тебе собиралась. И еще

раз напоминаю, что у Оли есть молодой человек!

– Ага, – согласился Глеб. – Это, наверное, тот, который сейчас с ней в комнате отплясывает?

– Ты и Женю пригласил? – искренне удивилась Цвета. – Вот так милосердие!

– Точно, я – мать Тереза.

– В таком случае, наверное, мне можно уходить, – неуверенно проговорила Цветолина.

Глеб разглядывал растерянную Цветолину и улыбался. Знал ведь, что она пришла сюда отнюдь не из-за Оли. Куртка расстегнута, и снежинки тают на темных волосах.

– Ты знаешь, что мы стоим под рождественской омелой? – спросил Глеб.

– Ветка поцелуев? – подняла брови Цвета. – Как трогательно! Сам ее сюда повесил?

– Специально к твоему приходу, – отозвался Глеб. – Знал, что соскучишься по мне и не выдержишь разлуки.

– Цветолина! – раздался довольный девичий голос. – Ты все-таки пришла!

Оля выбежала навстречу Цвете и крепко обняла одноклассницу.

– Оля Воробьева, ты что, пьяна? – тихо засмеялась Цветолина, не ожидая такого радужного приема от новоиспеченной подруги.

– Нет! Просто у меня все очень хорошо! – счастливо прошептала Воробьева.

Из кухни раздался звон разбившейся посуды и хохот. Глеб тут же нахмурился.

– Оставляю вас на минуту, дамы! – проговорил он.

Оля проводила Глеба взглядом, а затем обернулась к Цвете. Хотела ей что-то сказать, но Константинова, догадавшись, что разговор будет касаться Лисина, опередила:

– Ты сюда с Женей пришла?

– Ну да, – отозвалась Оля. – Куда я теперь без него?

Цветолина улыбнулась:

– Рада за вас!

– Спасибо!

Внезапно Воробьева начала хихикать.

– Ты чего? – удивилась Цвета.

– Вспомнила нашу с Женей первую встречу... Вот же как бывает! Я ему тогда представилась твоим именем!

– Что? – воскликнула Константинова. – Ты сказала, что тебя зовут Цветолиной?

– Ага! – Оля продолжила смеяться.

– Но зачем?

– Спроси что попроще! Не знаю, захотелось выделиться... А потом оказалось, что мы с Женей – одноклассники!

– Да уж, – улыбнулась Цвета. – Ну, ты даешь! Я свое имя терпеть не могу...

В эту минуту рядом с девочками снова очутился Глеб.

– Ладно, я – к Жене! – проговорила Оля, поочередно посмотрев на молчаливых Глеба и Цветолину. Когда она скрылась в комнате, Цвета проговорила:

– А я тогда домой, поздно уже.

– Цвета, погоди! – хрипло проговорил Глеб.

Цветолина растерянно посмотрела на Лисина. Глеб вышел к ней на площадку и закрыл за собой дверь.

– Какие планы на Новый год? – спросил парень.

Цвета растерянно пожала плечами.

– Мама в новогоднюю ночь на дежурстве будет, – проговорила она, глядя себе под ноги.

– Приходи к нам? – предложил Глеб.

– Может быть, – кивнула Цвета. – Отец тоже приглашал...

Снова замолчали.

– Ты знаешь, что я читаю Олин дневник? – спросил внезапно Глеб. – Вернее, читал. Пока она не сделала записи приватными.

– Дневник? – переспросила Цвета, пытаясь унять дрожь под ребрами.

– Да. Наткнулся совершенно случайно. Думал, там всякая девчачья лабуда, а потом втянулся. Странное чувство, будто можешь проникнуть в голову к человеку. Понять, какой он сложный, многогранный, интересный. В течение года я читал ее мысли, узнавал лучше, проникался к ней, по уши влюблялся...

– Ты влюбился в Олю по дневнику? – совсем растерялась Цветолина.

– Думаешь, такого не бывает?

Цвета не ответила.

– Ты ревнуешь? – заглядывая в лицо Цвете, спросил Глеб.

– Ревную? Глупости! С наступающим, Глеб! – быстро проговорила Цветолина, быстрым шагом направляясь к лестнице.

Белые тяжелые ботинки заскользили по припорошенному снежинками льду. Снег валил так густо, что Цвете приходилось щуриться. Щеки быстро стали мокрыми, будто от слез. Да она и на самом деле в эту минуту была готова горько разреветься. Из-за своей трусости, из-за тяжелого характера, который доставляет ей всю жизнь столько хлопот, и, конечно, из-за Глеба Лисина. Из-за парня, который свел с ума с первого взгляда. А ведь в их последнюю встречу, когда они целовались в подъезде, Цвета думала, что теперь сделать ответный шаг ему навстречу станет намного проще...

Снег валил с черного неба сплошной стеной. Двор был пустынным и тихим. Только фонари освещали оранжевым светом козырьки подъездов. Внезапно откуда-то сверху донеслась музыка...

– Сайонара! – выкрикнул Глеб.

Цвета резко остановилась и, развернувшись, подняла голову. Среди мигающих в окнах гирлянд

отыскала окно Глеба. Парень распахнул створки и, ежась от холода, смотрел на девушку сверху вниз. Цвета, глядя на него, хмурилась. Вспомнила, как в один из редких дней, что гостила у отца, она оставила в квартире планшет. Вернулась за ним ранним утром, боясь наткнуться на Глеба. Ей и в голову не могло прийти, что Лисинухватило наглости залезть в браузер, чтобы посмотреть вкладки. Он поступил низко! Совсем, как она, когда настроила против Глеба его девчонку. Что ж, получается, они квиты. Одного поля ягоды...

В эту минуту, стоя под светом фонаря, Цветолина ощущала грохот пульсирующей крови. Год. Целый год она, ничего не подозревая, душу выворачивала наизнанку перед Лисиным. А какие теплые чувства она испытывала к Кицунэ? Ведь за это время он стал единственным человеком, кому она могла довериться и рассказать о самом сокровенном...

Глеб скрылся в комнате, а Цвета продолжала стоять, раздумывая, как ей быть дальше. В голове продолжали метаться мысли: «Обманщик! Игрок! Манипулятор! Ух, ненавижу! Ненавижу! Ненавижу! Люблю...»

Глеб снова появился в оконном проеме. Перегнувшись через подоконник, выкрикнул:

– Сайонарочка моя, лови!

И первый лист, похожий на осенний, начал плавно опускаться на землю вместе с падающим снегом. Он приземлился прямо у носков Цветиных ботинок: *«Ты обжигаешь взглядом, и мир передо мною замирает».*

Когда сверху полетели остальные листья, Цвета подняла руки, пытаясь их поймать. Вскоре ей удалось выхватить сразу несколько: *«Вот так жил спокойно, а потом меня придавило любовью, словно гранитной плитой... Только о тебе думаю. Все время».* Нет, так не бывает! Цвета подняла голову и осмелилась посмотреть на серьезного Глеба.

- *Значит, это будет признанием?*
- *Конечно.*
- *И как мне на это реагировать?*
- *Признаться мне в ответ.*
- *Я не буду ничего распечатывать. Предупреждаю!*
- *Одной твоей улыбки мне будет достаточно...*

В окне рядом с Глебом появились ребята. До Цветы доносились их возмущенные голоса:

- Лисин, сдурел, что ли? Хату застудишь!
- А что там? Кто там?
- О, Цвета! Привет! Поднимайся к нам! Будем дружить!
- Давай, Константинова, не стесняйся! Здесь весело!

Цвета стояла, бережно прижав к груди листы, и не отводила взгляд от Глеба. Музыку и голоса больше не слышала. Только стук сердца и шуршание снегопада. Глеб тоже напряженно смотрел на Цвету. С облегчением рассмеялся, лишь когда Цветолина первой ему улыбнулась.

notes

СНОСКИ

1

The Beatles, All My Loving («Всю свою любовь»).

2

Дома вы должны были... (*англ.*).